

Г. А. ПОПОВА

МАДРИД В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ОЧЕРК ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Г. А. ПОПОВА

МАДРИД В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ОЧЕРК ИСТОРИИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2018

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)
П58

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ОИФН РАН
«ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *П. Ю. Уваров*,
кандидат исторических наук *В. А. Ведюшкин*

Попова Г. А. Мадрид в Древности и Средневековье. Очерк истории. — СПб.: Наука, 2018. — 207 с.

ISBN 978-5-02-039686-9

Книга «Мадрид в Древности и Средневековье» посвящена истории города и окрестных областей (современное автономное сообщество Мадрид) с древности до середины XV века. В центре внимания автора — эпоха Средневековья, когда начинается собственно городская история испанской столицы: в IX в. на пограничных землях Аль-Андалуса была основана крепость Маджит. В монографии создана широкая панорама городской истории: рассказывается об основании города, о мусульманском Мадриде, его отвоевании христианами и связанных с этим перемен во всех аспектах городской жизни. Речь идет о судопроизводстве и управлении, организации церковной жизни, о хозяйстве и финансах, взаимоотношениях города и округи, городской общине и ее отношениях с королевской властью. В виде приложения в работу включен комментированный перевод на русский язык «Фуэро Мадрида 1202», самого известного текста, созданного в средневековом Мадриде.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов и всех интересующихся историей.

© Попова Г. А., 2018
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039686-9

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ МАДРИДА: В ПОИСКАХ НАЧАЛА

Современный Мадрид, как и другие европейские столицы, уже давно не один город, а конгломерат из нескольких городских образований. Кроме того, сегодня Мадрид — это не только город, но одна из семнадцати автономных областей королевства Испания.¹ Такое положение столичного города сразу ставит вопрос о территориальных границах в историческом исследовании. Городская история Мадрида начинается в эпоху Средневековья — в IX в., однако те земли, которые стали округой города, были заселены с глубокой древности. Мадрид всегда находился в самых тесных связях с окружающей территорией, и рассказ об истории города следует начинать задолго до появления первых сведений о крепости на левом берегу реки Мансанарес.

Если бы Мадрид не стал столицей Испанского королевства в XVI в., то в исторических трудах никогда не появились бы разделы «Мадрид доисторический», или «Мадрид в вестготскую эпоху», или «Древний Мадрид», а знатоки местной истории не спорили бы столь увлеченно о дате основания этого города, а признали бы таковой середину IX в. Значительные перемены в статусе города не только повлияли на его будущее, но и серьезно изменили его прошлое или, вернее, наши знания о нем.

Сейчас можно считать общепринятым мнение о том, что начало собственно городской истории Мадрида относится ко времени господства на этих землях мусульман. Именно то место, где находилась мусульманская крепость — алькасар — и примыкающий к ней район, и было самой древней частью города. Однако чтобы утвердить этот факт, было написано немало ученых трудов, где сталкивались разные мнения и трактовались скудные и туманные факты из ранней истории Мадрида, которые можно извлечь из письменных свидетельств. Оказалось, что легенда об основании Мадрида в античную эпоху очень прочно утвердилась в сознании публики и нередко воспринималась как научно обоснованная гипотеза.

Идея об античном Мадриде возникла во второй половине XV в.: на полях издания 1491 г. «Птолемеевых таблиц»² напротив указания координат города Мантуя Карпетана есть комментарий следующего содержания: Мантуя (или Визерия) Мадрид (*Mantua (Viseria olim) Madrid*). Такое примечание отсутствует в более раннем издании (1475 г.) и в некоторых более поздних. И оно, безусловно, происходит не из текста, созданного Птолемеем. Мадрид именовался Мантуя Карпетана не только в этом комментарии. Примерно в то же время еще два автора считали, что в древности город носил такое название: придворный историк и капеллан короля Фернандо Католика Луций Маринео Сикуло (1460—1533) упомянул его в одном из своих трудов. А Гонсало Фернандес де Овьедо и Вальдес (1478—1533), также служивший Католическим королям, участник Конкисты, однажды посетовал, что он не может сравниться с Вергилием поэтическим даром, чтобы достойно прославить «нашу Мантую Карпетана, именуемую ныне Мадрид».

Очевидно, что легенда об античном прошлом Мадрида складывалась в кругу людей образованных, знакомых с сочинениями античных авторов. Она распространялась больше через книги, чем через устные рассказы. Поэтому неудивительно, что впервые имя легендарного основателя Мантуи Карпетана появляется в труде барселонского кли-

рика и архивариуса Франсиско Тарафы (1495—1556) — он посчитал, что одинаковое название итальянского и испанского городов свидетельствует об общности их происхождения.

В десятой книге «Энеиды» рассказывается об основании итальянской Мантуи. Когда Эней собирал войско для похода против вождя италийского племени рутулов Турна, ему на помощь пришел Окн, сын прорицательницы Манто и Тиберины, бога реки Тибр. Именно он и был основателем Мантуи, родного города автора этих строк:

Также и Окн привел отряд из отчего края,
Тибра этрусского сын и Манто, провидицы вещей,
Стены тебе он, Мантуя, дал и матери имя.
Мантуя, предки твои от разных племен происходят:
Три здесь народа живут, по четыре общины в каждом;
Кровью этрусской сильна, их столицей Мантуя стала.

Гонсало Фернандес де Овьедо и Вальдес, вероятно, также имел в виду именно этот сюжет.

Мы не знаем, был ли именно Тарафа автором версии об общем основателе двух Мантуй, или он только воспроизвел сложившееся ранее представление. Но в дальнейшем она была принята и получила развитие в более поздних сочинениях. Например, рассказывается, что Окн был изгнан из своих земель и, скитаясь, достиг иберийских берегов. Он отправился в глубь полуострова и там основал город, которому дал имя Мантуя, а чтобы отличать от италийской, новую Мантую стали называть Карпетана. Это и был Мадрид. В 20-е гг. XVII в. один из первых историков Мадрида — Херонимо де ла Кинтана — пересказал эту историю с добавлением разнообразных живописных деталей. В частности, он пишет, что Окн, призванный жителями Тосканы, вернулся в Италию, но там он, тоскуя по Карпетанской Мантуе, основал еще одну Мантую. Таким образом, оказывалось, что Мадрид примерно на три столетия старше Рима.

Незадолго до переноса королевской резиденции в Мадрид и в первые годы после этого события легенда об Окне

как основателе города еще не была известна в самом городе. Версия местных знатоков древностей выглядела несколько иначе. Лопес де Ойос, получивший в 1568 г. место преподавателя в городской школе Мадрида, по заказу местных властей написал несколько текстов (эпитафий, аллегорий, мемориальных речей) по случаю разных торжественных церемоний, проходивших в городе, где поведал о достопримечательностях Мадрида, дал разъяснения относительно герба города, а также его названия.

Он полагал, что крепостные стены Мадрида были построены греками. Именно об этом, по мнению Лопеса де Ойоса, свидетельствует барельеф с изображением дракона над воротами Пуэрта Серрада. Его якобы поместили там древнегреческие основатели города, на знаменах которых был также выткан дракон. Сам барельеф до наших дней не сохранился, но известно более позднее изображение, которое считается его копией. Уже в XVIII столетии было замечено, что оно не может принадлежать древнегреческим мастерам, тем не менее, в 1842 г. изображение дракона поместили в герб Мадрида рядом со знаменитыми медведем и мадроньо (земляничным деревом).

Во второй половине XV—XVI веке в Испании распространяется новое отношение к эпохе Античности, из разнообразного наследия которой особенно высоко стала цениться древнегреческая и латинская словесность, утверждающая новые эстетические и этические идеалы. Среди последних особое место занимают гражданственность и патриотизм, что находит выражение в том числе и в прославлении родных пенатов, в акцентировании древности и благородства происхождения городов. Кроме того, изменения в статусе городов и преобразования в городском управлении, нацеленные на усиление контроля центральной власти, вели к тому, что местная элита, в которой большую роль теперь играют местные сеньоры, по-новому выстраивает отношения с короной, стремясь упрочить свой статус через получение титулов, а также через участие в кортесах. Зримым выражением этой тенденции становится утверждение городских гербов и дру-

гой символики, которые должны были служить свидетельством особого положения того или иного города в королевстве. Если обоснования для гербов, как мы видим на примере Лопеса де Ойоса, создаются местными знатоками древностей, не принадлежащими к высоким слоям общества, то об утверждении статуса города и его символов часто хлопочут перед королем представители аристократических родов, чьи владения находятся неподалеку от города.

Еще одним направлением, в котором двигалась мысль тех, кто верил в древнее происхождение Мадрида, были поиски первоначального названия. И здесь возникали самые смелые предположения, доказательство которых требовало столь сложных и невероятных мыслительных комбинаций, что их авторы зачастую благоразумно предпочитали не вдаваться в детали, чтобы не подвергать риску стройность и лаконичность идеи. Об одной из них уже говорилось выше: Птолемей будто бы знал Мадрид под именем Мантуя Карпетана либо Визерия. Причем последний вариант объясняли как намек на то, что город носил имя провидицы Манто — *Viseria* от латинского слова *visus* (от гл. *video*).

Другое предполагаемое имя Мадрида в древности — Урсария (*Ursaria*). Его Лопес де Ойос также приписывает Птолемею, хотя не совсем ясно почему. Оно якобы происходит от латинского слова *ursus* — медведь и возникло благодаря обилию этих зверей в окрестностях Мадрида.

Наконец, согласно еще одной версии, Мадрид — это римская колония Миакум (*Miacum*), известная из так называемого «Итинерария Антонина» — описания дорог и маршрутов Римской империи, составленного в III в.

Все эти предположения, появившиеся в период с XV по XVII в., излагались в трудах, посвященных Мадриду, и хотя уже с XVIII в. в отношении каждого из этих предположений высказывались весьма веские опровержения, все же их продолжали обсуждать как научные гипотезы и в середине XX столетия. Столь долгие поиски античных корней Мадрида, несмотря на очевидный недостаток доказательств их существования, безусловно, объясняются столичным стату-

сом, обретенным в XVI в. Легенда о статуе покровительницы города Богородицы де ла Альмудена, будто бы созданной св. Иаковом и оставленной апостолом в Мадриде, подкрепляла рассказы о древности города.

Однако в настоящее время вся эта богатая и прочная традиция перешла в жанр городских легенд, и началом собственно городской истории Мадрида ныне считается IX в., когда здесь была построена мусульманская крепость.

ГЛАВА 1

МАДРИД И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ В ДРЕВНОСТИ

Изучение доисторической эпохи на тех землях, где теперь расположен Мадрид, очень затруднено. В прошлом столетии и непосредственно городские районы, и прилегающие к ним территории переживали времена бурного развития градостроительства. Во многом из-за строительных работ многие археологические памятники, относящиеся к самой глубокой древности и хранящие свидетельства о жизни первых людей, которые осваивали эту местность, были либо полностью уничтожены, либо значительно повреждены. Археологи находят большинство орудий не на их первоначальном месте — они сместились из-за естественных процессов, происходящих вблизи русла рек, а также в результате хозяйственной деятельности людей в последующие эпохи. Немало материала было обнаружено учеными еще в ту эпоху, когда стратиграфии археологических памятников не уделялось достаточно внимания и систематической фиксации находок не велось. Первые раскопки палеолитических комплексов в районе Мадрида начались еще в конце XVIII в., и сегодня Мадрид и его окрестности, как и все плоскогорье Месета,¹ считаются районом, очень богатым памятниками древнейших периодов человеческой истории.

Здесь находят каменные орудия, изготовленные примерно 370 тыс. лет назад (по своему типу они относятся к ашель-

ской культуре: 1.6 млн — 150—120 тыс. лет назад). Принадлежали они человеку вида *Homo Erectus*. Находки — ручные рубила и отщепы — в наибольшем количестве встречаются по берегам рек, в первую очередь Мансанареса. Люди, изготовлявшие и использовавшие такие орудия, занимались охотой и собирательством. Этот тип хозяйства предполагал значительную мобильность отдельных групп в пределах обширной территории. Небольшие группы людей, обычно связанных кровным родством, часто переходили с одной стоянки на другую, причем эти перемещения, видимо, носили сезонный характер и зависели не только от истощенности ресурсов территории. Характер находок на разных стоянках позволяет говорить и о специализации разных мест обитания — стоянки охотников, «мастерские» по изготовлению каменных орудий.

Фауна этого времени включала такие виды, как слоны (*Palaeoloxodon antiquus*), носороги (этрусский носорог и носорог Мерка), быки (*bos primigenius*), олени и лошади. Животные населяли обширные лесостепные пространства с умеренно-теплым и влажным климатом. С началом оледенения природные условия в центральных областях Пиренейского полуострова, как и повсюду на Европейском континенте, значительно изменились. Из-за похолодания сменилась растительность, распространились новые виды животных — шерстистые носороги, мамонты. Их кости найдены в окрестностях Мадрида (Ривас-Васиамадрид).

Около 100 тыс. лет назад люди вида *Homo Erectus* исчезают, в зоне их обитания появляются неандертальцы. Месета, особенно ее центральная часть, — это район, где следов пребывания неандертальцев сохранилось больше, чем в других областях Европы, возможно, из-за сравнительно более мягких природных условий, которые здесь сложились в ледниковый период. Важнейшим достижением этого времени стало использование огня, в том числе и для приготовления пищи. Об этом свидетельствует состав пепла в очагах стоянок. Кроме того, в этот период были освоены многие новые техники охоты: использование ловушек и ловчих ям, активное приме-

Череп древнего слона (*Palaeoloxodon antiquus*).
780 тыс.—127 тыс. лет назад. Вильяверде.

нение усовершенствованных метательных орудий. Неандертальцы широко использовали деревянные копья с каменными наконечниками.

К началу периода среднего палеолита относятся усовершенствования в технологии производства каменных орудий. Формы орудий становятся значительно устойчивее, больше орудий изготовлялось из отщепов и пластин. Широкое распространение получают более мелкие изделия (ретушеры, шилья). Стоянки с характерным набором предметов — скребков, остроконечников и наконечников охотничьих копий, костяных изделий — находят как в окрестностях Мад-

рида (Атахильо, Лопес Каньямеро, Прадо де лос Ланерос), так и в черте современного города (Сьюдад Линеаль, Чамартин, Вальекас).

Неандертальцы исчезают около 30 000 лет назад, а в Европе начинает расселяться новый вид человека — *Homo sapiens sapiens*. В начале мезолита вместе со значительными природными изменениями — потеплением, повышением уровня моря, исчезновением многих крупных животных (в первую очередь, мамонтов) и появлением тех видов, которые продолжают жить на этих территориях и сейчас, — видимо, началась масштабная миграция людей. В результате, на территории Месеты, в частности в районе Мадрида, памятники, которые можно было бы отнести к мезолиту, отсутствуют — эти земли опустели на несколько тысячелетий.

Новые поселенцы, появившиеся здесь очень поздно, по сравнению с другими районами Испании, — около 4 тыс. до н. э., были уже носителями совершенно иного хозяйственно-культурного типа.

Данные археологии и антропологии позволяют частично реконструировать социальное устройство той эпохи. Если прежде основная часть человеческих коллективов представляла собой семейные группы, то теперь появляются племена, которые объединяют несколько родов. Эти роды считают себя потомками общего прародителя и действуют сообща в освоении и защите территории, на которой живут. Несмотря на новшества, воздействие прежней традиции еще очень заметно, особенно в области производства орудий труда, и изменения в социальной и экономической сферах практически не отражаются на технологиях. Еще не наблюдается никакой специализации, разделение труда очень слабо выражено: изготовление всего необходимого для жизни сосредоточено внутри семьи, каждый член которой вовлечен обычно в несколько важных сфер добывания пропитания и обеспечения условий существования.

Основные события эпохи неолита — появление земледелия и скотоводства — положили начало оседлому образу жизни и новым способам использования природных ресур-

сов. На территории Мадрида обнаружено лишь небольшое число находок, относящихся к неолиту, преимущественно к его поздней стадии. Они показывают сосуществование двух типов жилищ. Первый из них, традиционный, — жилище, расположенное в пещере (Куэва дель Айре в Патонес), а второй тип, новый, располагавшийся обычно в речных долинах, — наземная постройка, хижина, овальная в плане, с земляным полом, возможно, покрытым соломой (Верона в Вильяверде Бахо). Именно такие жилища стали очень распространёнными в бронзовом веке. В поселениях найдена керамика из светлой глины с характерным орнаментом, нанесённым при помощи палочки и гребенчатых штампов. Кроме того, местные жители пользовались жерновами, хорошо отшлифованными каменными топорами и каменными ножами. Практически отсутствуют костные останки, что, к сожалению, не позволяет судить о том, было ли развито здесь скотоводство. И нам ничего не известно о духовном мире обитателей этих хижин и пещер — ни захоронений, ни изображений этого времени в области Мадрида не найдено.

В середине третьего тысячелетия до н. э. жизнь здесь сильно меняется: появляются предметы, свидетельствующие о новых технологиях, новых способах охоты, быстром развитии земледелия и скотоводства. Обилие наконечников для стрел и копий говорит о том, что охота сохраняла свое первостепенное значение в жизни людей, но их питание теперь стало заметно разнообразнее из-за включения зерновых и бобов. В поселениях обнаруживают множество мельничных жерновов, а также зернохранилища. К этому же времени относятся первые находки костей лошадей и собак. Они могли использоваться как для охоты, так и при выпасе скота. Лощеная керамика этого времени отличается большим разнообразием форм — встречаются закрытые шарообразные или конической формы сосуды, сосуды с низкими стенками. Некоторые из них приспособлены для того, чтобы их можно было повесить. Снаружи керамика покрыта разнообразным геометрическим орнаментом — в форме кругов, треугольников, а также так называемым шнуровым рисунком, который

наносился при помощи веревки. Помимо сосудов из глины также изготавливали светильники, основы для очагов, которые не давали раскатиться дровам, ложки и, наконец, пряслица и грузики для прядения и ткачества. Последние находки свидетельствуют о появлении нового вида ремесла и новых материалов в быту — тканей из шерсти и льна.

В известных ныне поселениях позднего неолита в области Мадрида — Кастильо де Барахас, Ла Лома де Чиклана, Эль Эспинильо, Ковибар, Кантарранас — распространен тип жилища, овального или круглого в плане (диаметр около 5 м) с земляным полом. Вокруг построек иногда выкапывали траншею и ставили ограду из переплетенных веток, что-то вроде плетня. Большое количество находок в этих поселениях может свидетельствовать как о росте численности населения, так и об увеличении срока пребывания на одном месте, т. е. о складывании оседлого образа жизни.

От позднего неолита на территории Мадрида почти не осталось захоронений. Известны коллективные захоронения в пещерах (Торрелагуна, Патонес, Тьелмес) и в дольменах (Энтретерминос), но из-за того, что пещерами пользовались и позже, детальное изучение самых ранних захоронений невозможно — кости и инвентарь смещены и уже не представляют собой единого комплекса. Но можно констатировать два факта: наличие в могилах разнообразных предметов, которые клали, чтобы они сопровождали покойных в загробной жизни, и коллективный характер захоронений, позволяющий предположить, что речь идет о погребениях одного клана.

Самые первые металлические предметы появились в области Мадрида в начале второго тысячелетия до н. э. Это были медные проколки и лезвия, украшения из золота. Начало повсеместного использования металла и развитие металлургии на Месете связано с приходом сюда нового населения, носителей так называемой культуры колоколовидных кубков. Эта культура, распространившаяся по всей территории Европы, получила свое название из-за особой формы сосудов, напоминавших перевернутый колокол, украшенных разноцветным орнаментом. Их использовали для разных целей — готовили

Колоколовидная керамика. 2500—1800 гг. до н. э. Вильяверде.

в них пищу, хранили продукты. Новые поселенцы активно использовали в быту металлические предметы. Медь, из которой их изготавливали, происходила из местных месторождений Сьерры де Мадрид и Гвадалахары. Использование металлических орудий вместо каменных облегчало и ускоряло многие хозяйственные работы. В поселениях этой культуры были найдены металлические топоры, серпы, наконечники стрел.

В обряде погребения также произошли заметные изменения, которые ученые связывают с появлением нового населения. Теперь речь идет об индивидуальном захоронении в могиле. Погребальный инвентарь включает в себя колоколовидные чашу или горшок, а иногда кинжал или короткий меч. Присутствие в отдельных погребениях оружия свидетельствует о выделении группы, занимавшей особое положение и, возможно, наделенной особыми полномочиями. Такие захоронения найдены в Съемпосуэло, самом знаменитом памятнике культуры колоколовидных кубков на Месете, а также в Ла Алдеуэле, Аренеро де Мигель Руис.

С середины второго тысячелетия до н. э. в области Мадрида становятся заметны некоторые изменения в типе хозяйства — начинается этап классической бронзы. В этот период земледелие превратилось в ведущую сферу хозяйства. Огромные керамические сосуды для хранения зерна свидетельствуют о том, что зерновое производство значительно выросло. В это же время металлические орудия вытесняют каменные, которые хотя и не исчезают вовсе, но встречаются теперь реже бронзовых. Находки в памятниках мадридской зоны (Техар дел Састре, Ла Фуэнте де ла Бруха) тиглей и ли-

тейных форм говорят о том, что металлические предметы изготавливались здесь же. Форма поселений, построек остается прежней — овальные наземные жилища с зернохранилищами, выкопанными в земле. Однако изменения погребального обряда позволяют предполагать миграцию на эти земли нового населения. Теперь тело покойного помещают в большой керамический сосуд — урну.

До первой четверти I тыс. до н. э. мадридские земли входят в зону распространения культуры Коготас I — самой поздней культуры эпохи бронзы на Месете. Среди металлических изделий появляются фибулы, оружие — мечи,кинжалы. Керамика Коготас I, богато орнаментированная, темного или бурого цвета, позволяет сделать некоторые выводы о технологии ее изготовления: применялся обжиг в небольших закрытых печах, где температура доходила до 850 градусов. Другой характерной чертой сосудов этой культуры стал орнамент типа *Voquique* — он наносился при помощи палочки, которой делали непрерывную линию с небольшими углублениями на равном расстоянии.

Появляется новый тип жилищ: теперь это наземная постройка прямоугольной формы с двускатной крышей. Внутри жилище делилось на несколько помещений. Практически неизвестен погребальный обряд жителей Месеты этого времени. Найдены единичные захоронения, представляющие собой ямы с останками без явных следов погребального инвентаря.

С VIII в. до н. э. в центре Месеты в материальной культуре местного населения проявляется влияние с севера из долины Эбро, а также с юго-запада, где в это время уже существует высокоразвитое общество Тартесса.² Это влияние, безусловно, стало результатом контактов между жителями сопредельных областей. Благодаря обмену здесь появились предметы и орудия из железа, а местные мастера стали использовать в украшении керамических сосудов орнаментальные мотивы, характерные для других традиций.

С этого времени ученые могут проследить по археологическим памятникам, прежде всего захоронениям, отчетливые следы социальной стратификации. Многочисленный и разно-

Керамика позднего бронзового века. 1200—800 гг. до н. э. Хетафе.

образный погребальный инвентарь в индивидуальном погребении свидетельствует об особом социальном статусе покойного. Кроме того, несколько уровней захоронения с курганом позволяют предположить, что погребение сопровождалось сложным продуманным ритуалом, требующим усилий целой группы людей.

В эпоху раннего железа в области Мадрида, видимо, по-прежнему происходит активный обмен как самими предметами, так и новыми технологиями. Вид жилища почти не изменился по сравнению с предшествующей эпохой: это также прямоугольная постройка, стены которой возводились из переплетенных веток и обмазывались глиной. Иначе стали выглядеть керамические сосуды. Сама форма изменилась мало, но они стали миниатюрнее, с более тонкими стенками. Иным стало и оформление — появилась роспись, хотя сохранился и рельефный орнамент. Изготавливали сосуды как вручную, так и при помощи гончарного круга, правда, очень примитивной конструкции, которая представляла собой один круг, вращающийся на оси и приводимый в движение рукой. В Вилья де Вальекас — одном из пригородов Мадрида —

Урна из некрополя раннего железного века. 800—500 до н. э. Хетафе.

были найдены многочисленные образцы такой керамики (Ла Гавиа и Сан Антонио).

К VII—VI вв. до н. э. относятся самые заметные изменения в обряде захоронения. Теперь тело покойного кремировали, прах помещали в керамический сосуд — урну, которую закапывали в землю, не делая на поверхности никакой насыпи. Обычно такие захоронения располагаются группами, образуя некрополь за пределами поселений. Этот погребальный обряд дал название археологической культуре «полей погребальных урн». Его специфичность заставляет предположить миграцию нового населения. И ранее считалось, что новые традиции на Пиренейский полуостров принесли кельты вместе с технологиями обработки железа. Однако теперь археологи предлагают не устанавливать столь однозначной связи между культурой полей погребальных урн и этнической принадлежностью к кельтам ее носителей. Дело в том, что эта культура, т. е., собственно, особый погребальный обряд, получила распространение, начиная с эпохи бронзы, во многих областях Европы — от Балтики до юга Франции и Испании

(обряд фиксируется в разных районах в разные века). При этом материальная культура этих районов была очень разнообразна, и предметы из железа часто отсутствуют. Видимо, не существовало одной общей причины появления этого нового обряда в том или ином районе, это определялось целым комплексом взаимосвязанных обстоятельств, которые довольно трудно установить, располагая лишь археологическими свидетельствами. На территории Мадрида поля погребальных урн появляются в эпоху раннего железа (Верона в Вильяверде).

Примерно к VI—V вв. до н. э. относится начало в центральных областях Месеты эпохи позднего железа. И теперь к археологическим данным прибавляются письменные свидетельства античных авторов, которые описывали образ жизни местного населения. Благодаря этому нам известно первое название местных племен — карпетаны. Они относятся к группе кельтиберов, населявших центральные и северные районы Пиренейского полуострова.

Собственно, наши знания об этнических процессах на этой территории в эпоху железа очень расплывчаты. Довольно долгое время господствовало представление, основывавшееся на мнении античных авторов, что в результате переселения сюда кельтских племен и их активного взаимодействия с местными (иберами) появились кельтиберы, соединившие в своей культуре кельтские и иберские черты. Однако археологические данные не подтверждают теорию синтеза. Наиболее обоснованной сейчас считается другая гипотеза. С началом эпохи железа (т. е. с VIII в. до н. э.) на территории Мадрида появляются новопоселенцы, этническая и языковая принадлежность которых неизвестна. Именно они приносят первые знания об обработке железа, а также новый погребальный обряд. Они взаимодействуют с автохтонным населением и отчасти ассимилируются: многие отличительные черты местной материальной культуры, в частности форма жилищ, керамика, сохраняются. Это население стали называть докельтским. Собственно, оно и остается преобладающим на этих территориях вплоть до прихода сюда римлян.

Карпетаны, населявшие, согласно рассказу Страбона и Тита Ливия, земли к югу от гор Центральной Кордильеры до верховий реки Гвадианы, соседствовали с олкадами (на юге и юго-востоке), относящимися к иберам, и с собственно кельтиберами, которые, единственные, могут считаться племенем, возникшим в результате этнического синтеза иберов и кельтов. Такое соседство оказывало значительное воздействие на материальную культуру карпетанов.

К этому времени относится развитие ремесленной специализации. Керамику изготавливают специалисты-гончары, которые применяют гончарный круг и большие печи с поддувом, что изменяет цвет изделий — они приобретают характерный оранжевый оттенок. Сосуды украшают теперь почти исключительно росписью в виде красноватых широких линий и концентрических кругов. Другой областью специализации становится металлообработка, где железо вытесняет бронзу.

Появляется новый тип поселений, которые носят городской характер. Группы построек образуют улицы и кварталы, возводятся здания в несколько этажей. Для их сооружения используют кирпичи, как обожженный, так и сырец, а также камень. На территории современного Мадрида обнаруживаются следы только поселений сельского типа, расположенных, как и города, на возвышенностях — Серрос де ла Гавиа, Серрос де ла Магдалена, Вальдивиа и Мартинес, Кастильо де Барахас. В автономной же области Мадрида существовали и крупные укрепленные городские поселения со стенами и рвами — Серро дел Висо (Алькала), Понтон де ла Олива (Патонес), Титульсия. Античные историки, описывавшие войны Рима в Испании, упоминали о городах карпетанов: Полибий писал о ста тридцати городах, Птолемей — о восемнадцати. Однако сейчас мы не можем уверенно соотнести упоминаемые ими названия с известными археологическими комплексами, которые считаются поселениями карпетанов.³

Изменения в экономической жизни и рост военной опасности способствовали концентрации жителей в крупных поселениях, которые в интересах обороны возводятся на холмах и укрепляются. В этот период на Месете начинают

распространяться деньги. С другой стороны, активное продвижение вглубь полуострова карфагенской колонизации, Пунические войны и начало войн римлян с кельтиберами и другими местными племенами хотя еще и не оказали непосредственного воздействия на земли, населенные карпетанами, но, видимо, побуждали их обустраивать свои поселения в ожидании возможных вооруженных нападений извне.

Первые военные экспедиции римлян в Карпетании, в той ее части, где сейчас находится Мадрид, датируются началом II в. до н. э. Затяжные военные действия велись здесь между 191 и 179 гг. до н. э., затем наступило относительное затишье, поддерживаемое договорами и союзами с местными племенами. Однако в 147 г. до н. э. началась Лузитанская война, и Карпетания снова стала территорией сражений, которые завершились около 139 г. до н. э. И с этого времени эта область окончательно вошла в состав римской провинции, получившей название Испания Ближняя (*Hispania Citerior*).⁴

Археологических данных, свидетельствующих о военных действиях II в. до н. э., в центре Месеты практически нет, однако косвенным подтверждением насильственного утверждения власти Рима стало запустение поселений карпетанов — большая часть из них прекратила свое существование в этом столетии. Можно предполагать, что римляне нарушили местную урбанистическую традицию, заставив кельтиберов покинуть их укрепленные поселения, которые по образу жизни уже вполне могли считаться городами.

Самым крупным городом Карпетании при римлянах стал Толедо — *Caput Carpetaniae*, он получил статус римской *civitas*, т. е. полноценной городской общины. Города поменьше, именовавшиеся *municipium*, обладали правом на создание своих органов самоуправления и особым юридическим статусом. В центре Пиренейского полуострова они были многочисленны. К ним относились Комплутум (ныне Алькала-де-Энарес), Варада (ныне, вероятно, Барахас), Термида (ныне, вероятно, Тьелмес), Миакум (ныне Каса-де-Кампо), Титульсия и Мантуя. Последняя долго интриговала знатоков мадридской истории, надеявшихся доказать, что именно

она превратилась затем в Мадрид. Но, как уже говорилось, нет никаких оснований отождествлять эти два поселения, и хотя следов Мантуи пока не найдено, можно с уверенностью утверждать, что там, где в более позднюю эпоху появилась мадридская крепость, таких следов нет.

Территория современного Мадрида и прилегающие земли в период римского правления не достигли в своем развитии таких высот, как прибрежные районы. Однако нельзя утверждать, что это были пустынные и почти нероманизированные области. Археологические исследования, постоянно ведущиеся в автономной области Мадрида с 70-х гг. XX в., показывают, что при римлянах здесь непрерывно существовали небольшие поселения. Они появлялись по берегам рек и, как правило, не имели в своей основе кельтиберских центров.

Через эту область проходили несколько очень важных путей. Первая дорога соединяла Мериду с Сарагосой, крупнейшие римские города. Эта дорога проходила через Титульсию, к которой тянулись еще две более мелких дороги, а к Сарагосе вела уже только одна крупная транспортная артерия, как сказали бы мы сегодня.

Другой важный путь шел от Сеговии через горы Гуадаррамы до Миакума, а оттуда до Титульсии. Эти две дороги образовывали гигантскую букву «V» и обеспечивали еще и постоянное сообщение между водными путями — реками Гаударрамой, Мансанарес, Харамой и Энарес. Кроме того, существовала сеть дорог местного значения, соединявших между собой муниципии и позволявших также добраться из них до центра области — Толедо. От этих путей в районе Мадрида осталось несколько отрезков сохранившейся мостовой, а также древние дорожные знаки — милиарные столбы, обозначающие расстояния или сообщавшие имена строителей и патронов, поддерживавших дорожную сеть.

Большинство археологических комплексов римского времени на этих землях определяются как вилла. В самом общем виде это обычно группа построек — жилых и хозяйственных. Среди жилых можно, как правило, выделить основное здание, где проживал владелец виллы со своей семьей.

Фрагмент напольной мозаики «Четыре времени года».
Вилла в Карабанчель. IV—V вв.

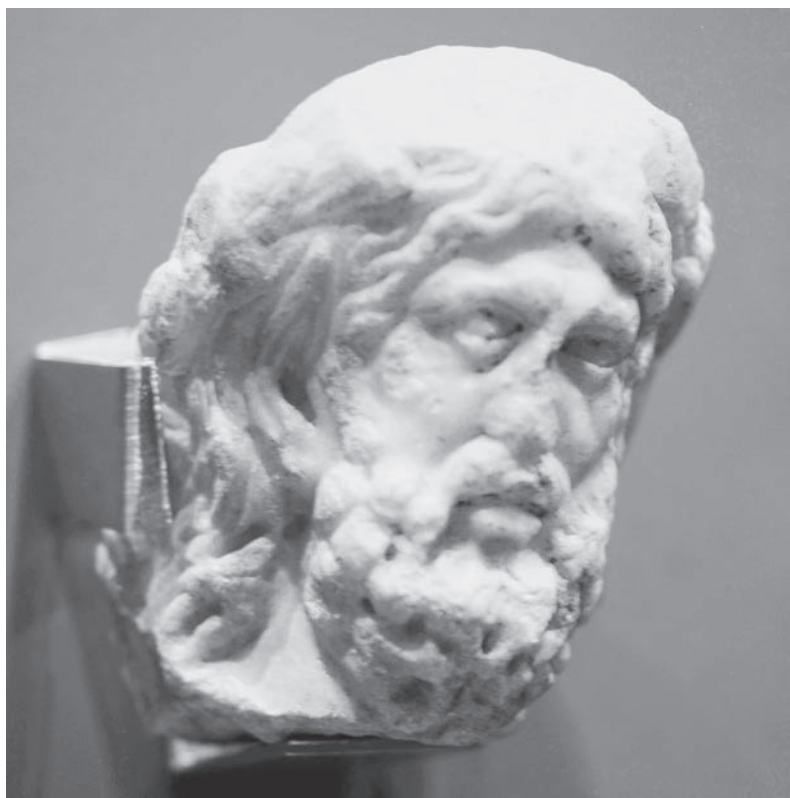
Расположение построек, их взаимная удаленность, архитектура зданий и строительный материал, а также характер находок на прилегающих участках могут быть весьма разнообразны: были виллы, которые в близких нам категориях мы бы определили как хутор, т. е. небольшое, но крепкое хозяйство, где хозяева и работники проживают бок о бок и, возможно, трудятся совместно. Другие же виллы становились фактически небольшими деревнями, где дом владельца мог выделяться особой роскошью в убранстве (фрески, мозаики), а к нему прилегал обширный хозяйственный комплекс и отдельные помещения, где жили работники. Так, например,

в существовавшей с I по V в. Вилья дель Валь, неподалеку от Алькалы де Энарес, найдены обширный дом хозяина, термы, множество хозяйственных построек, обнаружена ирригационная система. На вилле занимались как земледелием, так и скотоводством; и среди прочей живности держали даже верблюдов.

Наибольшее количество вилл обнаружено в речных долинах — по берегам рек Гуадаррама, Мансанарес, Энарес и Харама, особенно в их нижнем течении, по-видимому, из-за хорошего качества земли в этих районах и из-за близости крупных торговых путей.

Несмотря на то что подлинного античного прошлого у Мадрида не было, свои римские древности в городе существовали. Они вместе с упоминанием о Мантуе у Птолемея служили краеугольным камнем гипотезы об основании города в древности. Причем эти римские древности были камнями в буквальном смысле слова — это одиннадцать каменных плит с надписями, найденные в разных мадридских зданиях. Из них лишь одна плита сохранилась до наших дней, об остальных известно только благодаря эрудитам и историкам XVI—XVII вв., которые тщательно скопировали надписи на этих плитах и дали их первые интерпретации. Те камни, о которых идет речь, были найдены в центральной части Мадрида — в стене Алькасара, воротах Пуэрта-де-Гвадалахара, в воротах Пуэрта-де-Морос, в башне Лассо-де-Кастилия и др. Скорее всего, они оказались здесь случайно, как строительный материал, который собирался в округе, в том числе и в тех местах, где прежде существовали римские постройки или захоронения: большинство надписей — это фрагменты эпитафий. Оснований сомневаться в подлинности этих надписей у ученых нет, но что действительно вызывает сомнение, так это то, что эти плиты были найдены в том самом месте, куда были положены первоначально, т. е. *in situ*.

Разнообразные находки предметов и остатков строений римского времени, образующие более или менее целостные комплексы, в основном фиксируются за пределами древней, а иногда и современной территории Мадрида — в его при-

Голова римского божества Сильвана. II в. н. э. Вильяверде.

городах Карабанчеле, Вильяверде, Хетафе, Каса де Кампо и Пуэнте де лос Франсесес. Причем все эти находки свидетельствуют о преимущественно сельском характере заселения области. Большинство обнаруженных археологами вилл, как и упоминавшаяся выше Вилья дель Валь, возникли около первого столетия нашей эры и просуществовали довольно длительное время — до IV—V вв. Позднее они пришли в запустение.

Правление вестготских королей, утвердившихся на Пиренейском полуострове с начала VI в., почти не оставило сле-

дов на землях Мадрида и округи. Фактически образ жизни местных жителей менялся мало, хотя, как уже упоминалось выше, большинство вилл приходило в запустение. Поскольку в это время строили крайне мало, основную информацию о присутствии вестготов можно получить из раскопок некрополей и сельских поселений, если они просуществовали достаточно долго, чтобы оставить след, доступный археологическому изучению. В округе Мадрида найден целый ряд таких памятников, которые датируются временем между V и IX вв. — Индиана, Тинто Хуан де ла Крус (в Пинто), Горгес (в Сан-Мартин де ла Вега), Кинтано (в Мехорада дель Кампо), Ла Уэльга, Расильо (в Барахасе), Эль Валь (в Алькале де Энарес), Касера де лас Ранас (в Аранхуэсе). На территории современного города Мадрида обнаружено несколько некрополей — в Парке Линеаль-дель-Мансанарес, в Тетуане и Вентас. Самый крупный из найденных в Мадриде — некрополь в Викальваро (824 захоронения). Характерной особенностью вестготских захоронений является принятая ориентация восток-запад, хотя иногда встречаются и нарушения этой закономерности (как, например, в некрополе в Гавиа). В могилах часто обнаруживаются украшения — фибулы, пряжки, накладки, а также керамические, металлические и стеклянные сосуды.

Размеренное существование жителей долины Мансанареса и предгорий Сьерра де Гвадаррама, занимавшихся земледелием и скотоводством в стороне от крупных городских центров, было нарушено приходом новых завоевателей, которые утвердили здесь свою власть на несколько столетий и сильно изменили ход событий.

ГЛАВА 2

ОСНОВАНИЕ ГОРОДА. МУСУЛЬМАНСКИЙ МАДРИД

Исходя из того, что мы знаем об округе Мадрида до эпохи мусульманского завоевания, мы не можем утверждать, что мусульмане построили крепость на месте более древнего поселения. Из арабоязычных источников мы впервые узнаем название этой крепости — Маджрит, от которого в результате длинного пути фонетических преобразований и произошло имя будущей испанской столицы — Мадрид.

Военная экспедиция мусульман 711 г., не первая, но самая успешная, привела к падению политического господства вестготов и открыла новую эпоху в истории Пиренейского полуострова. Своеобразие этого периода состояло, прежде всего, в длительном сосуществовании христианства, мусульманства и иудаизма, что отразилось на всех сферах жизни людей.

Тарик, наместник эмира в Танжере, высадился в 711 г. с небольшим войском в районе современного Гибралтара, откуда начал свои завоевательные походы по землям королевства вестготов. В том же году армия короля Родриго потерпела поражение на берегах реки Гуадалете, и потом мусульмане почти нигде не встретили активного военного сопротивления: им покорились практически все крупные города юга Пиренейского полуострова — Малага, Мурсия, Кордова, Хаэн. Тарик достиг столицы вестготов Толедо в том

же 711 г. Он нашел город обезлюдевшим и захватил огромную добычу — множество драгоценностей, в том числе, как упоминают некоторые арабские историки, стол царя Соломона, сделанный из серебра и золота, инкрустированный драгоценными камнями. Малочисленность отряда мусульман не позволяла оставлять в завоеванных крепостях свои гарнизоны, поэтому в Толедо, как и во многих других городах, Тарик, вероятно, заключил соглашение с оставшимися здесь жителями о выплате регулярной дани при сохранении в их руках власти в городе.

Вероятно, в это же время мусульмане появились на берегах реки Мансанарес. В целом, это была эпоха упадка городской жизни. В запустение приходили самые крупные центры Карпетании — такие города, как известные с римской эпохи Комплуто, Валерия, Сегобрига.

Значение местных центров отныне зависело, прежде всего, от их военно-стратегической выгоды: расположения на местности, доступности жизненно важных ресурсов, прежде всего воды, близости дорог — эти и некоторые другие характеристики должны были присутствовать в оптимальном соотношении.

В первые десятилетия после завоевания мусульмане — арабы и берберы, ведущие в основном кочевой образ жизни, предпочитали селиться за пределами городских стен. Постепенно, с укреплением привычек оседлой жизни, они начинают заселять старые города или основывать рядом с ними новые поселения, быстро приобретающие городские черты. Очень многие испанские города получают в этот период такую «двухъядерную» структуру. В них надолго закреплялось топографическое разделение жителей по конфессиональному признаку.

Большая часть территорий, подчинившихся мусульманам, управлялась, по-видимому, на основе так называемых капитуляций — соглашений, подобных тому, которое Тарик заключил с населением Толедо. В них оговаривались обязанности местных жителей по отношению к центральной власти — эмиру, резиденция которого находилась в Кордове, и

их права в организации местного управления. Не очень эффективная в первое время система управления новой провинции халифата, получившей название Аль-Андалус, давала правителям таких областей большую свободу действий, что нередко приводило к конфликту с эмиром.

Центром Карпетании остался Толедо. Для кордовских эмиров он превратился в источник постоянного беспокойства из-за часто вспыхивавших здесь мятежей. С одной стороны, с увеличением доли мусульманского населения начались столкновения между арабскими кланами в борьбе за власть — первое известие об этом относится к 754 г. С другой стороны, в местном управлении была велика роль христиан, именовавшихся мосарабы (от арабского слова «арабизированный»).

Пограничное положение этой области, возможности активных контактов с жителями становящихся христианских королевств севера полуострова таили в себе постепенно усиливавшуюся угрозу для сохранения здесь господства мусульман. Около 740 г. с востока прибыли отряды сирийцев для борьбы с выступлениями христиан на пограничных территориях, в том числе и в районе Толедо, на левом берегу реки Тахо. Кордовский эмир совместно с прибывшими войсками одержал победу над христианами на реке Гуасалете. Это усилило власть мусульман, но ненадолго. Еще не раз мусульманские гарнизоны были вынуждены покидать крепости Центральной Испании.

В середине IX в. в Толедо начался новый мятеж. Наместник эмира был заключен в тюрьму, а руководители мятежа обратились за помощью к королю Астурии Ордоньо I (850—866), который отправил войско под командованием своего брата графа Бьерсо за Сьерру Гвадаррама. В 854 г. на реке Гуасалете эмир Мухаммад I (852—886) разбил христиан. Однако выступления христиан на этом не закончились. Росла эмиграция мосарабов в христианские королевства. Король Ордоньо I использовал этот приток населения для восстановления городов: мосарабы селились в Леоне, Асторе, Туе, Амайе. Король послал новое войско в земли мусульман, и на

этот раз христианам удалось занять, хотя и ненадолго, несколько крепостей — Корью и Таламанку. В ответ на это Мухаммад I приказал укрепить несколько замков в приграничной территории — Мадрид, Таламанку, Пеньяору, Эстерас.

Усиление этих крепостей должно было воспрепятствовать нападениям христиан Астурии, а кроме того, изолировать мятежный Толедо. И то, и другое было достигнуто. Эти крепости вместе с Талаверой, Гвадалахарой, Мединасели, а также линией дозорных башен обозначили границу между мусульманскими и христианскими землями. Обладание ими позволяло господствовать на большей части обширных территорий между реками Дуэро и Тахо.

С этого момента известия о Мадриде то и дело попадают на страницы арабских исторических сочинений.

В 871 г. в Толедо снова началось восстание. Один из вождей восставших по имени Мухаммад был убит, а другой, Масуно, бежал в Мадрид, где начальник крепости Убайдала бен Салим казнил его, а отрубленную голову отослал в Кордову Мухаммаду I как военный трофей.

Географ и историк Аль-Идриси пишет в XII в., что горные цепи Центральной Кордильеры, которую он именует Аль-Саррат, делят Испанию пополам. «И в этой области, — продолжает автор, — находятся Талавера, Толедо, Мадрид, Аламин, Гвадалахара, Уклес и Уэте. В Сьерре, которая тянется от Мединасели к Коимбре на западе, много стад коров и овец, которых пасут пастухи, они кормят все области. И нет ни одной тощей коровы или овцы, но все они хорошо откормлены и толстые. Есть даже поговорка о тучности коров и овец Сьерры».

Надо заметить, что арабские географы и историки немало размышляли о судьбах городов, их классификации, о факторах, способствующих их процветанию. В целом, их представления об идеальном устройстве города были продолжением, а во многом повторением идей античности. Однако определенную роль сыграл здесь и собственный опыт арабов. В теории считалось, что для процветания города необходимо соблюдение пяти условий: наличие проточной воды,

плодородной земли, близости леса, который служит источником топлива, прочных стен и мудрого правителя, поддерживающего безопасность на дорогах и карающего нарушителей мира. К этому добавляли выгодное, с точки зрения обороны, расположение города — на вершине крутой горы, наличие с нескольких сторон водной преграды и тому подобное. Полагали, что основание города — деяние, достойное настоящего правителя, так можно было продемонстрировать свою силу, доказать легитимность власти.

Вероятно, эти положения принимались в расчет и Мухаммадом I, который считается основателем Мадрида, но наиболее важным была все же практическая цель обороны приграничных территорий. С этой точки зрения Мадрид был расположен очень удачно: на западном краю небольшой возвышенности, обрывающейся крутым, почти отвесным склоном над рекой Мансанарес, на севере и на юге крепость была защищена глубокими оврагами — ныне по ним идут улицы Сеговии и Ареналь. Трудно сказать, было ли это место выбрано именно теми людьми, которым эмир поручил устройство крепости. В Средневековье города редко возникали на совершенно пустом месте, почти всегда им предшествовал какой-либо населенный пункт.

Арабская модель крепости предполагала наличие двух линий стен. Первая возводилась вокруг алькасара, вторая вокруг жилых кварталов — аррабелей (от арабского слова «аль-рабад» — предместье).

Известно, что в Мадриде было две стены — остатки обеих можно видеть в современном городе. Но до сегодняшнего дня нет прямых доказательств того, что вторая стена была построена при мусульманах: все известные ее фрагменты относятся ко времени господства христиан в городе (после 1085 г.). Возможность существования второй стены до прихода христиан стала предметом жаркого спора между знатоками истории Мадрида, этот спор длился несколько столетий — с XVIII в. В настоящее время признается существование при мусульманах одной стены, которая опоясывала площадь примерно в 9 гектаров.

Укрепления мусульманского Мадрида. IX—X вв.

Протяженность укреплений составляла примерно 1273 м. Помимо замка, отделенного от остальных построек стеной, внутри находились мечеть, резиденция правителя, жилые дома, ремесленные мастерские. Эта часть поселения получила название Аль-Мудайна (*араб.* городок), откуда и произошло нынешнее название Альмудена. Так же называется и сама крепостная стена. Она была возведена из крупных неправильной формы камней, в основном при строительстве использовались кремний и известняк. Самый крупный фрагмент арабской стены, который сохранился до наших дней, находится неподалеку от собора Санта-Мария-де-ла-Альмудена, в парке, названном в честь основателя крепости Мухаммада I. С 1954 г. арабская стена считается памятником национального значения.

В крепость можно было проникнуть через трое ворот.

Первые ворота носили название Ла-Вега и располагались там, где сейчас пересекаются улицы Калье-Майор и Куэста-де-ла-Вега. Они выходили на обрывистый берег реки

Крепостные ворота. Керамическая модель. IX—XI вв.

Мансанарес и были практически неприступны. По описаниям, над воротами располагалась башня, а в верхней части арки было отверстие, куда помещалась тяжелая железная гирия, которую можно было сбросить на врага, пытавшегося проникнуть в город. С внутренней стороны по бокам располагались две лестницы; по ним поднимались на ворота. Некоторые исследователи предполагают, что именно через эти ворота в 1085 г. в Мадрид вошли войска короля Леона и Кастилии Альфонсо VI. Старые ворота были заменены новыми в 1708 г., а в 1814 г. они были разрушены.

Вторые ворота известны сегодня как арка Санта-Мария или арка Альмудены. Возможно, прежде они назывались воротами Мечети из-за близости к этому строению. Они вели из крепости к гражданской части города — к жилым кварталам предместья — аррабалам. Конструкция этих ворот была очень похожа на устройство ворот Ла-Вега — надвратная башня, лестницы. В 1570 г. ворота решили разрушить, чтобы расширить проход для въезда Анны Ав-

стрийской, последней жены короля Филиппа II. Очевидец писал, что ворота были столь прочными, что с величайшим трудом множество рабочих никак не могли разбить кладку, и это доказывало их древность. Работы продолжались более месяца.

Третьи ворота — Ла-Сагра — выходили к полям. Вероятно, они находились на углу улиц Ребеке и Рекена, рядом с алькасаром. Между воротами Ла-Сагра и Ла-Вега существовала пещера, служившая руслом для подземного ручья, который был левым притоком реки Ареналь. Параллельно пещере тянулась дорога, соединявшая ворота. Ручей выходил за пределы города через подземный сток у ворот Ла-Вега. Ворота Ла-Сагра были разрушены около 1548 г. вместе со значительной частью стены.

В непосредственной близости от крепостных стен Мадрида располагались две отдельно стоящие башни — Торре-Гаона на севере и Торре-де-Наригуэс на юге. Они защищали доступ к двум источникам — Каньос-дель-Пераль и Каньос-Вьехос. Сейчас не сохранилось никаких следов этих башен, и поэтому место их расположения определяется лишь приблизительно. Торре Гаона (название возводится к арабскому слову «га-ана» — короткая) находилась, вероятно, на месте нынешнего Королевского театра. Торре-де-Наригуэс (название связано с арабским словом «нархис» — нарцисс) могла стоять на улице Сеговия, рядом с виадуком, по которому в настоящее время проходит улица Байлен. Обе башни должны были служить убежищем для тех, кто в условиях осады доставлял воду из источников в крепость.

Гарнизоны крепостей формировались в Аль-Андалусе чаще всего из местных жителей. Им выплачивали ежемесячное жалование, для них выделялись земельные участки, разрешалось иметь собственный дом в городе или в ближайшей округе. В приграничных крепостях служили также мусульманские воины-аскеты, их численность заметно увеличивалась в Рамадан — месяц поста. В удаленных от крупных городских центров местах — алькасарах — воины постились, возносили молитвы Всевышнему, изучали Коран и воевали.

Некоторые самые благочестивые старались отправляться на пограничную службу в суровые зимние месяцы. Такая практика, в частности, способствовала тому, что приграничный Толедо быстро стал центром изучения толкований Корана. Вероятно, Мадрид, возвышавшийся на высоком берегу маленькой речки в удалении от благоустроенной и шумной жизни больших городов, также мог привлекать тех, кто желал служить Аллаху в ратных подвигах и в духовном совершенствовании.

В те дни, когда крепости не угрожала опасность, молодые воины утром собирались в доме наставника, где занимались изучением Корана. Занятия обычно проходили в самом большом помещении дома, которое в зимние месяцы отапливалось небольшой печью, наполненной углем. После занятий и молитвы ученики часто оставались обедать, если это был не Рамадан. Питались в крепостях бараниной, оливковым маслом, варили похлебки на основе молока. Месяц поста обычно заканчивался большим пиршеством, в котором участвовали все солдаты гарнизона. Воины должны были совершать регулярные конные рейды по прилежащей к замку территории.

В начале X в., когда в Кордове эмиром стал Абд-ар-Рахман III, политическая ситуация в Аль-Андалусе была крайне тяжелой — правители большинства областей не принесли присяги новому эмиру, ему пришлось силой подчинять их себе. Одним из мятежных городов был, как и прежде, Толедо. Однако во многих крепостях в округе Толедо командиры гарнизонов остались верны кордовскому эмиру. Среди них был и правитель Мадрида. С 930 по 932 г. шла осада Толедо войсками Абд-ар-Рахмана III, принявшего к тому времени титул халифа. В эти же годы христианский король Леона Рамиро II взял Мадрид, пытаясь оказать помощь осажденному Толедо, но безрезультатно. В августе 932 г. Толедо сдался халифу. После этого многие крепости в округе, в том числе и в Мадриде, были вновь укреплены. Именно тогда могла быть сооружена стена, окружавшая жилые кварталы, располагавшиеся у крепости.

Примерно к этому времени восходит самое известное арабское описание Мадрида, которое дошло до нас в составе географического трактата XV в., составленного Абд-аль-Монеймом аль-Химиари. О Мадриде там говорится так: «Знаменитый и благородный город Испании. Его основал либо восстановил эмир Мухаммад, сын Абд-ар-Рахмана. От Мадрида до моста Пуэнте-де-Македа, который указывает пределы земель исламской веры, 31 миля (примерно 57 км. — *Г. П.*). В Мадриде есть беловатая глина, твердая, как кремень. Из нее делают горшки, которые не трескаются и не разбиваются, когда их ставят на огонь, а пища, которую в них готовят, не портится, какой бы высокой ни была температура. Мадридский замок выглядит величественно, его построил Мухаммад, сын Абд-ар-Рахмана». Ибн Хайян¹ упоминает в своей хронике, что, когда копали ров у стен Мадрида, случайно были найдены останки огромного животного. «Его длина превышала 51 локоть (25.5 м. — *Г. П.*), что соответствует 102 ладоням от макушки до кончика лап. Это известие было собственноручно подтверждено судьей Мадрида, который ходил к месту находки и видел ее своими глазами. Также есть свидетельства служащих. Судья рассказал, что в черепную коробку вмещалось содержимое массой более 8 арроб (45 кг. — *Г. П.*). Да славится Аллах, оставивший на всякой вещи свою чудесную печать!»

Аль-Идриси, уже упоминавшийся автор XII в., в «Описании Африки и Испании» пишет про Мадрид следующее: «Мадрид — небольшой город, но его замок прекрасно укреплен. При мусульманах там была большая мечеть, в которой читалась джума (пятничная молитва. — *Г. П.*). Мадрид находится недалеко от Толедо».

После смерти в 951 г. короля Рамиро II в Леоне началась смута, что одновременно привело к затишью в приграничных областях. Жители городов-крепостей, хотя и недолго — в пределах жизни одного поколения — были избавлены от тревог постоянных вооруженных столкновений. Теперь жителям арабалей не нужно было так организовывать свой быт, чтобы в любой момент иметь возможность мгновенно

собраться и укрыться за стенами крепости. А те, кто стремился сочетать военные и ученые занятия, могли с большой полнотой предаться последним. Это изменение в жизни мадридцев принесло удивительные плоды. Примерно в середине X в. здесь родился самый знаменитый математик Аль-Андалуса, прозванный Испанским Эвклидом, — Маслама аль-Маджрити.

О биографии этого человека практически ничего неизвестно. Родом он был из Мадрида и здесь, видимо, учился у одного из представителей семьи Бану Шакир — известных астрономов и специалистов в области измерений. В ту эпоху математика у арабов была одной из наук о природе, вместе с логикой, физикой и метафизикой. К математическим наукам относились геометрия, арифметика, музыка и астрономия. Арифметика включала искусство вычисления, способы измерения поверхностей, законы о передаче и разделе наследства, расчеты в торговых операциях. Последние две области в современной системе классификации знания относятся к области юриспруденции и экономики, но тогда их знатоки могли быть одновременно и известными астрономами. Маслама аль-Маджрити, освоив науку измерений, отправился в Кордову, где и провел большую часть жизни. К его нисбе — прозвищу, обозначающему место происхождения или этническую принадлежность — Аль-Маджрити, т. е. «мадридец», прибавилось Аль-Куртуби — кордовец. Он совершил путешествие на Восток, что было традиционно для ученых людей Аль-Андалуса, и привез греческие и арабские рукописи сочинений по математике и астрономии. Аль-Маджрити стал основателем школы, и его ученики прославились в самых разных областях науки — геометрии и астрономии, ботанике и медицине. Сам ученый написал несколько трактатов по математике торговли, астрономии, об астрологии, комментировал сочинения великого математика Аль-Хорезми, который составил широко использовавшиеся астрономические таблицы и таблицы долгот и широт. Аль-Маджрити их изменил и дополнил, опираясь на собственные вычисления и «Альмагест» Птолемея. По мнению его младшего

современника литератора и философа Ибн Хазма, составленные Аль-Маджрити таблицы не имели себе равных. Он произвел пересчет персидского календаря на арабский с летосчислением от Хиджры. Умер математик в Кордове около 1008 г.

Конечно, Мадрид не мог быть местом постоянного пребывания столь крупного ученого — здесь не было такого круга образованных людей, какой можно было найти в городах на юге Аль-Андалуса. Но тот факт, что в Мадриде можно было пройти первые ступени образования у авторитетных в своей области знатоков, ясно свидетельствует о подъеме в развитии города. Имена некоторых ученых авторитетов известны: Абу `Утман Са`ид ибн Салим, знаток хадисов, отец и сын Бану Хаммад — литераторы, юристы, каллиграфы. В соседнем небольшом городке Таламанка родился историк, правовед и знаток хадисов Абу `Умар Ахмад Аль-Таламанки (951—1038 гг.), который многие годы прожил в Мадриде. В молодости он путешествовал на Восток, где получил образование, затем несколько лет провел в Кордове, занимая разные административные посты. Потом он решил оставить карьеру и отправился на северную границу, где посвятил себя наукам и военной службе, т. е. вступил на тот путь воина и ученого, который был, как мы видели, распространен в гарнизонах городов-крепостей. В конце жизни Абу `Умар вернулся в Таламанку, где основал школу и сам преподавал в ней.

23 мая 977 г. в Мадриде остановился Ибн Абу Амир, будущий Аль-Мансур, возглавлявший вместе с полководцем Галибом, командующим всеми войсками северной границы Аль-Андалуса, свой второй поход против христиан. В результате этой экспедиции была взята крепость Куэльяр и захвачена богатая добыча.

Следующий эпизод из истории Мадрида связан уже с фитной — враждой между претендентами на халифский престол, разгоревшейся после смерти Аль-Мансура и его сына. Два принца из династии кордовских Омейядов — Аль-Мустаин и Аль-Махди — боролись за господство в сто-

лице. После победы первого Аль-Махди бежал в Толедо. В это же время в Мадриде объявился человек, выдававший себя за наследника халифа Хишама II, и поднял мятеж.

Далее вплоть до 80-х гг. XI столетия мы не располагаем какими-либо свидетельствами о том, что происходило в Мадриде. В это время город сохраняет свою основную функцию мощного пограничного укрепления, и, по-видимому, возрастает его роль как экономического и политического центра. После упразднения халифата в 1031 г. Аль-Андалус распадается на несколько самостоятельных политических образований, получивших названия тайф (от арабского слова *Tā'ifah*, ставшего частью словосочетания *Mulūk al-Tawā'if*). Мадрид теперь не только крепость на границе обширного государства с городами-центрами, равных которым пока нет нигде в Европе, но один из важных городских центров тайфы Толедо, в которой правил берберский род Зул-Нун.

В этот период окончательно сформировался тот облик города, который увидели вошедшие туда в конце XI в. военные отряды христиан. Алькасар находился в северной части Альмудены, примерно там, где сейчас располагается Королевский дворец (Паласьо Реаль). Перед алькасаром была площадь, которая позже получила название Королевская площадь (Кампо-дель-Рей). Она, по-видимому, использовалась для построения войск гарнизона, для обучения воинов и для военных состязаний. Общая площадь замка и Кампо-дель-Рей составляла около 2 га. Остальное пространство занимали кварталы, которые лишь частично состояли из жилых домов. Значительной частью построек Альмудены были разнообразные мастерские, а также здания, необходимые для нужд гарнизона — конюшни, казармы, амбары и другие помещения для хранения провизии. Среди мастерских были кузницы, столярные мастерские, возможно, кожевенные — этому благоприятствовало наличие проточной воды в крепости.

Территорию Альмудены пересекали три больших улицы, расположение которых реконструируется лишь приблизительно. Одна из них, шедшая от арки Санта-Марии к воротам

Ла-Вега, примерно совпадает с частью современной Калье Майор. От этой улицы неподалеку от мечети отходила вторая и вела к алькасару. Третья улица тянулась от ворот Ла-Сагра на юг.

Что касается кварталов, расположенных за пределами Альмудены, то они появляются довольно рано: город вышел за пределы стены, построенной при Абд-ар-Рахмане III примерно в середине X в., уже при мусульманах. Один из аррабалей, примыкавший к Альмудене с восточной стороны, получил название Ла-Сагра. Он находился на месте пахотных полей, на которые выходили ворота Ла-Сагра.

Более отчетливо прослеживаются следы другого аррабалья, расположенного с южной стороны по склонам обширного оврага, в районе прихода Сан-Андрес. Это один из десяти древнейших приходов Мадрида, существование которого зафиксировано в 1202 г. Церковь, вокруг которой образовался приход, в это время уже существовала. Традиционно считается, что большинство населения этого аррабалья составляли мосарабы. Это предположение основано главным образом на сведениях о жизни святого Исидора (Сан-Исидро), который родился здесь за три года до взятия Мадрида христианами. Современные археологические раскопки подтверждают существование здесь одного из городских районов в эпоху господства мусульман. Сюда тянулись из центра города линии водоснабжения — следы одной из них, построенной не позднее X в., были обнаружены на площади Лос-Каррос.

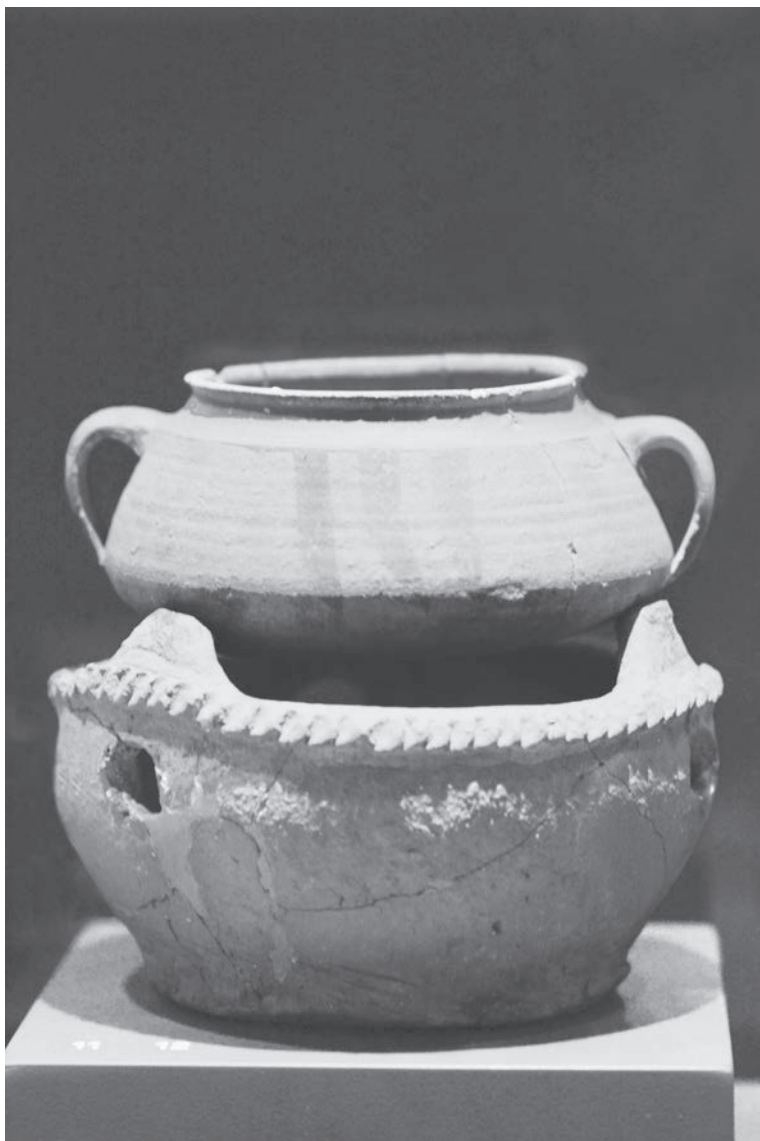
Вообще же, система городского водоснабжения, созданная в Мадриде при мусульманах, — уникальный памятник средневековой инженерной мысли. Неслучайно самая обоснованная, как считается сейчас, версия происхождения названия города связана именно с этой особенностью: Маджит, возможно, происходит от араб. «маджра» — водопроводный канал. Геологическая структура в самом Мадриде и в ближайшей округе такова, что слои песка чередуются с водонепроницаемой породой, т. е. подземные воды, а также дождевая вода концентрировались в песчаных слоях. Чтобы

добыть эту воду на землях, расположенных выше города, за его пределами, сооружались колодцы, где скапливалась вода. Эти колодцы соединялись между собой подземными галереями, облицованными камнями, в них свободно мог передвигаться человек. По дну галереи проходил глиняный желоб для воды, сооруженный с небольшим наклоном. Эти галереи с расположенными на равном расстоянии колодцами тянулись до самого города, где вода распределялась по нескольким подземным водопроводным каналам, которые и именовались маджры, или канаты. По ним вода самотеком благодаря небольшому наклону достигала подземных водохранилищ, из которых опять же по каналам вода поступала в необходимом количестве в общественные водоемы, дома, сады и огороды. Конструкция каналов и маршруты, по которым они проходили, были столь продуманными, что ими продолжали пользоваться на протяжении всех Средних веков, а некоторыми — вплоть до начала XX в.!

В Мадриде использовали и традиционную систему из водяных колес и наземных акведуков, но она была лишь вспомогательным звеном.

Мусульманский Мадрид в эпоху своего наибольшего расцвета — второй половины X—XI вв. — имел несколько центров, которые организовывали и структурировали жизнь горожан. Альмудена была военным и административным центром, даже при христианах алькасар продолжал символизировать власть, и все управление городом концентрировалось по-прежнему здесь. В городе была одна мечеть, располагавшаяся неподалеку от алькасара. Нельзя исключать, что и в других районах могли быть мечети, но ни письменных свидетельств, ни археологических данных об этом нет.

Что касается христианских церквей, то кроме храма Сан-Андрес предположительно существовал еще один приход Сан-Мигель в аррабале Ла-Сагра, но это была, по-видимому, не церковь, а небольшая часовня, где богослужения совершались время от времени. Похожая часовня была, вероятно, на месте базилики Нуэстра-Сеньора-де-Аточа. Уже в XI в. здесь находилась одна из древнейших деревянных

Мусульманская керамика: горшок и переносной очаг. IX—XI вв.

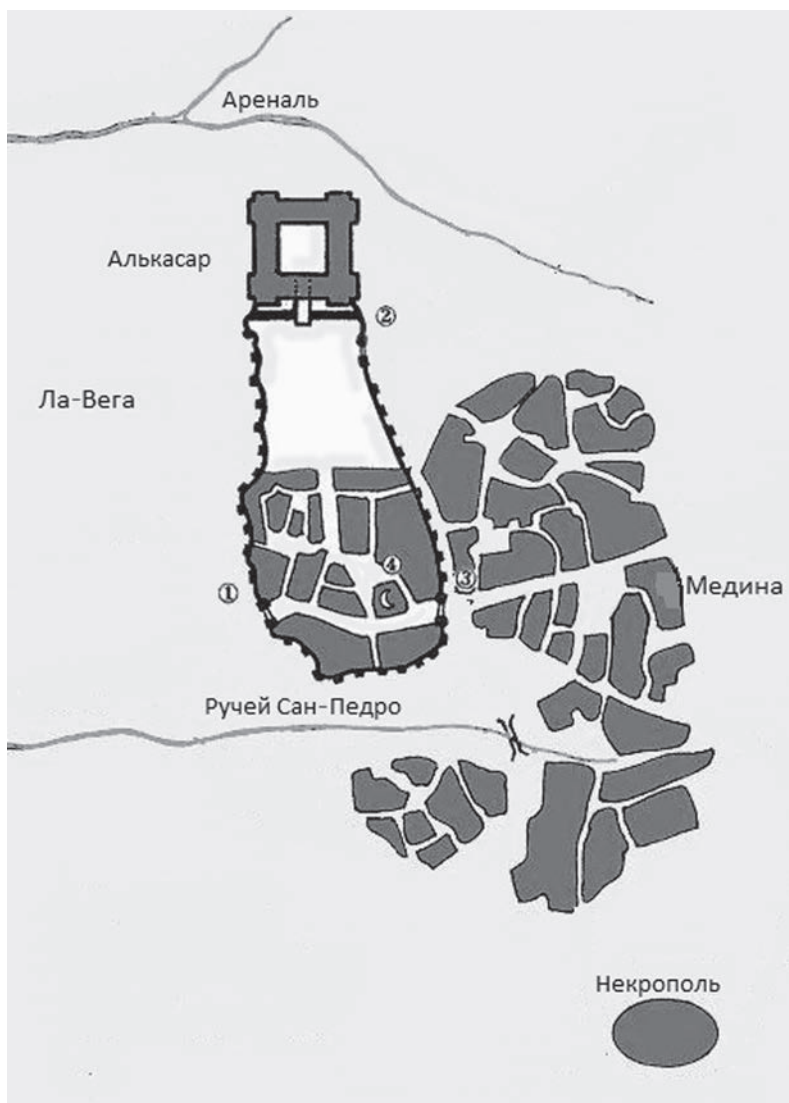
статуй Девы Марии, и мусульманские власти не препятствовали ее христианскому почитанию. Эта святыня хранится сегодня в базилике, нынешнее здание которой было построено в XIX в.

Экономическая жизнь Мадрида, как и многих других мусульманских городов, определялась уровнем аграрного развития его округа. В этой сфере мусульманам удалось достигнуть больших высот, главным образом потому, что они уделяли много внимания ирригационным сооружениям и тратили немалые средства на их строительство, восприняв отчасти опыт римлян. Сады и огороды, которые и при христианах оставались в пределах городских стен, имеют, безусловно, арабское происхождение. Активно возделывались земли, находившиеся в непосредственной близости от города, поэтому не исключено, что большая часть жителей была занята в конечном счете сельскохозяйственным трудом.

Среди ремесел, видимо, наибольшее развитие получили кожевенное дело и гончарное производство. Об этом можно судить как по отзывам хронистов, так и по уровню развития этих ремесел при христианах, унаследовавших многие технологии мусульман. Мадридские гончары изготавливали не только удивительные по своим свойствам сосуды, о которых написал Аль-Хамиари, но и прочные керамические трубы и желоба для городской системы водоснабжения.

Археологи находят много разнообразных предметов быта в слоях, соответствующих векам мусульманского периода истории города. Это кувшины, чашки, тарелки, различные мелкие металлические предметы — детали украшений, ключи, ножи и т. п., шахматные фигурки.

Эти находки свидетельствуют не только о высоком уровне развития ремесел, но и о наличии активной городской торговли. В Мадриде были и маленькие рыночки — соко (от арабского слова *suk*), обязательно действующие рядом с воротами в мусульманском городе. Существовал и главный городской рынок, который находился в районе нынешней небольшой площади Сан-Сальвадор. Был рынок, на котором

Мадрид в XI в.

1 — ворота Ла-Вега, 2 — ворота Ла-Сагра, 3 — арка Санта-Мария, 4 — мечеть.

торговали скотом, а также сеном и зерном — память о нем сохранилась в названии площади Де-ла-Паха, что можно было бы перевести на русский как Сенная площадь.

Итак, при мусульманах небольшая пограничная крепость превращается в город. Мадрид кажется подходящим местом для свершения духовных и военных подвигов, здесь могут укрываться и искать поддержки мятежники, отсюда начинаются военные экспедиции в земли христиан, наконец, здесь хорошо учат точным наукам и изготавливают из глины прочные сосуды. Мадрид стал самым значительным городским центром округа.

ГЛАВА 3

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ. МАДРИД И ОКРУГА В XII—XIII вв.

Реконкиста

Возвращение земель Пиренейского полуострова под власть христиан, именуемое Реконкиста, шло очень долго и происходило постепенно. Историки выделяют несколько этапов активного продвижения христиан на юг, которые разделяют довольно длительные периоды сохранения территориального *status quo*. Мадрид оказался под властью христиан во время одного из этапов военных действий, начавшегося в конце XI в. на землях, пограничных с молодым Леоно-Кастильским королевством.

В 1072 г. король Альфонсо VI объединил под своей властью Леон, Кастилию и Галисию. Этому предшествовала его длительная распря со старшим братом Санчо II, королем Кастилии. Альфонсо VI в начале 1072 г. был вынужден бежать из Леона под защиту вассала своего отца Фернандо I — правителя тайфы Толедо Аль-Мамуна. Король-изгнанник оставался в Толедо около девяти месяцев, по истечении которых произошло событие, позволившее ему не только вернуться в свои земли, но и занять престол сразу двух королевств — Леона и Кастилии. Санчо II погиб при осаде Саморы, где на-

ходила их сестра, донья Уррака, оказывавшая поддержку Альфонсо.

До самой смерти Аль-Мамуна в 1075 г. Альфонсо VI не совершал нападений на толедскую тайфу, но после восшествия на престол Аль-Кадира, внука Аль-Мамуна, ситуация в Толедо изменилась. Аль-Кадир не унаследовал никаких политических талантов своего деда Аль-Мамуна, правившего в Толедо с 1043 г. по 1075 г. Аль-Кадир не смог удержать в подчинении Кордову и Валенсию,¹ которые были присоединены Аль-Мамуном. Кроме того, при нем возросли поборы с населения, что не в последнюю очередь способствовало ослаблению его позиций в Толедо. У Аль-Кадира довольно быстро появилась сильная оппозиция, которая, стремясь свергнуть его, обратилась за помощью к правителю Бадахоса Аль-Мутаваккилю. Тот начал наступление на земли Толедо и захватил несколько замков и поселений. На юге против Толедо активно действовал севильский правитель Аль-Мутамид, у которого, по-видимому, также были сторонники среди подданных Аль-Кадира. Аль-Мутамид захватил Кордосу и Талаверу. Восточным границам толедской тайфы угрожали правители Сарагосы, вероятно, также поддерживаемые из Толедо противниками эмира. В 1079 г. (или 1080 г.) в Толедо началось восстание, которым воспользовался эмир Бадахоса Аль-Мутаваккиль и занял город. Аль-Кадир бежал в Уэте и обратился за помощью к Альфонсо VI. Король Леоны и Кастилии помог ему подавить мятеж и изгнать Аль-Мутаваккиля. В благодарность христианский король получил от мусульманского эмира три владения с замками — Сориту, Кантуриас и Каналес. Оставив в них гарнизоны, Альфонсо VI вернулся в Кастилию. Однако Аль-Кадиру не удалось укрепить свои позиции и сохранить восстановленный было порядок. В 1082 г. в Толедо вспыхнуло новое восстание. И хотя в самом городе его удалось подавить, мятежники перебрались в Мадрид. Альфонсо VI снова пришлось посылать войска для осады Мадрида и окончательного подавления возмущений.

Поскольку центром тайфы был Толедо, то лучше известна история завоевания именно этого города. Что касается взятия Мадрида, то тут мнения историков расходятся. Одни исследователи полагают, что христиане не покидали крепости после 1082 г. Согласно их гипотезе, что у Альфонсо VI уже был план завоевания всех земель тайфы, в котором Мадриду отводилось важное место как важнейшему укрепленному пункту: обладание Мадридом давало контроль над важными путями, ведущими через горы в Кастилию. Их оппоненты указывают, что в 1082—1083 гг. Альфонсо VI был больше занят отношениями с эмиром Севильи Аль-Мутамидом, также находившимся в вассальной зависимости от Леоно-Кастильского королевства и нарушавшим свои обязательства по выплате дани. Именно после победоносного похода короля против Аль-Мутамида сложилась ситуация, при которой завоевание земель Толедо стало необходимостью, поскольку возрастание угрозы со стороны христиан заставляло эмиров тайф Севильи, Бадахоса и некоторых других объединиться с целью покорения Толедо и смещения слабого Аль-Кадира, во всем зависящего от христианского короля. Вероятно, именно теперь Альфонсо VI видел не только возможность, но и необходимость завоевания Толедо. Осенью 1084 г. он начал осаду города. Христиане совершали постоянные вылазки из своего лагеря, опустошая округу. После падения Толедо в мае 1085 г. леоно-кастильскому королю по приказу эмира сдались без боя гарнизоны других укрепленных пунктов, в том числе и Мадрид.

Сейчас при анализе событий 80-х гг. XI столетия более верной кажется вторая интерпретация этого этапа Реконкисты. Выходит, что христианские войска мирно вошли в мадридскую Альмудену, не произведя в городе никаких разрушений. Альфонсо VI оставался на территории бывшей толедской тайфы с мая по сентябрь. В июне и июле он, видимо, объезжал города, устанавливая новый порядок и заключая соглашения (т. н. капитуляции) с местным населением. Во многом это напоминало образ действий предводителей первых мусульманских завоевательных походов. Капитуляции

Толедо дошли до нас только в рассказе архиепископа Толедо XIII в., знаменитого историка и политического деятеля Родриго Хименеса де Рады. О мадридских соглашениях мы ничего не знаем, но, скорее всего, их содержание было сходным. Это объясняется тем, что, несмотря на различие в численности населения, этнорелигиозный состав городов был одинаковым: в Мадриде, как и в Толедо и в других городах этой области, проживали представители трех общин — мусульманской, христианской, иудейской. И положение каждой из них в документе оговаривалось отдельно. В частности, мусульманам и иудеям разрешалось сохранить свое имущество, движимое и недвижимое. Также они могли по-прежнему посещать мечети и синагоги, исполнять свои обряды. Но число мест богослужения сократилось. Большая мечеть Мадрида была освящена во имя Пресвятой Девы Марии. Позднее он стал называться собор Санта-Мария-де-ла-Альмудена.

Прежде всего христиане заняли крепость города, скорее всего, только замок, который сохранил название Алькасар, но только отныне это стало именем собственным той части города, где расположилась резиденция представителей короля. В остальных районах в первые три десятилетия после отвоевания состав населения почти не изменился. Приток христиан с севера для освоения отвоеванных земель был в эти годы очень мал из-за постоянной угрозы возвращения сюда мусульман. Некоторые крепости бывшей толедской тайфы вернулись под власть арабов достаточно быстро — в 1086 г. войска Альфонсо VI потерпели поражение в сражении при Салаке (известно также под названием Саграхас). Военные успехи мусульман во многом были связаны с приходом из Северной Африки альморавидов.

Новая мусульманская династия происходила из берберского племени ламтуна. В 40-е гг. часть этого племени под предводительством Яхья ибн Ибрахима, совершившего незадолго до этого хадж, и Абд-Аллаха ибн Ясина, приехавшего вместе с ним, удалилась в уединенную крепость-монастырь — рибат, где под руководством Ибн Ясина, который

проявил недюжинные способности проповедника и организатора, стремились вести благочестивую жизнь. Приверженцы Ибн Ясина получили название «альморавиды» — испанизированная производная арабского прилагательного «аль-Мурабитун» — «жители рибата». С ростом общины ее влияние при помощи проповеди и оружия стало быстро распространяться на сопредельные районы, и вскоре образовалась обширная область от реки Нигер до берегов Средиземного моря, подвластная альморавидам. Править ею стали потомки Яхья ибн Ибрахима. Эмиры тайф Аль-Андалуса, в первую очередь Бадахоса и Севильи, обратились к одному из них — Юсуфу ибн Ташфину — за помощью против христиан. В июле 1085 г. он высадился в Альхесирасе и к октябрю прибыл с войском в Бадахос. Сражение длилось несколько дней, и христианской армии пришлось отступить. Ибн Ташфин, не имея первоначально намерения утвердиться в Аль-Андалусе, вернулся в Северную Африку, но в 90-е гг. он решает включить земли тайф в состав подвластных ему территорий. Альфонсо VI пытается противодействовать этому, поддерживая недовольство таким поворотом событий эмиров тайф, но безуспешно. Новая мусульманская династия начала свое правление в Аль-Андалусе, подчинив себе все тайфы. Именно в этот период мусульманские войска совершили несколько успешных рейдов на территорию Толедо. Особенно удачным был поход 1109 г. Им руководил Тамин ибн Юсуф, правитель Гранады, брат тогдашнего альморавидского эмира Али ибн Юсуфа. Основной целью мусульман был Толедо, отвоевание которого должно было восстановить Аль-Андалус в прежних границах и наладить сообщение между всеми его частями — находившаяся под властью мусульман Сарагоса все еще оставалась отрезанной от остальных мусульманских владений, в опасном окружении христианских земель.

Армия христиан выступила навстречу врагу под предводительством наследника престола принца Санчо. Сражение состоялось в мае 1109 г. у города Уклес. Христиане потерпели сокрушительное поражение, принц Санчо погиб. Однако Тамин бен Юсуф продолжать поход не стал, основные

силы мусульман вернулись в Аль-Андалус, и город Толедо остался в руках христиан.

В результате этой, а также последующих экспедиций мусульманам удалось отвоевать значительную часть толедской территории. Альморавидские гарнизоны вновь появились в Орехе, Асеке, Калатраве, Мединасели, Алькале. Причем под их властью оказались не только крепости южнее Тахо, но и расположенные к северу от реки.

После сражения при Уклесе один из мусульманских отрядов подошел к Мадриду и осадил крепость. Почти весь город быстро оказался в руках мусульман. Овладели они и Альмуденой. Однако укрышшиеся в Алькасаре воины христианского гарнизона продолжали сопротивление и отстояли замок. Мусульмане были вынуждены отступить. Мадрид остался под властью короля. Больше город никогда не подвергался такой серьезной опасности нового завоевания.

В это же время скончался король Альфонсо VI, самый могущественный из христианских правителей Пиренейского полуострова. Он существенно расширил границы христианских владений, но в момент его смерти над отвоеванными им землями нависла угроза. Из-за отсутствия у Альфонсо VI потомков мужского пола корону наследовала его дочь Уррака. Помимо мусульманского натиска с юга начались военные действия на восточных границах Леона-Кастильского королевства, поскольку королева враждовала со своим вторым мужем — королем Арагона Альфонсо I, который также претендовал на господство в королевстве Толедо (так стала называться территория толедской тайфы).

В это время самым влиятельным человеком в толедских землях был талантливый военачальник Альвар Фаньес. После взятия Толедо христианами он возглавил отряд, отправленный Альфонсо VI с Аль-Кадиром для завоевания Валенсии. Позже он вернулся в королевство Толедо, где получил во владение Иту, Гвадалахару, а затем Сориту и Санта-Верию. Помимо обороны Толедо, он руководил несколькими военными экспедициями против мусульман и погиб в Сеговии в 1114 г.

Мадрид и после перехода под власть христиан еще долгое время остается городом, значение которого определяется прочностью его укреплений — это по-прежнему пограничный город, хотя нападений теперь ждут с другой стороны — с юга.

В XII в. в городе появилась вторая линия крепостных стен: она охватывала районы, сложившиеся еще в эпоху господства мусульман за пределами первой стены. Новая стена начиналась от старой крепости примерно там, где на Куэста-де-ла-Вега выходит собор Санта-Мария-де-ла-Альмудена, и снова сходилась с мусульманской стеной около Алькаса-ра. Стена была сооружена из каменных блоков правильной формы, скрепленных известковым раствором. Камень, как и в мусульманской стене, представлял собой смешанную горную породу из кремния и известняка. Это было довольно внушительное сооружение — ширина стены достигала 3 метров, с башнями и рвом. Особое внимание было уделено обороне восточной стороны, поскольку здесь преобладал равнинный и понижающийся рельеф. Там были сооружены валы и глубокие рвы. Другие участки стены — на севере, северо-востоке и западе — не нуждались в дополнительных укреплениях: здесь стена подходила к обрывистым берегам глубоких оврагов.

На некоторых отрезках она все же оставалась уязвимой. Один из аррабелей был расположен таким образом, что его включение в пределы городских стен не позволяло максимально использовать особенности рельефа. Речь идет о жилых кварталах по обоим склонам глубокого оврага, прежде прикрывавшего доступ к мадридской крепости с юга (сейчас это район улицы Сеговия). Строители вынуждены были вести линию стен сначала вниз по склону от старой крепости, а затем вверх по другому склону, принадлежавшему холму Лас-Вистильяс.

Вторая стена охватывала около 35 га — это в три раза больше старого города. На этой территории могло размещаться около двух тысяч домов. Трудно сказать, было ли их столько в действительности, поскольку в пределах город-

ских стен всегда были пустыри, некоторые участки использовались в качестве сельскохозяйственных угодий — их границы и месторасположение могли меняться на протяжении времени.

Эта стена просуществовала до 1566 г., когда отдельные участки ее были разрушены, а некоторые ворота перестроены или перенесены в ходе активной перепланировки Мадрида при Филиппе II. Ни одна из башен второй стены не сохранилась до наших дней. Более того, данные об их количестве очень противоречивы. Некоторые авторы XV в. утверждали, что мадридская крепость насчитывала 128 башен, век спустя речь шла уже о 190 башнях. Современные специалисты полагают, что число башен вряд ли было более трех десятков. Они сооружались из того же камня, что и стена, и отстояли друг от друга на разном расстоянии в зависимости от рельефа. По всей видимости, башни различались и формой — некоторые были квадратными, а другие полукруглыми.

В стене было четверо ворот — Пуэрта-де-Морос, Пуэрта-Серрада, Пуэрта-де-Гвадалахара и Пуэрта-де-Валанду. По своей конструкции они были похожи на ворота, которые строили обычно арабы: вход располагался не по центру портала надвратной башни, а сбоку. Между внешними и внутренними воротами сооружался узкий изогнутый коридор, т. н. называемый *захаб*, что препятствовало быстрому движению сквозь них и давало дополнительные преимущества обороняющимся.

Пуэрта-де-Морос (название можно перевести как «ворота мавров») располагались в юго-восточной части стены (район современной площади Де-Лос-Каррос). Ворота имели одну башню и *захаб*, состоявший из нескольких отрезков, расположенных под углом друг к другу. Происхождение названия этих ворот вызывает вопросы. Некоторые исследователи считают, что этими воротами часто пользовались мусульмане, поскольку отсюда шла дорога на юг — к землям Аль-Андалуса. Другие историки предполагают, что только маврам и иудеям и разрешалось пользоваться этими воротами. Наконец, согласно самой последней гипотезе, эти ворота вели

к той части мусульманского района — морерии, которая располагалась на склонах холма Вистильяс за пределами стен, поэтому в восприятии горожан они были связаны именно с маврами. Пуэрта-де-Морос существовали до XVII в.

Пуэрта-Серрада (буквально — «закрытые ворота») располагались в восточной части стены, между современными улицами Нунсьо, Кава-Баха и Кучильерос. Судя по обнаруженным фрагментам, их местонахождение совпадало с современной площадью Пуэрта Серрада. Конструкция этих ворот была аналогична Пуэрта-де-Морос. За ними находился мост, который вел через ров, тянувшийся вдоль всей восточной части крепости. В ряде источников упоминается, что сначала ворота именовались Пуэрта-де-Кулебра — Змеиные ворота, или Пуэрта-де-Драгон — Ворота Дракона. Объяснялось такое название тем, что на надвратной башне был барельеф с изображением змеи. Сохранился рисунок, копирующий это изображение, а сам барельеф утерян. Второе название — «Пуэрта-Серрада» — закрытые ворота, они приобрели, когда их заперли на долгий период. Херонимо де ла Кинтана, автор одной из первых историй Мадрида, писал: «Поскольку проход в этих воротах был очень узок и извилист, лихие люди прятались там по ночам и грабили тех, кто проходил через ворота. Много несчастий случилось и на мосту, который вел через глубокий ров за воротами. Так что никто не решался ходить через эти ворота даже днем, и, чтобы искоренить это зло, решили их закрыть. Они оставались запертыми до тех пор, пока не была заселена местность по ту сторону стен: их снова открыли, чтобы было сообщение между арабалем и городом». В 1569 г. ворота были заменены новыми, более широкими, которые существовали недолго — до 1582 г., когда их уничтожил пожар.

Пуэрта-де-Гвадалахара считались главными воротами города. Они были обращены к востоку и располагались на нынешней Калье-Майор примерно в районе площади Команданте-лас-Моренас. Название связано с дорогой, которая начиналась от этих ворот и вела к Гвадалахаре. О старых воротах

известно немного: у них, как и у других, описанных выше, были одна башня и захаб. Причем под сводами башни, а также в тупиках захаба располагалось шесть небольших торговых лавочек, о существовании которых нам известно с 1271 г. Эти ворота — единственные, через которые в периоды военной опасности могло происходить общение с внешним миром, поэтому их охране и укреплению придавали особое значение. В 1538 г. старые сооружения ворот разрушили с целью расширить проход. В конце 40-х гг. XVI в. возвели новые ворота в стиле платереско с широким пролетом, двумя башнями. Они были очень богато декорированы и считались одними из самых роскошных ворот в Кастилии. На надвратной башне располагались часы с колокольным звоном. В 1582 г. ворота сгорели. Однако часы удалось спасти: сначала их поместили на башне церкви Сан-Сальвадор, а позже перенесли в церковь Санта-Крус.

Пуэрта-де-Валанду находились на северном участке стены. До сих пор очень трудно локализовать эти ворота, поскольку с XVI в. неоднократно проводились масштабные работы по перестройке этого района, и ворота не были зафиксированы ни на одном плане. Выходили они прямо на обрывистый берег оврага Онтанильяс (*Hontanillas*) и были очень труднодоступны. Через этот овраг был сооружен мост, арки которого обнаружили во время строительства станции метро «Опера». Именно расположение этих арок позволило современным историкам с большей или меньшей точностью указать место, где стояли Пуэрта-де-Валанду — юго-западный угол здания Королевского театра. В 60—70-х гг. XVI в. началось освоение этих земель, и овраг был засыпан, а ворота разрушены. Происхождение названия этих ворот так же неясно, как и их местонахождение. По некоторым гипотезам, оно происходит от личного имени человека, либо служившего при воротах, либо владевшего близлежащими землями. По другой версии, происхождение слова «Валанду» рассматривается как возможное от арабского «Баб ал Надур» — «ворота дозорной башни», связанное с линией таких башен, тянувшейся по диагонали с северо-востока

на юго-запад: башня Пуэрта-де-Валанду могла быть частью этой линии.

Сохранились также рассказы, будто какое-то время эти ворота назывались Воротами дьявола, поскольку у их основания находился камень, в котором было пять отверстий, расположенных как отпечатки пяти пальцев. Такие камни мусульмане часто помещали в воротах как обереги. Отверстия в камне из Пуэрта-де-Валанду стали считать отпечатком руки дьявола, а чтобы открыть ворота, по поверью, следовало вложить пальцы в пять отверстий и плюнуть на ворота.

Новая жизнь Мадрида

Городской совет Мадрида — консехо (испанское *concejo*, от латинского слова *concilium* — «собрание», «совет») — был, безусловно, самым близким центром власти для жителей мадридской округи: сюда они обращались за защитой, здесь искали решения конфликтов. Однако высшей властью над этими территориями все же обладал король. Он по своей воле мог даровать любому человеку или корпорации владение любой частью земель Мадрида с самым разным объемом прав. Нельзя сказать, что эта территория совершенно выпадала из сферы влияния консехо — скорее речь шла об усложнении структуры власти и распределения экономических ресурсов.

До XIV в. в Мадриде и местности вокруг него было очень мало сеньорий. В 1141 г. некто Педро Бермудес получил во владение деревню Уманес. В 1144 г. король Альфонсо VII передал епископу Сеговии деревню Фрегеседо. В ту же сеньориальную зависимость до 1154 г. попала деревня Ривас де Харамы. Эта деревня была заселена до 1136 г. усилиями жителя Сеговии по имени Гильермо. В 1154 г. это владение вместе с другой деревней Альдовеа было передано архиепископу Толедо.

Нередко король даровал в качестве феода замки и районы, которые имели важное стратегическое значение и нуж-

дались в хорошо организованной защите. В 1154 г. Педро по прозвищу Крестоносец получает во владение замок Рибас.

В XII в. Мадрид, как мы уже говорили, все еще оставался по преимуществу городом-крепостью. Отсюда исходят и сюда докатываются волны вооруженной вражды христианских и мусульманских государств. С другой стороны, это поселение, где значительная часть жителей занята сельским хозяйством. Ремесло и торговля, преимущественно местная, переживают временный упадок, что сказывается, прежде всего, на качестве знаменитой при мусульманах керамики.

Примерно с 20-х гг. XII столетия военные экспедиции против мусульман превращаются в важное занятие для горожан. Трофеи, добытые в этих походах, становятся одной из самых прибыльных статей дохода. Это придает социальной жизни города определенную специфику. Очень многое в жизни мадридцев определяется теперь в зависимости от их участия в военных экспедициях и в обороне города.

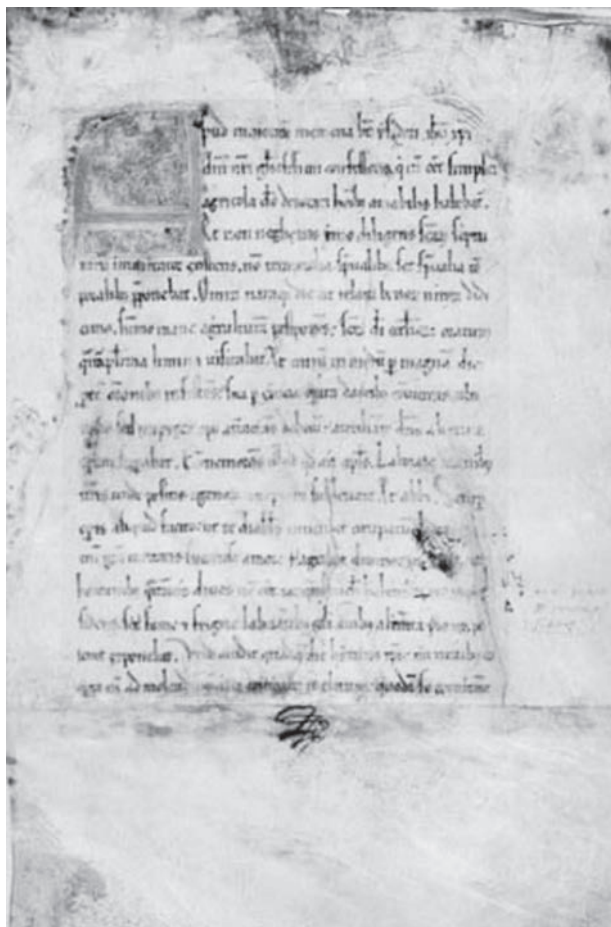
В составе населения Мадрида происходят значительные изменения. Со второй четверти XII в. начинается активная миграция, что, заметим в скобках, не способствует размеренности социальной жизни. Именно в это время Мадрид покидает значительная часть мусульман, хотя и не все. Здесь уместно вспомнить об упадке ремесла: возможно, что он был следствием оттока мусульманского населения. С другой стороны, значительно увеличивается число выходцев с берегов Дуэро. Город сильно разросся, особенно некоторые районы, в частности Сан-Мартин.

В целом, после отвоевания Мадрида христианами в жизни города начинается длительный этап приспособления к новым условиям жизни, которые возникают из сплава его прежних традиций и обычаев, принесенных новопоселенцами. Завершается становление новой системы городской жизни принятием в 1202 г. Фуэро² Мадрида. Как выразился один из историков города, этот документ — своеобразный аттестат зрелости, который фиксирует уже достаточно четко оформившиеся черты средневекового пиренейского города.

Сан Исидро

После утверждения власти христиан у Мадрида довольно скоро появился новый святой покровитель — Сан Исидро Пахарь. Официально церковь признала его святым только в 1622 г. Процесс канонизации начался еще в 1589 г., чему активно содействовал король Испании Филипп II, видимо, полагавший, что широко почитавшийся покровитель города, где с 1561 г. находилась королевская резиденция, должен быть признан святым официально. Так называемая народная канонизация — обретение и почитание мощей, а также почитание мест, связанных с жизнью Исидро, распространение рассказов о чудесах началось почти сразу после его кончины около 1172 г. Во второй половине XIII столетия было записано его жизнеописание. Неизвестно, была ли это первая запись, но самая древняя сохранившаяся до наших дней рукопись относится к этому времени. Жизнеописание принадлежит Хуану Хилю из Саморы, известному как Хуан Дьякон. Весьма вероятно, что часть сведений он получил от людей, знавших Исидро при жизни. Со временем появлялись новые рассказы о жизни и чудесах святого, и постепенно сложилась традиция, включающая в себя повествования о более чем четырехстах чудесах. Большую часть сведений, входящих в нее, проверить невозможно. Поэтому, читая рассказы о жизни Исидро Пахаря, мы больше узнаем о том, какой она должна была быть в представлении почитавших его мадридцев. Какой образ жизни воспринимался как праведный, и кого выбрали себе покровителем жители небольшого города, существование которого наполняли заботы отнюдь не только мирного характера?

Точно дата рождения Сан Исидро неизвестна, но принято считать, что он появился на свет 4 апреля 1082 г. Имена родителей также не дошли до нас. Некоторые биографы сообщают, что отец Исидро жил неподалеку от монашеской общины Сан-Мартин, за пределами городских стен. Мать святого принадлежала к мосарабской семье — прихожан храма Сан-Андрес, также располагавшегося вне мусульманской

Житие Сан Исидро. Фрагмент рукописи конца XIII в.

крепости Маджрит. Считается, что дом, где родился Исидро, находился в начале современной улицы Дель-Агила. Полное его имя звучало как Исидро Кинтана-и-Мерло, или, по другим сведениям, Исидро Мерло-Кинтана.

Уже в раннем возрасте Исидро проявил необычные способности: он мог обнаруживать подземные источники. Из-

вестно, что он указал несколько мест, где были вырыты колодцы, и вода из них славилась своими целебными свойствами. Один из них находился на Калье-Майор в доме некоего Хайме Венескеса. Затем некая донья Нунья поручила Исидро отыскать источник в ее владениях, которые находились на пересечении Калье-Майор и улицы Бордадорес. Еще два источника были Исидро найдены в домах Исабель и Марии Фалькони и у наследников Франсиско Вера — оба владения располагались на нынешней улице Толедо.

Во время осады города Али бен Юсуфом в 1109 г. Исидро вместе с другими горожанами бежал на север и укрылся в Торрелагуне, где он добывал себе пропитание, нанимаясь работником. Здесь у Исидро появилась семья. Родные выбрали ему в невесты сироту, находившуюся под опекой своих родственников в Торрелагуне, у которых Исидро был в услужении. Девицу звали Мария. В некоторых жизнеописаниях сообщается, что вместо замужества она собиралась уйти в монастырь. Исидро и Мария обвенчались в церкви Санта-Мария-Магдалена в Торрелагуне. После свадьбы молодые переехали в небольшую деревню Каракис в округе Уседы, где у Марии был участок земли, унаследованный от родителей и ставший ее приданым.

По всей видимости, Исидро и Мария не были бедняками. Мария владела земельным участком, а родные Исидро были известны как люди хорошего достатка. Поэтому скромный образ жизни, который супруги вели изначально, следует связывать скорее с осознанным личным выбором. Необычайное благочестие и стремление во всем следовать евангельским заповедям подвигли Исидро и его жену отказаться от имущества и жить только своими трудами.

Спустя какое-то время Исидро нанялся обрабатывать земли в Таламанке на участке, принадлежавшем Ивану де Варгас.³ К 1119 г. Исидро с женой перебрались в Мадрид, где также должны были работать на землях Ивана де Варгаса. В городе у него было два дома: один располагался напротив церкви Сан-Хусто, и в нем проживал сам сеньор. Второй дом был на площади Сан-Андрес на углу с улицей Алмен-

дро: здесь жили работники и среди них — Исидро с Марией. В этом доме у супругов родился сын Ильян. Его крестным отцом стал сеньор Иван де Варгас.

Сейчас в доме располагается Музей Сан Исидро. После смены нескольких владельцев здание, построенное на месте дома Ивана де Варгаса в XVI в., к 70-м гг. прошлого столетия оказалось заброшенным и пришло в запустение. В 1989 г. городские власти приняли решение устроить здесь музей святого покровителя Мадрида. Здание было отреставрировано, в том числе и часовня, организованная в XVII в. в той части дома, где жил Сан Исидро. В музее хранится богатая археологическая коллекция, которая включает множество экспонатов, связанных с древнейшей и средневековой историей Мадрида.

Исидро обрабатывал несколько участков, принадлежавших его господину — орошаемые земли на левом берегу Мансанареса (здесь теперь располагается монастырь Нуэстра-Сеньора-дель-Пуэрто), и обычный участок на левом берегу — это место получило название Прадера-де-Сан-Исидро, что можно перевести как «луг Сан-Исидро».

Первое чудо Исидро составитель его жизнеописания описывает так: «Охваченный любовью к Господу, Сан Исидро, хотя был небогат, давал пропитание, насколько было возможно, не только людям, но птичкам небесным, страдавшим от голода и холода. И случилось ему в зимний день идти вместе с ребенком на мельницу молотить зерно. Вся земля была покрыта снегом. На ветке дерева сидели несколько голубей, как показалось Исидро, измученных голодом. Он разгреб руками снег и насыпал зерна для птиц. И хотя мешки Исидро и мальчика опустели почти на половину, муки из оставшегося зерна вышло два полных мешка».

В дни, когда Исидро не ходил на работу в поле, Мария обычно готовила обильный обед, которым семейная чета кормила всех бедняков округи. В один из таких дней, когда уже ничего из съестного не оставалось, неожиданно к дому пришел нищий с просьбой о подаении. Исидро сказал жене принести еще какой-нибудь еды, чтобы накормить стражду-

щего. Мария хорошо знала, что все горшки пусты, но все же отправилась к очагу. И вдруг она увидела, что в котле снова есть еда, которую благочестивая жена, конечно же, сразу отнесла нищему.

Утром по дороге на работу Исидро имел обыкновение заходить в те церкви, мимо которых проходил. Поэтому он добирался до поля самым последним из работников, но работа от этого не страдала: ему даже удавалось сделать много больше, чем остальным. Объяснение этому чудесному явлению обнаружилось после того, как один из работников сообщил хозяину об опозданиях Исидро. Иван де Варгас решил лично проверить и пришел на поле посмотреть, как работает Исидро. Там он увидел, что вместе с работником землю пахут два ангела. Но ангелов мог лицезреть только Иван, потому что, когда он спросил Исидро, кто помогает ему в работе, тот ответил, что трудится один, без помощников. Так появился рассказ о чуде ангелов-пахарей.

С домом, где жила семья святого, связано другое чудо — чудо с колодцем. Ильян, маленький сын Исидро и Марии, упал в колодец, находившийся в патио. Вернувшись домой, Исидро нашел свою жену рыдающей по сыну. Они начали молиться вдвоем, а в это время вода в колодце стала подниматься выше и выше, пока, наконец, не вынесла на поверхность малыша живым и невредимым. Этот колодец можно видеть и сегодня во дворе Музея Сан Исидро.

С именем Исидро связано несколько воскрешений умерших. Он смог вернуть к жизни Марию, единственную дочь своего господина. Девушка скончалась от тяжелой болезни. Сочувствуя горю безутешного отца, Исидро пришел в комнату, где находилось тело покойной, и стал молиться, затем коснулся ее своим лицом — и она воскресла. В другой раз он воскресил коня, который пал под Иваном де Варгасом во время поездки по его землям. Святой возложил свою ладонь на тело животного, произнес: «Восстань во имя Господа!» — и конь поднялся с земли.

После нескольких лет супружества Исидро и Мария по взаимному согласию решили вести целомудренную жизнь,

следуя словам апостола Павла: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как не имеющие» (Кор. 1:29). Мария с сыном уехала в Каракис, где жила в монастыре Нуэстра-Сеньора-де-ла-Пьедад. Ее супруг остался в Мадриде.

Исидро скончался 30 ноября 1172 г. Этот год традиционно считается датой его кончины, но точной информации на этот счет нет: известно, что он умер до 1190 г. Его похоронили на кладбище прихода Сан-Андрес. Мария, которую, по преданию, о скорой смерти мужа предупредил ангел, оставалась с ним последние часы его земной жизни.

Спустя несколько десятилетий святой явился одному из своих друзей и попросил, чтобы его останки перенесли внутрь церкви Сан-Андрес. Но его друг посчитал, что это видение — игра воображения, и никому ничего не сказал. Затем этот человек неожиданно тяжело заболел и смог оправиться от болезни только после того, как просьба святого была выполнена. В 1212 г. из земли извлекли гроб Сан Исидро, где обнаружили тело, не тронутое тлением. И с обретенными мощами святого покровителя Мадрида также было связано множество чудес.

В XV в. возник рассказ об одном из самых знаменитых чудес Сан Исидро. В середине июля 1212 г. войска кастильского короля Альфонсо VIII в союзе с королями других пиренейских королевств располагались у перевала Мурададь, захватив охраняющую его крепость Ферраль. К перевалу двигалась армия альмохадского эмира Аль-Насира. Короли решили нанести удар первыми, причем попытаться сделать это неожиданно для врага. Для этого им нужно было преодолеть Сьерра-Морена не через Мурададь. К Альфонсо VIII явился пастух, который взялся провести армию через горы по перевалу Дель Рей. Сражение при Лас Навас де Толоса состоялось 16 июля и закончилось решительной победой христиан. Оно стало поворотной точкой в развитии Реконкисты, после которой владения мусульман на полуострове стали стремительно сокращаться. Альфонсо VIII после боя приказал разыскать пастуха, чтобы отблагодарить его, но он исчез

бесследно. По дороге назад король проезжал через Мадрид, где посетил церковь Сан-Андрес с недавно обретенными мощами Сан Исидро. Увидев тело святого, король воскликнул: «Это тот самый пастух, который указал нам дорогу и привел к победе!» Он приказал сделать деревянный ковчег, украсить его живописными сценами чудес Сан Исидро и поместить туда мощи. Считается, что этот ковчег сохранился до наших дней: его перевезли во дворец архиепископа, а после недавней реставрации он находится в соборе де ла Альмудена. Однако, по мнению искусствоведов, эта реликвия была изготовлена по крайней мере на 60—70 лет позже описанных событий — в конце XIII—нач. XIV века. Кроме того, в письме Альфонсо VIII с подробным рассказом о сражении, адресованном папе Иннокентию III, нет никаких упоминаний о пастухе.

В 1518 г. папа Лев X позволил роду Варгас — потомкам Ивана де Варгаса — построить часовню и перенести туда тело святого. Строительные работы продолжались с 1520 г. до 1535 г. Их завершал дон Готьерре де Варгас и Карвахаль, епископ Пласенсии. Часовня вплотную примыкала к приходской церкви Сан-Андрес, где находилось тело Сан-Исидро. Между ними существовал переход. После переноса мощей началась вражда между священниками обоих храмов, из-за которой в 1544 г. реликвию вернули на прежнее место, а переход закрыли. Часовня, построенная родом Варгас, сохранилась до наших дней — она расположена на площади де-ла-Паха и известна как Капилья-дель-Обиспо — часовня епископа, но настоящее ее название Санта-Мария-де-лос Анхелес и де-Сан-Хуан-де-Летран. После возвращения тела Сан Исидро в Сан-Андрес часовня стала усыпальницей рода Варгас.

После начала процесса канонизации в конце XVI в. дважды проводилось освидетельствование тела святого, и была подтверждена нетленность останков, что было одним из важных аргументов, доказывающих святость обладателя тела. После причисления Исидро к лику святых в 1622 г. было решено построить новую часовню рядом с церковью

Сан-Андрес. Строительство часовни Сан-Исидро завершилось в 1669 г., после этого сюда поместили тело святого. Одновременно с этим произошло расширение и самой приходской церкви. В частности, ее алтарная часть заняла участок церковного кладбища, где находилась могила Сан Исидро, на ее месте поместили каменную плиту с записью об этом.

Однако последним пристанищем мощей стала не эта часовня. В 1676 г. после изгнания иезуитов в принадлежавшем им здании Имперского Коллегия на улице Толедо существовала церковь апостолов Петра и Павла — сюда и перенесли тело Сан Исидро, а также и его жены Санта-Марии де ла Кабеса. Церковь после этого стала именоваться Сан-Исидро. В храме Сан-Андрес остался серебряный ключ от раки, в которой хранилось тело.

В апреле 1936 г., когда положение испанской церкви значительно осложнилось после победы на выборах Народного фронта — блока левых партий, епископ Мадрида принял решение тайно перенести тело святого. Деревянный ларец, в котором непосредственно находились мощи, достали из серебряной раки и поместили в отверстие в стене храма, а раку оставили на месте. В этом же году она сгорела при пожаре. В мае 1939 г., после окончания гражданской войны, ковчег с телом святого извлекли из стены и позже поместили в новую раку, которую и сегодня можно видеть в церкви Сан-Исидро.

В 1960 г. папа Иоанн XXIII провозгласил Сан Исидро покровителем испанских трудящихся.

Праздник в честь Сан Исидро — 15 мая — одно из центральных событий в жизни горожан. Первые известия о ярмарках и праздничных гуляньях, происходивших в этот день на лугу Сан-Исидро, относятся к XVI в. Все начиналось с торжественной процессии, которая шла от церкви Сан-Андрес до монастыря Сан-Исидро, построенного в 1528 г. по приказу супруги короля Карла I Изабеллы у целебного источника, открытого, по преданию, святым. После мессы в монастыре участники процессии пили воду из источника, а затем отправлялись на луг, где торговали разнообразной

снедью, в том числе и знаменитыми пончиками двух видов: «глупышами» — без сахарной пудры и «умниками» — посыпанными сахаром. Продавали и «пончики тетушки Хавьеры», привозившиеся из Фуэнлабрады.

Примерно так же отмечается день Сан Исидро и сегодня, с той разницей, что праздничные мероприятия — шествия, концерты, выставки — начинаются за неделю до этого дня. Эти дни стали своего рода фестивалем искусств, приуроченным ко дню святого покровителя города.

Средневековые приходы

Важнейшей единицей церковной, территориальной и социальной организации городского пространства были приходы. Каждый приход можно рассматривать как самоуправляющуюся общину, которая вырабатывает нормы как внутреннего обустройства, так и взаимодействия с соседями. Границы самых первых приходов определялись не столько территориальными и экономическими факторами, сколько социальными. Среди христианского населения Мадрида заметны три основные группы: местные христиане — мосарабы, переселенцы из северных земель — кастильцы и леонцы, а также выходцы из-за Пиренеев, объединявшиеся под общим названием «франки». В Мадриде они старались селиться компактно, особенно новопоселенцы. Поэтому почти всегда есть основания говорить о преобладании той или иной из этих групп в приходе.

Вокруг приходских церквей, как правило, образовывалось пространство, не застроенное жилыми домами. Здесь располагались кладбище и торговая площадь. В Мадриде достоверно известно о существовании такого сочетания в приходе Сан-Андрес, отдельные захоронения обнаруживаются около церкви Сан-Николас. Существовало кладбище около церкви Сан-Мигель-де-Октоэс.

Первые документы, на основании которых мы можем судить о складывании приходского деления, сохранились от

XII в., но, правда, они относятся к территории за пределами городского ядра. Однако, поскольку впоследствии эти земли вошли в черту города, то именно этот приход — Сан-Мартин — стал обладателем самого древнего документально-го подтверждения своего статуса. В 1126 г. король Альфонсо VII дарует привилегию монастырю Сан-Мартин, который располагался за чертой городских укреплений, к северо-востоку. В тексте упоминается приор монастыря Санчо, которому дается право осваивать прилежащие земли и заселять их. Нельзя было сооружать дома без разрешения приора или оставлять уже построенные. Эта грамота оформлена как подтверждение привилегии, полученной монастырем в правление Альфонсо VI. Есть предание, что монашеская община существовала здесь уже при мусульманах.

Надо заметить, что монастырь Сан-Мартин находился в подчинении у знаменитого бенедиктинского аббатства Санто-Доминго-де-Силос. Из этого следовало, что поселение, которое возникло вокруг монастыря, хотя традиционно и считается одним из старейших аррабалей Мадрида, но в административном и судебном отношении консехо не подчинялось. Он именовался *vicus Sancti Martini* и заселялся на тех условиях, которые закреплялись в фуэро Санто-Доминго-де-Силос и Саагуна. Под фуэро в данном случае подразумевается королевская грамота, фиксирующая привилегии монастыря Санто-Доминго-де-Силос, а также условия, на которых они могли основывать поселения на принадлежащих им территориях. Эта ситуация скоро привела к столкновениям между монастырем и консехо по поводу границ судебных полномочий. В конце XV в. *vicus Sancti Martini* был включен в судебный округ консехо Мадрида и примерно тогда же превратился в один из приходов города. Монастырские постройки располагались на территории квартала, который образуют улицы Ареналь, Сан-Мартин и одноименная площадь. Монастырь был разрушен в XIX в.: сначала, в правление Жозефа I Бонапарта сломали церковь Сан-Мартин, затем в 1836 г. монастырские здания перешли в распоряжение государства, а в 60-е гг. они были разрушены.

С момента основания здесь преобладали франки и поселенцы из Леоно-Кастильского королевства. Вероятно, это связано с тем, что монастырь был основан при Альфонсо VI, когда в его окружении возросло влияние клунийских монахов, прибывших к королю вместе с его супругой Констанцией Бургундской. Возможно, первый приор монастыря был одним из них. К XIII в. в образовавшемся у монастыря поселении активно развивалась торговля, в частности, в документах упоминается об обувных лавках, о старьевщиках.

К концу XII столетия в Мадриде было десять приходов: Санта-Мария, Сан-Андрес, Сан-Педро, Сан-Хусто, Сан-Сальвадор, Сан-Мигель-де-лос-Октоэс, Сантьяго, Сан-Хуан, Сан-Николас и Сан-Мигель-де-ла-Сагра. Порядок, в котором они перечислены, воспроизводит определенную иерархию приходов, во главе которой стоял приход Санта-Мария с центром в храме Санта-Мария-де-ла-Альмудена.

В XIII в. рост населения привел к появлению новых аррабалей за пределами городской стены — в основном к югу от Сан-Мартина. Так возник приход Сан-Хинес, о котором первые сведения появляются около 1250 г. Вслед за ним появился приход Санта-Крус — возникновение этого прихода завершило складывание нового аррабала за стенами Мадрида. Надо заметить, что оба новых прихода были гораздо больше по занимаемой площади, чем старые, находившиеся внутри стен.

Все мадридские приходы подчинялись капитулу церкви Санта-Мария-де-ла-Альмудена, который возглавлял архидьякон. Епископская кафедра была окончательно утверждена в Мадриде только в 1885 г. До этого момента в церковном отношении город зависел от архиепископа Толедо. Альфонсо X дает капитулу ряд привилегий, таких как освобождение от постоя войск, признание законнорожденными всех детей, прижитых членами капитула от незамужних женщин. Из этой же грамоты выясняется, что капитул состоял из тридцати клириков. Поэтому ее часто называют «привилегией тридцати освобожденных [от повинностей]».

Несмотря на то что приход Санта-Мария-де-ла-Альмудена — таково его полное название — первый, о существова-

нии которого известно с момента отвоевания Мадрида христианами, его дальнейшая история отразилась в документах значительно меньше, чем история других приходов, возникших позже. Собственно большая часть сведений, причем часто легендарного характера, связана с историей церкви Санта-Мария-де-ла-Альмудена и с образом Девы Марии, который там хранился.

Санта Мария ла Реаль де ла Консепсьон де ла Альмудена — покровительница Мадрида, праздник в честь которой — 9 ноября, как и день почитания Сан Исидро, — одно из центральных событий городской жизни и по сей день. Ее культ превосходит древностью культ Сан Исидро. По легенде, ученик апостола Испании св. Иакова, св. Калогер обосновался на некоторое время в Мадриде, который был тогда небольшой деревней. У него была статуя Девы Марии, изготовленная в Иерусалиме св. Никомедием и расписанная евангелистом св. Лукой еще при жизни Богородицы. Это и был образ, названный впоследствии Санта Мария де ла Альмудена. Впервые именно такое название зафиксировано в документе 1377 г. Объяснений этого названия существует несколько. Самое распространенное связано с зарождением культа этого образа.

Мадридцы перед приходом мусульман, опасаясь осквернения святыни, решили спрятать статую. Они поместили ее в отверстие в крепостной стене и поставили по обеим сторонам зажженные свечи. Отверстие замуровали и со временем забыли о его точном расположении. После прихода христиан в город стало известно, что статуя спрятана где-то в стене. Альфонсо VI приказал отыскать ее. По легенде, началу поисков предшествовали девять дней поста и покаяния. В назначенный день торжественная процессия с религиозными песнопениями стала обходить крепостную стену. Когда шествие приблизилось к воротам Ла-Вега, от стены отвалился кусок — и в отверстии показалась статуя. По обе стороны от нее горели свечи. Обретенный образ был перенесен в ближайший храм, которым оказалась только что освященная церковь Санта-Мария, бывшая большая мечеть Мадрида. На-

звание и храма, и статуи связано, таким образом, с местонахождением в Альмудайне или, иначе, Альмудене.

Вторая версия, приводящаяся в труде автора XVII в. дона Хуана де Вера Тассиса, видит в слове Альмудена сокращение: *al* — *alma* (ивр. дева), *ti* — *mater, mulier* (лат. мать, женщина), *de* — *Dei* (лат. род. надеж. Бога), *na* — *natus* (лат. рожденный). Все в целом можно перевести как «Дева и Мать Воплотившегося Бога».

Другие объяснения производят слово Альмудена от арабского названия меры зерна *almut (almud)*, составляющей примерно 27.5 л. Будто именно таким количеством пшеницы была засыпана статуя Девы Марии, когда ее прятали.

Тайной покрыта дальнейшая судьба статуи. Та, что сохранилась до наших дней, — произведение нач. XVI в. Древняя, о которой рассказывает легенда, исчезла. Нет ни одного сколько-нибудь точного свидетельства об этом исчезновении или о причинах изготовления новой статуи. Не ранее XVII в. родилось предположение, что скульптура сгорела во время пожара, случившегося в церкви в правление Энрике IV (1454—1474).

На деревянном ковчеге Сан Исидро, который, по легенде, приказал изготовить Альфонсо VIII и который на самом деле датируется концом XIII в., по обеим сторонам святого изображены фигуры Санта Мария де ла Альмудена и Санта Мария де Аточа, причем обе представлены сидящими, в отличие от скульптуры XVI в. Считается, что здесь изображена первая статуя Санта Марии де ла Альмудена. Это суждение подкрепляется тем, что сидящая фигура Богородицы соответствует более древнему канону. Из этого следует, что известная сегодня статуя не является копией первой.

Существует еще одно живописное изображение, которое может быть связано с древней статуей Санта Мария де ла Альмудена. Это так называемая Вирхен де ла Флер де Лис — Дева с лилией (Мадонна с лилией). Фреска размером 1.53 на 0.92 м изображает сидящую Деву Марию. На коленях у нее младенец Христос, а в правой руке она держит лилию,

Дева Мария с лилией. Фреска, XIII в.

что дало название этому образу. Фреска была обнаружена в XVII в. Когда было решено переместить статую Санта Мария де ла Альмудена из небольшой часовни в центральную алтарную часть, для ее установки потребовалось разобрать часть стены. В результате этих работ и была обнаружена

фреска, которую тогда отнесли к эпохе правления Альфонсо VI. Предположили, что король приказал сделать это изображение на стене храма в ожидании обретения самой статуи. Однако сейчас установлено, что такой тип изображения характерен скорее для второй половины XIII в., т. е. хронологически близок к изображению на ковчеге Сан Исидро. Фреска сохранилась до наших дней — в 1638 г. фрагмент стены, на котором она помещалась, переместили в нижнюю часть храма, а потом перенесли в одну из его часовен. В настоящее время она находится в крипте собора.

Очевидно, что приведенные факты не образуют единства, скрепленного четкими связями. Нет информации, что известные сегодня наиболее древние изображения Девы Марии воспроизводят пропавшую статую Санта Мария де ла Альмудена. Кроме того, есть вероятность, что существовала третья статуя, вернее, по хронологии вторая, предшествовавшая известной сегодня. В XIX в. при очередной реставрации было замечено, что голова древнее остальной фигуры и, видимо, принадлежала другой статуе, также изображавшей стоящую Мадонну, судя по пропорциям. Может быть, во время пожара второй половины XV в. исчезла именно она, а не самая древняя, о внешнем виде которой уже не осталось сведений.

Следующим по значимости был приход Сан-Сальвадор. К XIV в. он становится одним из самых престижных — здесь сосредотачивается как центр муниципальной власти, так и торговли. Здесь же живут самые богатые и уважаемые мадридцы: рыцари и придворные, правда, не самого высокого ранга, адвокаты, писцы, богатые иудеи дон Якоб, дон Моше Романо, дон Маир Алгуадикс — врач Энрике III. Их дома выходили в большинстве своем на улицу, которая именовалась Калье-Реаль (Королевская). Она вела от ворот Санта-Марии до ворот Гвадалахары. Долгое время не только она носила такое название, но с конца XIV в. оно закрепляется за этой городской магистралью.

В конце этой улицы, у ворот Гвадалахары, располагался рынок, застроенный лавками. О нем много упоминаний в до-

кументах. Другой рынок по этой улице располагался у церкви Сан-Сальвадор, здесь же находилась мясная лавка, но не обычная частная, а своего рода городская мясная база — под наблюдением городских властей осуществлялся строгий контроль над качеством мяса, а также его весом.

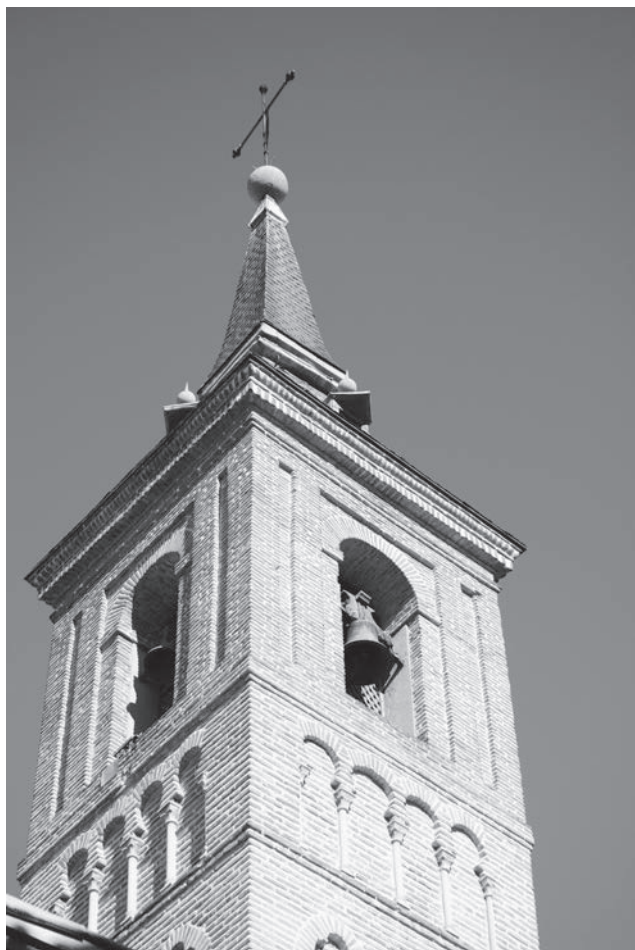
В церкви Сан-Сальвадор обычно проходили собрания городского совета — консехо. Хотя первый документ, упоминающий об этом, относится к 1385 г., есть основания полагать, что эта традиция сложилась много раньше. Со временем, по мере развития структуры городской власти, здесь же стали сосредотачиваться все составляющие этой власти — рехидоры, писцы и другие служащие консехо. Когда Мадрид приобрел столичный статус, эта концентрация администрации и торговли сохранилась в приходе Сан-Сальвадор. Само здание церкви не дошло до наших дней — оно было разрушено в 1840 г. по решению муниципальных властей. Тесная связь с городской властью прихода Сан-Сальвадор и самой церкви оказали значительное влияние на историю здания. В частности, ремонтные и строительные работы в нем производились в основном за счет городской казны. На содержание этой церкви расходовались более значительные средства, чем на церковь Санта-Мария, которая формально была главным храмом Мадрида. В 20-х г. XVI в. произошло обрушение здания, и указ о выделении средств на его ремонт подписал сам император Карл V (речь, правда, шла о казне города), а городские власти особо озаботились устройством в церкви нового зала заседаний консехо. Тридцатиметровая колокольня этой церкви была одной из самых высоких в городе — свой законченный вид она приобрела во второй половине XVI в., когда была увенчана шпилем. На башне располагались часы, отмечавшие время колокольным звоном. Часовой механизм и колокол считались имуществом города, а потому их исправность и состояние колокольни, как и всего здания, находились в ведении консехо. Горожане иногда называли колокольню церкви Сан-Сальвадор «сторожевой башней Мадрида». Основанием для этого, видимо, стала ее высота, а также тот факт, что именно здесь разме-

щались войска городского ополчения, когда объявлялся их сбор.

Приход Сан-Николас — один из самых загадочных. Хотя он примыкал к самой крупной и оживленной улице города — Калье-Реаль, о нем практически нет упоминаний в документах. Точно неизвестно, какому именно святому из носящих это имя он посвящен. Сейчас принято считать, что самому знаменитому из них — святому IV в. Николаю Чудотворцу, епископу города Мира в Ликий. Предполагали, что прежде на месте храма была мечеть, но последние археологические исследования на церковном кладбище свидетельствуют о том, что здесь скорее были какие-то фортификационные сооружения. Это самая старая из пяти сохранившихся средневековых церквей Мадрида — ее башня, построенная в стиле мудехар,⁴ датируется XII в.

Следующие три прихода заняли часть территории Сагры — обширной области на северо-восток от Альмудены. Ее рельеф хотя и пересекался в нескольких местах небольшими оврагами, по которым протекали ручьи, впадавшие в Арройо-де-Ареналь, в целом был пригоден для земледелия. При мусульманах Сагра уже была освоена — здесь располагались как поля, засевавшиеся зерновыми, так и участки, отведенные под огороды и сады. После того как Сагра оказалась внутри городской стены, сельскохозяйственный характер владений, расположенных на ней, сохранялся по меньшей мере до конца XVI в. Свидетельства об этом мы находим во многих документах XII—XIV вв., фиксировавших имущественные сделки. Активное заселение этих земель началось в конце XII в., когда наблюдается активный приток сюда переселенцев с севера — из Леона и Старой Кастилии. По всей видимости, именно они основали приходы Сан-Хуан и Сантьяго, тогда как Сан-Мигель-де-Сагра был более старым приходом местных уроженцев.

Сан-Мигель-де-Сагра, как можно догадаться, получил свое название по местоположению. Может быть, здесь была небольшая часовня, вокруг которой образовался сельский приход, вошедший в черту города после постройки второй

Колокольня церкви Сан-Николас. XII в.

стены. Об этом приходе мало информации, так как он исчез сравнительно быстро — не позднее 1548 г. Видимо, он дольше двух других приходов Сагры сохранял свой сельскохозяйственный характер. Большинство мадридцев, приобретавших здесь земли, имели дома в тех районах города, где тип за-

стройки и организации жизни был более урбанизированным. Из этого можно заключить, что владения в Сан-Мигель-де-Сагра рассматривались скорее как сельские угодья — известно о существовании здесь огородов, садов, посадок оливковых деревьев.

Сан-Хуан — очень небольшой приход, который постепенно сокращался и был в конце концов включен в состав прихода Сан-Мигель-де-Сагра. Скорее всего, был посвящен Иоанну Крестителю. Сама церковь находилась там, где сейчас площадь Рамалес, здание было разрушено в начале XIX в.

Приход Сантьяго, вероятно, был самым новым к началу XIII в. Об этом в первую очередь свидетельствует его посвящение покровителю Реконкисты, который был популярен среди жителей северных районов Леона и Кастилии, обособившихся здесь.

Хотя по площади два последних прихода уступали Сан-Мигель-де-Сагра, плотность населения в них была выше, главным образом потому, что это были уже в большей мере городские районы, но и здесь кое-где сохранялись небольшие участки с садами и огородами.

В средневековом Мадриде был еще один приход, посвященный св. Михаилу, считавшемуся покровителем земледелия и очень почитаемому в Средние века. Праздник св. Михаила был началом сбора винограда, этот день, как правило, указывался в контрактах как точка отсчета срока их действия. Второй приход назывался Сан-Мигель-де-лос-Октоэс, располагавшийся у ворот Гвадалахары. Здесь прежде была часовня Сан-Маркос. Этимология слова «октоэс» точно не установлена. Одна из версий связывает его с латинским словом *octo* — восемь и предполагает, что в приходе жили восемь братьев, покровительствовавших церкви. Другое предположение связывает это слово с *ottores*, что означает соприсяжники или поручители. Возможно, церковь Сан-Мигель была местом, где произносили клятвы. Ее здание было разрушено в результате двух пожаров в начале XIX в. Ныне здесь находится рынок Сан-Мигель.

Сан-Хусто и Пастор⁵ или, как этот приход назван в тексте фуэро 1202 г., Сантюсте, занимал всего два квартала в конце улицы дель Арко. Его название позволяет предположить, что это был мосарабский приход. Почитание свв. Хусто и Пастора (IV в.) известно со времени вестготов и сохранялось в центральной Испании при мусульманах. Братья были родом из Комплутума, в мусульманскую эпоху именовавшегося Алькала по названию построенного здесь замка — Аль Калат Абд аль-Салам. Считается, что христианский приход Сантюсте (*Santiuste*) сохранился в бывшем римском муниципии и после того, как отсюда уехали епископы. Учитывая близость Мадрида к Алькале де Энарес и особую популярность мучеников Хуста и Пастора среди христиан Аль-Андалуса, такое посвящение прихода может указывать на состав его жителей.

Приход Сан-Педро располагался по склонам и на дне оврага, по которому протекал Арройо-де-Сан-Педро. Такая близость к источнику пресной воды, с одной стороны, была очень удобной, и сопредельные приходы — Санта-Мария, Сан-Сальвадор, Сан-Андрес — стремились расширить свою территорию за счет прихода Сан-Педро. С другой — естественное изменение русла водного потока приводило к необходимости менять расположение построек. Поэтому историки фиксируют перемещение этого прихода, ставшее особенно заметным к середине XIV в., когда увеличивается число документов, сообщающих о строительстве и продаже здесь новых домов. Эти перемещения коснулись и церкви Сан-Педро. Вероятно, старое здание располагалось поблизости от Пуэрта-Серрада, позже, примерно в первой половине XIV в., была построена новая церковь (сейчас улица Дель-Нунсио), от которой сегодня сохранилась башня в стиле мудехар и часовня с готическими сводами, принадлежавшая знатному мадридскому роду Лухан. Причины этого переноса точно неизвестны. Существуют две легендарных версии. Первая повествует, что случилась ссора между мусульманскими и христианскими детьми, которая закончилась дракой. В ней побежденными оказались дети христиан. Король Альфонсо XI,

Колокольня церкви Сан-Педро. XIV в.

узнав об этом, приказал разрушить большую часть мадридской морерии, а на месте мечети построить храм Сан-Педро. По другой версии, тот же король приказал построить эту церковь в честь взятия в 1345 г. Альхесираса. В XVII в. она была перестроена в стиле барокко.

О приходе Сан-Андрес мы уже упоминали, когда шла речь о мусульманском Мадриде, а также рассказывая о жизни покровителя города Сан-Исидро. Этот древнейший приход был одним из самых населенных, на его территории располагался рынок, и поскольку долгое время он находился за городской стеной, то мог активно расширять свою территорию, что и происходило. Центр общественной жизни этого прихода сосредоточивался на площади, с одной стороны которой располагались ворота второй стены де Морос, а с другой — церковь Сан-Андрес. Ее с трех сторон окружало приходское кладбище. В этом приходе, рядом с церковью, находились дома семей Лассо де Кастилия и Варгасов, живших в Мадриде как минимум со времени отвоевания города. Приход Сан-Андрес соседствовал с районом, заселенным мусульманами, — мадридской Морерией.

Аррабали

Примерно с XIII в. стало расти поселение, располагавшееся напротив монастыря Сан-Мартин, на противоположном берегу Арройо Ареналь. Формировалось оно вокруг небольшой капеллы, посвященной св. Генезию Арльскому (*San Ginés*). Некоторые историки полагают, что этот мадридский аррабаль появился еще в XII в. Возможно, туда стали переселяться жители прихода Сан-Мартин. Первое свидетельство об уже сформировавшемся приходе мы получаем из документа от 1332 г., где упоминается донья Лумбре Гарсия, владеющая домами в пригородном приходе Сан-Хинес. В 1358 г. приход Сан-Хинес упоминается в булле Иннокентия VI, которая отпускает грехи всем, кто пожертвовал на строительство приходской церкви.

В этом пригородном приходе активно развивались ремесла, связанные с металлом, а также кожевенные промыслы. Об этом свидетельствуют названия самых старых улиц этого района — существовала Кузнечная улица (*Calle de Ferreria*) и площадь кузнецов (*Plaza de Herradores*). Известна также

была улица вышивальщиков — Калье-де-Бордадорес. Тем не менее динамика развития застройки этого прихода в XIV—XV вв. показывает, что, несмотря на развитие ремесла, он еще долго сохранял деревенский облик, а его жители продолжали заниматься сельским хозяйством.

Возможно, в эпоху Средневековья, в XIII в., уходит своими корнями история прихода Санта-Крус. По легенде, возникшей не ранее середины XV в., Альфонсо VIII приказал построить небольшую церковь поблизости от дороги Аточа в память своей победы при Лас Навас де Толоса. Первые сведения о существовании вокруг нее прихода относятся к XV в. Церковь не сохранилась до наших дней — ее разрушили в 1868 г. Здание храма располагалось на площади, которая сегодня называется Санта-Крус.

Монастыри

Помимо приходов, важной составляющей и структуры церкви, и городской территории Мадрида были монастыри. Они играли в жизни горожан не меньшую роль, чем приходские храмы. Почитание высокого идеала монашеской жизни часто заставляло верующих обращаться в монастыри в поисках духовного наставления, а не к священникам приходов — секулярному клиру. Иногда это приводило к превращению монастырей в центры приходов. Так произошло с уже упомянутой обителью Сан-Мартин.

В XIII в. на территории Мадрида возникли два монастыря: Сан-Франсиско и Санто-Доминго, принадлежавшие, соответственно, ордену францисканцев и доминиканцев. Основание первого приписывается создателю ордена. Св. Франциск якобы основал свой монастырь в Мадриде в 1217 г. Монахи — ученики св. Франциска — обосновались за городской стеной, между Пуэрта-де-Морос и рекой. Здесь со временем образовался один из самых густо населенных аррабалей. Жизнь монастыря была организована в соответствии с уставом св. Франциска.

Обитель Сан-Доминго расположилась также за стеной в непосредственной близости от Пуэрта-де-Валанду. Здесь также возникло поселение, а монастырь стал владельцем обширных земельных угодий. Основан монастырь был в 1218 г. как мужская обитель доминиканцами Педро из Мадрида и Суэро Гомесом. Но затем сюда приехал сам основатель ордена — Доминго де Гусман — и повелел сделать этот монастырь женским. В этом статусе его утвердила булла Гонория III 1220 г.

Первые документы о дарениях и о покупке монастырем прилегающих земель появляются уже в 20-е гг. — с 1226 г. Особенно активно приобретаются участки земли и дома во второй половине XIII столетия. Тогда же земли монастыря становятся компактным владением, где преобладают сельскохозяйственные угодья — поля, засеваемые зерновыми. Упоминаются в документах и традиционные для округа Мадрида печи для обжига керамики.

Монастырь пользовался благоволением королей Кастилии, которые даровали ему земли и привилегии. Альфонсо X оплатил в 1258 г. работы по постройке нового здания, Санчо IV освободил монахинь от уплаты подорожной и проездной пошлин — монтазго и портазго.

Город и его округа

Каменные стены Мадрида служили защитой, демонстрировали состоятельность и политическую волю горожан, но никогда не были преградой, отделяющей город от его округа. Многие горожане проводили за пределами городских стен не меньше времени, чем внутри них.

В фуэро Мадрида специально оговаривалось, что житель города только тогда имеет право воспользоваться податными привилегиями, когда остается в городе две трети года. А мадридские домовладельцы, не выполняющие это условие, должны были платить вдвое: и как жители округа, и как горожане.

Округа была крайне важна для средневекового города. Она снабжала горожан продовольствием, строительными материалами, дровами, здесь располагались пастбища, охотничьи угодья. За пределами мадридских стен трудились на земле не только деревенские жители, чтобы потом привезти плоды своего труда на городской рынок, но и сами горожане. В зависимости от статуса и возможностей того или иного владельца загородных угодий, он мог собственноручно, с помощью членов своей семьи и, может быть, двух-трех слуг, возделывать поле, или виноградник, или оливковую рощу. Либо он организовывал труд наемных работников или арендаторов. Здесь можно вспомнить о Исидро Пахаре, который ежедневно отправлялся работать на поле, принадлежавшее Ивану Варгасу.

Сохранение загородных владений горожан, как личных, так и принадлежащих общине в целом — пастбищ, водопоев, лесов, — занимало внимание составителей фуэро не меньше, чем вопросы организации суда или установления, касающиеся рыночной торговли.

Территория, принадлежавшая Мадриду, делилась на так называемые сексмо, что означает «шестая часть». В русском языке слово с похожей этимологией, обозначающее единицу территориального деления, — шестина, фиксируется в словаре В. И. Даля, однако в современной речи не используется, поэтому мы будем использовать для обозначения сексмо термин «округ». Всего в постоянном подчинении консехо Мадрида было три округа: на юго-востоке Вальекас, на юге Вильяверде, и Аравака — на западе.

Названия округов связаны с поселениями, которые считались в них главными. Эти земли перешли к христианам одновременно с Мадридом, и, как и в городе, далеко не все связанное с мусульманским населением и его традициями ушло отсюда. В частности, название местечка и одноименного округа — Вальекас — возможно, хранит память о его мусульманском владельце Касе (*Kas*). Сейчас Вальекас стал уже частью Мадрида (с 50-х гг. XX в.). Интересно, что иногда в его названии пишут вместо полагающейся по правилам

современного кастильского языка буквы «с» букву «к», подчеркивая таким образом его этимологию. Помимо Вальекаса на территории этого сексмо располагалось еще более двух десятков селений — Кослада, Ривас де Харамы, Фуэнкарраль, Чамартин и др. Часть из них также со временем превратились в районы Мадрида.

Центр другого округа сложился во второй половине XII в. Земли неподалеку от брода через Мансанарес, по дороге к Вальекасу, были дарованы рыцарям ордена Сантьяго. Вскоре здесь появилось поселение Вадо де Сантьяго эль Верде, позже оно сместилось к западу. В начале XIII в. поселение именовалось Вильяверде и принадлежало к юрисдикции Мадрида: рыцари Сантьяго, видимо, не нашли эти земли достаточно привлекательными для ордена. Здесь располагалось еще более десяти поселений, среди которых наиболее значимыми были Хетафе и Фуэнлабрада. Теперь это также окраины Мадрида.

Наконец, третий округ, подчинявшийся мадридскому консехо, известен с начала XIII в. — здесь располагался замок Аравака, принадлежавший ордену Сантьяго с 1206 г., а также несколько поселений — Карабанчель (Верхний и Нижний), Леганес, Лас Росас де Мадрид, которые относились к территории сексмо Мадрида. Эти земли по правому берегу Мансанареса были мало населены сравнительно с другими мадридскими округами и славились как охотничьи угодья — здесь располагались королевские владения Эль Пардо и Каса де Кампо.

С севера и востока к Мадриду примыкали территории, подчиненные в судебном и административном отношении Сеговии. Этот город, вошедший в состав Леоно-Кастильского королевства немного раньше Мадрида, во многих отношениях его превосходил: здесь была архиепископская кафедра с момента прихода северных христиан, уже с XII в. это был крупнейший центр торговли шерстью, поскольку Сеговия располагалась на важных путях перегона овечьих стад. Значительные преимущества для роста населения города дало то обстоятельство, что в конце XI в. Сеговия с окрестностями

ми оказалась под властью зятя короля Альфонсо VI Раймунда Бургундского, который приложил много усилий по заселению города выходцами с севера полуострова и из-за Пиренеев.

Очень активная городская община сеговийцев расширяла границы принадлежавших городу земель и подчинила себе территории, располагавшиеся как в горах Гуадаarraма, так и по другую (по отношению к Сеговии) сторону гор — так возникли округа Лосойя и Вальдеморо. Временно к ней относились 19 поселений по реке Тахунье (из-за них у Сеговии возник спор с консехо Алькалы). В 1136, 1161 и 1166 гг. консехо Сеговии получил королевские грамоты, закрепляющие его господство над Ольмос и Калаталифой — здесь образовался округ Касарубьос. Это позже позволило приблизить границы сеговийских владений к самым воротам Мадрида (Эль Пардо, Кольменар и др.). В моменты максимального распространения власти общины Сеговии (сер. XII в.) за ее пределами оставались лишь Мадрид, Таламанка и Ильескас с узкой областью, ведущей на юг к толедским землям.

Территория, из-за которой жители Мадрида решились вступить в борьбу с могущественным консехо Сеговии, получила со временем название Реаль де Мансанарес. Описание пределов этого округа встречается в королевской грамоте от 1152 г.: это все территории в горах Гуадаarraма между перевалами Берроко и Лосойя. Расположенные здесь угодья стали предметом спора между мадридским и сеговийским консехо уже с первой половины XII в., и тянулся этот конфликт, то затихая, то разгораясь вновь, до конца следующего, тринадцатого, столетия. Особая заинтересованность мадридского консехо в этой территории объясняется ее важным хозяйственным значением для жизни города. Это были земли, богатые лесом, с залежами угля, здесь было немало прекрасных пастбищ и охотничьих угодий. И все это в непосредственной близости от Мадрида. Но, возможно, немалую роль сыграла и опасная близость границ округа Сеговии к Мадриду — консехо мог потерять не только важные в хозяйственном отношении земли, но и самостоятельность как адми-

нистративный центр. Косвенным свидетельством в пользу такого предположения может служить тот факт, что первые сеньории появились на территории округа Мадрида в первой половине XII в. и принадлежали епископству Сеговии — после 1136 г. ему отошло селение Ривас де Харамы (на территории округа Вальекас), а в 1144 г. король даровал сеговийскому епископу деревню Фрегеседо (на землях, вошедших позже в округ Вильяверде).

Уже упоминавшаяся выше грамота 1152 г., подписанная Альфонсо VII, стала первой, где утверждались права мадридцев на земли Реаль де Мансанарес: «Эти горы и леса даю вам под пастбища для вашей скотины и передаю [вам], чтобы владели указанными горами на наследственном праве и обладали бы полной властью ограждать и защищать их от всех других консехо, которые против вашей воли захотят присвоить себе там право рубить дрова или пасти [скот]». Здесь же оговорено право на все воды — речки и ручьи, которые текут с гор в сторону Мадрида.

В 1176 г. Альфонсо VIII еще раз подтвердил права мадридцев на эти земли, более подробно описав уголья, которые здесь располагались: горы, сосновые рощи, пастбища, луга — как заселенные, так и пустующие.

В 1208 г. уже Сеговия получила от короля три грамоты, позволявшие ей распространить свою власть на земли округа Мансанарес, на которых несколько последующих лет сеговийцы основали множество небольших поселений. Столкновения между двумя консехо стали неизбежны — первые вооруженные стычки возникали, видимо, стихийно — при одновременных попытках мадридцев и сеговийцев пасти скот на одном и том же участке, рубить лес, охотиться.

Кабальеро Мадрида отправились к королю, который в это время вел осаду Кордовы (1236 г.), и заявили протест против действий Сеговии, в первую очередь они требовали уничтожить поселения Мансанарес и Кольменар. Король передал через них приказ сеговийцам оставить эти две деревни. Они не подчинились, и мадридцы, пользуясь полученными от короля полномочиями, решили разрушить Мансанарес и Коль-

менар. Сеговийцы возвращались восстановить свои деревни, мадридцы снова их разрушали. В этом конфликте обе стороны искали союзников: Сеговия обращалась к консехо, расположенным севернее Гуадаррамы, Мадрид — к городам, находившимся к югу от гор и относившимся к архиепископству Толедо. Все завершилось вмешательством короля. Он прислал двух судей, поручив им разобраться дело. Они вынесли решение в пользу Мадрида: Мансанарес и Кольменар, а также другие селения, построенные сеговийцами, надлежало разрушить, а все земли отходили под власть Мадрида. Фернандо III подтвердил грамоту от 1152 г. Альфонсо VII 24 сентября 1248 г.

Но поскольку столкновения между двумя консехо не прекратились, Фернандо III годом позже — в сентябре 1249 г. — был вынужден выделить широкую полосу, шедшую на север — северо-запад от среднего течения Мансанареса и Гуадаррамы. Она разделяла территорию враждующих общин, и им здесь запрещалось возделывать земли и основывать поселения — они могли только пасти скот и рубить дрова, причем на равных правах. Король намеревался лично участвовать в установке пограничных знаков. Неизвестно, осуществил ли он свое намерение, но тяжба между городами продолжалась и после его смерти в 1252 г.

В 1275 г. Альфонсо X включил спорную территорию в состав королевских владений. Это была попытка уничтожить очаг напряженности и постоянных конфликтов в самом центре королевства, однако этот указ не поставил точку в развитии конфликта.

Санчо IV, унаследовавший престол после изнурительной войны против своего отца, пересмотрел его решение и передал округ Мансанарес в 1287 г. под власть Сеговии, при этом в грамоте упоминается около трех десятков населенных пунктов.

Так, переходя из рук в руки, округ Реаль де Мансанарес, тем не менее осваивался и заселялся. По всей видимости, соперничество между Мадридом и Сеговией к концу XIII столетия чаще развивалось в судебных спорах, нежели в воен-

Мадрид в XIII в.

1 — ворота Ла-Вега, 2 — арка Санта-Мария, 3 — ворота Ла-Сагра, 4 — ворота Валанду, 5 — ворота Гвадалахара, 6 — ворота Серрада, 7 — ворота Морос, 8 — церковь Санта-Мария, 9 — церковь Сан-Мигель-де-ла-Сагра, 10 — церковь Сан-Сальвадор, 11 — церковь Сан-Николас, 12 — церковь Сантьяго, 13 — церковь Сан-Хуан, 14 — церковь Сан-Мигель-де-лос-Октоэс, 15 — церковь Сан-Хусто, 16 — церковь Сан-Педро, 17 — церковь Сан-Андрес, 18 — монастырь Сан-Мартин, 19 — церковь Сан-Хинес, 20 — церковь Санта-Крус.

ных стычках жителей спорных земель. В XIV в. округ Реаль де Мансанарес превратился в разменную карту в руках королевской власти и крупных магнатов, боровшихся за королевскую корону и за влияние на города. Так, в 1304 г. его и ряд других земель передали дону Альфонсу де ла Серда — внуку Альфонсо X, в обмен на его отказ от претензий на королевскую корону. Позже дон Хуан Мануэль присоединил территорию округа к Мадриду, который, в отличие от Сеговии, признал его покровительство. И хотя сохранилось немало документов, касающихся беспокойной истории этого округа, ни в одном из них не упоминается о строительстве замка, который существовал здесь, вероятно, с рубежа XIII—XIV вв. В 1383 г. земли округа Реаль де Мансанарес вместе с замком были пожалованы Хуаном I королевскому майордому дону Педро Гонсалесу де Мендоса.

**«ЧТОБЫ БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ ЖИЛИ
МИРНО И В ЗДРАВЬИ». ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ
В МАДРИДЕ XII—XIII вв.¹**

Городская община

Всегда и повсюду город — это не только особым образом организованное пространство, но и сообщество людей, образ жизни которых строится иначе, чем у жителей деревни. Обитатели средневекового Мадрида в период после христианского отвоевания образовали общину — так называемый консехо (*concejo*). Это испанское слово происходит от латинского *concilium*, что означает «совещание, собрание». В средневековых городах Пиренейского полуострова консехо называли и сообщество всех полноправных горожан, выразивших свою волю на собраниях жителей, и совет должностных лиц, уполномоченных управлять городом и решать повседневные проблемы, требующие вмешательства властей. Это в полной мере относится и к Мадриду — в документах под консехо Мадрида подразумевается и городская община в целом, и городской совет. Сейчас не всегда возможно понять из текста, в каком именно значении употребляется слово «консехо» в том или ином случае. А между тем это очень интересный сюжет. Как строилось управление городом? Что могло решать общее собрание горожан? Как оно было организовано, регулярно ли созывалось и кто его посещал? Как выбирали

должностных лиц и какие полномочия им делегировались? Был ли подотчетен городской совет собранию? И так далее.

С продвижением Реконкисты на юг на занимаемых христианами землях складывались области, мало зависимые от королевской власти — не существовало еще механизма регулярного взаимодействия местных центров с королем. Включение этих центров в королевство основывалось на признании широких возможностей местного самоуправления. Власть оказывалась у того, кто проявлял наибольшую активность и способность организовать важные для данной области сферы жизни.

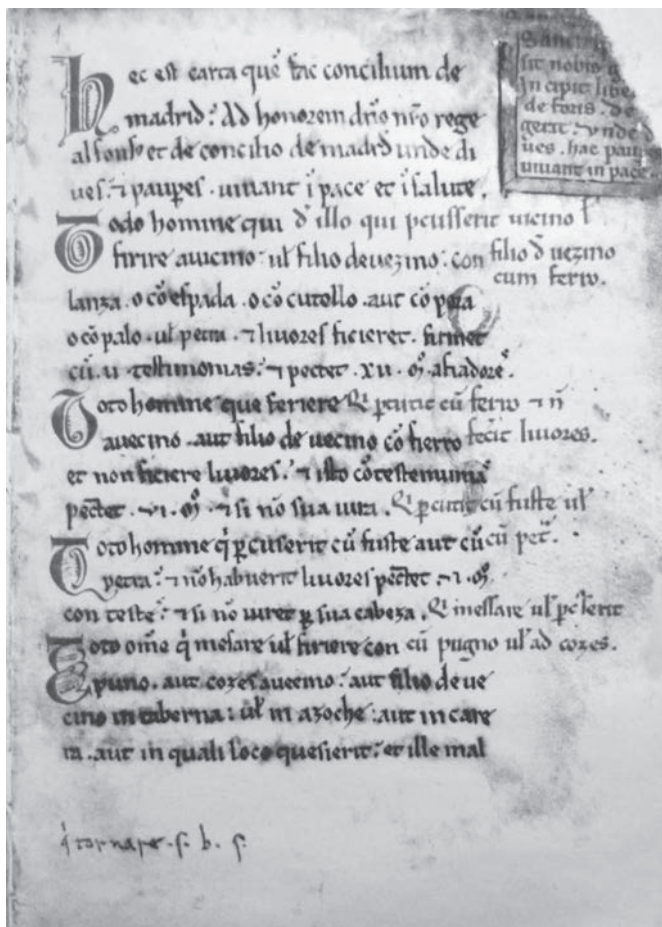
В Мадриде таким средоточием власти стал консехо.

Мы очень мало знаем о первом периоде существования консехо Мадрида — с момента отвоевания крепости в 1085 г. и до составления записи мадридского фуэро 1202 г., когда городской совет и городская община предстают перед нами уже сложившимися органами со своими порядками и традициями.²

В ту эпоху — в самом начале XIII в. — сам факт записи норм, которые следовало соблюдать жителям города, демонстрировал уровень развития городского самоуправления. Составление записи городского фуэро было важнейшим фактом жизни города. История самой древней из сохранившихся до наших дней рукописей этого документа показывает, что в это время мадридцы, причастные к городской власти, старались совершенствовать городское право, дополняя и уточняя его.

В начале мадридского фуэро мы читаем: «Это та запись, которую составил консехо Мадрида ради чести нашего господина короля Альфонсо и самого консехо Мадрида, чтобы богатые и бедные жили в мире и спокойствии». А на полях указана дата 1202 г., вернее записано: «...в год эры 1240». Летосчисление, принятое тогда в пиренейских королевствах, начиналось с 38 г. до н. э. Далее на двадцати трех листах записано 109 статей, которые писец не нумеровал, а выделял красными чернилами первые строчки, представлявшие собой титулы, объясняющие, о чем статья.

Однако здесь не все статьи первого фуэро — текст обрывается на 23-м листе незавершенным предложением. Следу-

Фуэро Мадрида. Фрагмент рукописи, XIII в.

ющие три листа содержат дополнения к фуэро, сделанные позже. На них записана грамота, пожалованная около 1214 г. Мадриду Альфонсо VIII, тем же королем, для прославления которого было составлено первое фуэро. А еще позже, но в том же XIII столетии несколько новых пунктов появилось и на оставшемся чистым 26-м листе.

Собственно, эти последние записи позволяют нам получить некоторое, к сожалению, очень фрагментарное, представление о работе консехо. Ключевой можно считать формулу: «Консехо, присяжные, алькальды и фьядоры (*fiadores*) пришли к такому решению...» Коллегиальность решения была необходимым условием его утверждения. Мы ничего не знаем о том, в какой форме происходило принятие решений, что собой представляло обсуждение, как участники могли выражать свое мнение.

Консехо, в котором мог участвовать любой полноправный горожанин, собирався по воскресеньям. Вполне вероятно, что такие собрания происходили не каждую неделю, а по мере возникновения дел, требующих публичного обсуждения.

Традиционным местом сбора консехо была площадь перед церковью Сан-Сальвадор. Должностные лица консехо собирались для обсуждения текущих дел во внутренних помещениях той же церкви. До XV столетия эти собрания проходили в разных частях церкви, а также на кладбище, располагавшемся во внутреннем дворе храма. И только позже была построена специальная комната, где поставили сундук с городскими грамотами — самый древний архив Мадрида (он одновременно служил и столом для писца), а также скамьи для участников собраний.

Решения, принимавшиеся в результате собраний консехо и должностных лиц, иногда фиксировались письменно. Речь идет именно об итоговых записях — форма протокола на заседаниях консехо появляется не ранее XV в. Некоторые из них были вписаны в качестве уже упоминавшихся выше дополнений на последние листы рукописи мадридского фуэро.

Нормы, зафиксированные в дополнениях, касаются разных сторон жизни — запрещается гонять по городу коров, продавать свиней на мясо зимой, уничтожать свежую рыбу, регламентируются свадебные расходы жителей города и округа, штраф за захват чужого имущества, порядок назначения фьядоров. Маловероятно, что в первые десятилетия XIII в. запись решений и тем более внесение их в текст фуэро носило регулярный характер. Именно об этом свидетельствует разнообра-

зие упомянутых дополнений: скорее всего, они вошли в текст фуэро не в результате сознательного отбора после сопоставления значимости разных норм, а под влиянием конкретных обстоятельств, возможно, каких-либо событий городской жизни.

Например, в одной из последних статей, записанной в 1219 г., мы читаем, что консехо Мадрида постановил отменить вредный обычай (используется слово *fuero*), по которому человек, присвоивший чужое имущество, платил штраф в 60 солидов, и указывается, в правление каких людей он был принят. Однако записи этого обычая мы в документе не встречаем. Таким образом, грамота, отменяющая прежнюю норму, попала в текст, а сама норма — нет.

Часть этих дополнений могли быть сразу записаны в известный нам манускрипт, а некоторые существовали в виде отдельной грамоты, текст которой был затем скопирован в фуэро. В одной из таких записей, относящейся к 1235 г., встречается первое упоминание о писце: «Гарси Хуан — тот, кто меня записал». Строго говоря, мы не знаем, был ли этот человек именно писцом, или же он исполнял какую-то другую должность в консехо и одновременно оформлял документы. Такое совмещение должностей в ту эпоху было вполне возможно. В XIII в. мы еще не встречаем упоминаний именно о городских писцах в Мадриде, но работа с документами все больше входит в практику городского управления. Видимо, появляется архив — хотя первое непосредственное упоминание о нем относится к XIV в., но у нас есть косвенное подтверждение, что на протяжении XII—XIII вв. важные для консехо документы собирали и хранили. В 1312 г. был составлен документ, адресованный Альфонсо XI. Это была подборка королевских привилегий, подтверждающих права консехо Мадрида на округ Реаль де Мансанарес, ее предвзяло введение с изложением прошения и его оснований. Самые ранние тексты в этой подборке — копии двух грамот XII в., остальные двенадцать относятся к XIII в. Так территориальный конфликт и более или менее регулярное общение представителей консехо с королевской канцелярией способствовали развитию и усложнению деятельности городских властей.

И все же, скорее всего, документы, связанные с деятельностью консехо, отражают лишь верхушку айсберга. И дело не только в плохой сохранности документов, из-за которой до нас многое не дошло, но также и в том, что в тот период письменное делопроизводство не было основным механизмом обеспечения стабильности в деятельности институтов власти. В гораздо большей степени решение разного уровня проблем городской жизни зависело от более или менее единодушного согласия горожан, которое и должны были обеспечивать соборания консехо и справедливые действия должностных лиц.

Опыт горожан в решении сложных ситуаций и конфликтов и одновременно меры, направленные на их предотвращение в будущем, сконцентрировались в нормах фуэро.

Нормы в тексте не классифицируются и не делятся на тематические группы, и в целом заметно, что границы полномочий консехо и должностных лиц определялись ситуативно, а не в соответствии с жесткой и заранее предписанной регламентацией. Однако можно выделить сферы, считавшиеся жизненно важными для горожан, на которые были в первую очередь направлены усилия консехо, и, как следствие, они регламентировались в первую очередь.

К таковым относилось обеспечение безопасности — как внутренней, так и внешней: «...чтобы богатые и бедные жили в мире и безопасности». Внутренняя безопасность в первую очередь связывалась с разрешением конфликтов, особенно связанных с физическим насилием — нанесением увечий, убийствами, но не только — имущественные споры также могли нанести ущерб внутреннему миру общины. И самым желательным способом разрешения конфликта было, безусловно, судебное разбирательство.

Суд в Мадриде

Большая часть информации о должностных лицах консехо, которой мы располагаем, связана с их судебными полномочиями. А самой влиятельной фигурой консехо выступает

судья или местный судья (*juez local*). Это была высшая судебная должность. В его обязанности входило вынесение приговора по результатам судебных заседаний. Сами заседания проходили по пятницам — в них участвовали несколько должностных лиц — алькальды, присяжные, фьядоры, о которых речь пойдет ниже. Вынесение же окончательного решения оставалось за судьей, и он должен был огласить его на общем воскресном собрании консехо. Судья мог объявить приговор на пятничном собрании лишь по некоторым категориям дел, вернее, связанным с лицами особого статуса — зависимыми от него, королевскими должностными лицами, маврами и иудеями. Все эти люди имели особый правовой статус — их мог судить либо сам король, либо его полномочный представитель, а в Мадриде, как и во многих других городах, таким представителем и был судья. Причем это был вопрос не только юридического характера, но и финансового: все штрафы и судебные поборы от таких разбирательств принадлежали королевской казне. Как ни удивительно, но мы очень мало знаем о возможностях короля контролировать деятельность городского судьи. Предположительно, король если не сам выбирал исполнителя этой должности, то утверждал одного из тех кандидатов, которых предлагал консехо. В мадридском фуэро никак не затрагивается вопрос о назначении судьи, а на основании данных фуэро других городов многие историки полагают, что этот вопрос очень быстро оказался в ведении городского совета.

Обычно судья, как уже упоминалось, разбирал представленные ему дела не единолично, а вместе с целой коллегией других должностных лиц. Первое место здесь занимали алькальды. Они обладали очень широким кругом полномочий, не только судебных, можно даже сказать, что это был ключевой пост городского управления. Если судья выступает только как должностное лицо, которое разбирает конфликт, выносит и оглашает решение, то алькальды не только принимают участие в вынесении судебного приговора, но и в его исполнении, а также отвечают за решение многих вопросов управления городской жизнью. Число алькальдов в мадрид-

ском фуэро не обозначено, но в других фуэро, происходящих в том числе и из королевства Толедо, встречается упоминание о четырех городских алькальдах, которые должны принимать участие в судебных заседаниях. Возможно, таков же должен быть состав судебной комиссии и в Мадриде. Итак, для того чтобы вынести легитимное решение, были необходимы пять человек — судья и четыре алькальда. Если согласия в этом совете не возникало, то в дело вмешивались королевские наблюдатели, которые именуются присяжными короля (*jurados del rey*). Они так же, как алькальды, обладали не только судебными полномочиями, но, поскольку не были собственно городскими должностными лицами, то появляются в городских установлениях, когда внутренний порядок дает или может дать сбой: например, когда нет согласия между алькальдами. Или на улице происходит склока или драка, а других должностных лиц поблизости нет, тогда присяжные короля могут вмешаться и препроводить ссорящихся к месту разбирательства. Кроме того, присяжные короля надзирали над безопасностью проезжающих через Мадрид. Именно они взимали штраф с тех, кто пытался взять что-либо в залог у людей, не обладающих статусом жителя города и не находящихся под защитой его фуэро.

Но вернемся к судебному заседанию. Видимо, собрания людей, облеченных властью судить, происходили не только по пятницам, более того, не все конфликты, разрешавшиеся при помощи суда, рассматривались комиссией, о которой шла речь. Алькальды могли разбирать дела единолично. Прежде шла речь о том, что в состав судебной комиссии входили четыре алькальда, но это были не все алькальды города. Каждый приход Мадрида, а всего их было десять, выбирал своих алькальдов, причем число их было различно и не зависело от размера прихода. Были свои алькальды и в аррабалях. Так, на момент дарования Мадриду грамоты Альфонсо VIII, т. е. не позднее 1214 г., таких должностных лиц в городе было 51 человек. По всей видимости, алькальды могли разбирать любые дела, в том числе и уголовные, и выносить по ним решения. Исключением были только дела, касавшие-

ся мавров и иудеев, а также людей, лично зависимых от судьи или короля. С другой стороны, не существовало никаких ограничений, которые препятствовали обычным горожанам обратиться именно к судье, а не к алькальдам — четкой иерархии здесь не было. Общие принципы организации суда в Мадриде формулировались следующим образом. Судья на пятничных собраниях выносит приговоры, о которых сообщает сторонам, алькальды следят за исполнением приговоров. Алькальды же разбирают тяжбы, связанные с конфликтами, которые произошли в их приходах и участники которых предпочли не обращаться в общегородской суд. Если возникают затруднения в разбирательстве, то тяжба может переноситься в другой приход, на суд другого алькальда.

Пятничные судебные собрания представляли собой публичные слушания дела, где присутствовали, помимо комиссии, другие городские должностные лица, тяжущиеся стороны со всеми свидетелями, представителями и пр. Поскольку никакого специального помещения для судебных собраний долгое время не было и суд вершился в одном из помещений церкви Сан-Сальвадор либо в ее внутреннем дворе, а иногда, видимо, при входе в храм, горожане — как заинтересованные в разбиравшихся делах, так и досужие зеваки, могли также приходить к месту судилища. Не в меру живой интерес собравшихся мог помешать работе судьи и его помощников, поэтому отгораживалось определенное пространство, куда доступ строго регламентировался в фуэро, а вторжение без позволения расценивалось как серьезное нарушение и каралось штрафом в одну восьмую мараведи. Если же дело доходило до драки — а фуэро такого не исключает, — то штраф платили те, кто помогал нападшему; те же, кто выступал на стороне жертвы нападения, от штрафа освобождались.

Наблюдение за порядком вменялось в обязанность поверенным (*fiador*) и самым низшим должностным лицам, фактически посыльным, которые именовались андадоры (*andador*, от гл. *andar* — ходить). Последние должны были охранять место суда снаружи, и, если сами вторгались туда без позволения, также платили штраф. Каралось и их отсут-

ствие по пятницам на суде, как неисполнение обязанностей. Их могли отправлять с разными поручениями как во время суда, например, в случае неявки одной из сторон или свидетелей, так и в другое время в связи с потребностями правосудия. В фуэро указано, что если кто-либо откажется передать посыльному, действующему по поручению поверенного и в присутствии свидетелей, какие-либо вещи, то с него следует штраф в четверть мараведи. Если же посыльный дерзал действовать по собственному почину, без поручения алькальдов, он сам должен был уплатить штраф.

Внутри порядком заведовали поверенные: они вызывали по очереди тяжущихся, свидетелей, давали андадорам разрешение впускать и выпускать участников разбирательств, следили за тем, чтобы те, чьи дела были закончены, сразу же покидали суд. Любое неповиновение распоряжениям поверенных каралось штрафом. Вообще же должность поверенных довольно необычна. Их, как и алькальдов, приходилось по несколько на приход, и первоначально их выбирали, но позже новых стали назначать сами исполнители этой должности. Название должности передает специфику ее сущности — поверенным доверяли исполнение каких-либо дел, связанных с судебной или административной деятельностью. В сфере исполнения судебных решений полномочия поверенных мало отличались от полномочий алькальдов: они также могли задерживать нарушителей порядка, взимать штрафы, приходить в дома, чтобы получить то или иное имущество в залог по предписанию суда и т. п. Но они не могли, в отличие от алькальдов, принимать судебные решения.

Интересно, что существовала и еще одна должность, исполнитель которой выполнял поручения судьи, оповещая ответчиков о необходимости явиться в суд, приводил в исполнение приговоры, связанные с взиманием штрафов, конфискацией имущества и т. п. Речь идет об алыгвасиле. Очевидно, что полномочия алькальдов, поверенных и алыгвасила пересекались, особенно двух последних должностей. И все же отличия, скорее всего, существовали, просто из-за того, что должностные инструкции не были прописаны, они нам

не очевидны и в нормах фуэро не улавливаются. Стоит обратить внимание на одно обстоятельство — альгвасил в городе, видимо, был один. Он всегда фигурирует в единственном числе, тогда как алькальды и поверенные чаще во множественном. Так что возможно, что альгвасил был собственно судебным исполнителем, в ведении которого находился контроль над исполнением решений судьи, принятых на пятничном судебном собрании.

Фуэро Мадрида, самая ранняя его рукопись, о которой чаще всего идет речь, представляет собой уникальный в одном отношении памятник. В нем отразились два состояния судебной системы, о которых написано немало ученых трудов и которые по-прежнему занимают умы специалистов. Это два типа организации судебного процесса, главным образом уголовного, — состязательный и розыскной, которые считаются двумя стадиями, сменившими одна другую. Розыскная, иногда она именуется инквизиционной (от *inquisitio* — разыскание, исследование), процедура, как более совершенная, включила в себя некоторые элементы более ранней. Особый интерес всегда вызывал процесс перехода от одной к другой. И здесь фуэро Мадрида как раз и открывает совершенно особые возможности. Оно включает две части: в первой из них судебная процедура выступает как состязательная, во второй появляются черты инквизиционной процедуры.

Каковы особенности каждой из них, отразившиеся в фуэро Мадрида?

В первой части важным принципом судебного процесса является наличие иска — без подачи иска со стороны пострадавшего процесса быть не может. Подача иска означала, что истец готов явиться на заседание, изложить суть дела, принести клятву в истинности своих слов, а также привести минимум двух людей, которые подтвердят его слова и тоже принесут клятву. Принесение клятвы являлось важным звеном в отстаивании своей правоты. Наказанием за лжесвидетельство и клятвопреступление было публичное бритье наголо и запрещение когда-либо впредь выступать свидетелем. Интересно, что если в лжесвидетельстве обвиняли женщину,

то ее должны были не побрить, а прогнать плетью по всему городу. Это единственный пример в фуэро различности наказания в зависимости от пола провинившегося.

Извещение о необходимости явиться в суд ответчику мог передать андадор или альгвасил. На заседании судья и алькальды заслушивали изложение дела и должны были на основании услышанного вынести приговор. Надо заметить, что, по данным других документов, известно, что вынесение приговора могли отложить, если данных, по мнению судящих, было недостаточно. Истец и ответчик могли дополнить показания — свои и свидетельские — на следующем заседании. В фуэро Мадрида такая возможность не предусматривалась. Если для признания вины ответчика не было достаточных оснований, тот должен был произнести очистительную клятву с двумя соприсяжниками — и мог быть свободным. В случае признания его вины он платил соответствующий штраф. Телесные наказания за преступления в первой части мадридского фуэро существуют только как альтернатива: если ответчику нечем было платить штраф, его могли казнить (повесить), отрубить часть тела — руку, ногу или ухо.

Таким образом, мы видим, что вся подготовка процесса, связанная со сбором свидетельств и доказательств, ложилась на плечи сторон, в первую очередь истца. Особую роль играют свидетельские показания и клятвы. В качестве свидетелей могли выступать и поверенные, которые могли приносить клятвы, поскольку они были связаны присягой и обязаны говорить правду. Это играло важную роль в тех процессах, где поверенные, выполняя свои служебные обязанности, выступали в качестве истцов. Речь обычно шла о таких нарушениях, при которых страдали не конкретные частные лица, а городской порядок, находившийся под охраной поверенных. Подробнее об этом речь пойдет далее. Здесь же в качестве примера приведем случай, когда некто ходит по городу с обнаженным оружием. Фуэро это запрещает, однако если никто не пострадал, истца нет, то поверенный заявляет иск. Чтобы выиграть суд, ему необходимы свидетельства либо двух поверенных, либо одного поверенного и одного горожа-

нина, который принесет клятву на кресте. Если свидетелей нет и доказать вину нельзя, то подозреваемый должен принести очистительную клятву вместе с одним соприсяжником и считается свободным от обвинения.

Что касается появления в Мадриде инквизиционной процедуры, то это произошло по воле короля. Вторая часть фуэро представляет собой, как уже упоминалось, королевскую привилегию. В ней судебная процедура, в первую очередь по уголовным делам, может начинаться и без иска пострадавшего. Основное действующее лицо — следователь (*pesquisidor*). Он собирает доказательства, может представлять их в суде. Результаты его следствия становятся основанием для вынесения приговора. Приговоры по делам, с которыми работали следователи, должны были выноситься на основании королевской привилегии: здесь был перечислен ряд преступлений с наказаниями за них. Многое совпадает с положениями первой части. Если следователям не удавалось собрать достаточное количество материала для вынесения приговора, то дело разрешалось рассматривать в соответствии с порядком старого фуэро — на основании показаний и клятв сторон и их свидетелей.

Суть изменения состояла в том, что отныне судебный процесс на всех стадиях зависел от должностных лиц — следователей. Их было четверо, и назначались они королем. Они должны были действовать совместно со всеми судебными властями — судей, алькальдами, поверенными.

Новая процедура должна была формализовать и упорядочить тот этап развития дела, который прежде не входил в компетенцию должностных лиц. Кроме того, поскольку следователи должны были действовать в соответствии с распоряжениями короля, который пытался подобные нормы вводить и в других местах, введение инквизиционного процесса было одной из первых попыток поставить под свой контроль консехо. Ведь суд, как мы видели, был важнейшей функцией городского совета, и унификация и контроль короны над ней могли привести в итоге к превращению консехо в орган королевской власти на местном уровне. Это была первая попыт-

ка короля, она выглядит как компромисс — старый порядок не отменяется, он может существовать параллельно. Однако в дальнейшем такой образ действия превратится в тенденцию, проявившуюся на всей территории королевства. В Мадриде она приведет к введению в 1346 г. должности рехидоров, которые смогут контролировать в качестве королевских представителей все направления деятельности консехо.

Городская администрация

В пятничном собрании участвовали все должностные лица, причастные к управлению городом: суд был важнейшим из их полномочий, но не единственным. Те же люди, которые судили, исполняли приговоры, обязаны были наблюдать за порядком в городе, и они же принимали решения на заседаниях городского совета. Идея разделения властей была чужда средневековым горожанам.

Большинство городских должностей были уже названы, когда речь шла о суде. Две из них играли ключевую роль в управлении повседневной жизнью города — алькальды и поверенные. Именно к ним поступали жалобы на разнообразные нарушения порядка: уличные драки, оскорбления, порчу скота или повреждение имущества.

Поверенные и алькальды производили короткое разбирательство на месте и взымали штраф с виновного, если только стороны не выказывали намерения вести тяжбу в суде. В принципе, в фуэро предусматривалась возможность разрешения конфликтов и без привлечения городских должностных лиц. Например, если кто-то ранил слугу, живущего в доме горожанина, то он платил штраф хозяину пострадавшего, если же об этом происшествии поступала жалоба поверенному, то штраф делился пополам между ним и хозяином. Собственно, можно предположить, что и в других случаях, если потерпевшая сторона была в состоянии собственными усилиями возместить убытки, дело миновало алькальдов и поверенных.

Но если уж штраф был назначен официально, то неременной обязанностью этих людей было получить его. Если поверенный или алькальд не взымали штраф по какой-либо причине, то это считалось должностным нарушением: ведь консехо терял доход. Провинившийся должен был сам заплатить штраф и терять не только эту должность, но и право исполнять какую-либо другую.

За что же штрафовали алькальды и поверенные и какие нарушения они должны были пресекать?

В городе запрещалось ходить с оружием без ножен, особенно строго это запрещение действовало на рынках, в морерии и арабалях, на собраниях косехо. За это полагался штраф, который платили поверенным. Правда, чтобы приговорить человека к такому штрафу, требовалось свидетельство двух поверенных или одного поверенного и простого горожанина, что человек обнажил клинок в городе без какой-либо угрозы его жизни со стороны других.

Кроме того, существовали разнообразные ограничения, связанные с хозяйственной деятельностью, целью которых была охрана здоровья и имущества горожан и поддержание минимальной санитарии в городе. Запрещалось гнать по городу корову или быка без веревок на рогах и на ноге, а прохожим нельзя было кидать камни и палки в животных. Чтобы не загрязнять воду в ручье Сан-Педро, нельзя было промывать внутренности животных выше моста Сан-Педро, запрещалось выбрасывать на улицы города навоз. Соблюдение этих норм контролировали алькальды и поверенные.

Также поверенные получали штрафы за все действия, нарушавшие хозяйственный цикл в городе, и за нарушения правил торговли, обсчет и обвес.

Обычно поверенные выбирали среди себя старшего — майордома, который и осуществлял надзор за торговлей, в первую очередь продуктами питания — мясом и мукой. Он ежемесячно посещал лавки мясников и проверял цены на мясо — они должны были различаться в зависимости от вида и качества мяса. Те, кто самовольно менял цены, не только платили штраф, но и на месяц лишались права торговли. Му-

ку можно было взвешивать только на общественных весах с использованием мер и весов, которые контролировались теми же должностными лицами. Очевидно, что контроль над торговлей именно продуктами питания был важен не только экономически, но и для поддержания мира в городе.

Власти поверенного подчинялись только жители Мадрида, и, прежде чем взимать штраф, он должен был убедиться, что провинившийся имеет статус *vecino*.

Все должности в консехо Мадрида были доступны только жителям города, т. е. людям, имеющим здесь недвижимость. Именно они участвовали в собраниях городского совета и выбирали этих должностных лиц. В фуэро нигде не указан срок, на который избирали алькальдов, поверенных и других, но наиболее вероятно, что выборы происходили каждый год. Мы не знаем, как проходили выборы, можно ли было переизбираться на одну должность несколько раз подряд, но, как и в других городах, в Мадриде происходило формирование городской элиты, и круг людей, которые могли избираться на должности, постепенно замыкался. Видимо, к XIV столетию на должности городского совета выбирали в основном представителей нескольких наиболее влиятельных родов, а в более поздний период, к концу XIV—XV вв., эти семейства принадлежали к благородному сословию. Однако проследить за этими изменениями практически невозможно. Хотя в фуэро Мадрида упоминаются личные имена поверенных и алькальдов, но в других документах мы их не встречаем, и никакой дополнительной информации о них нет. Из тех имен, которые нам известны, можно привести пример, когда представители одной семьи занимали городские должности. Среди алькальдов прихода Санта-Марии, состоявших на этой должности в момент утверждения грамоты Альфонсо IX, был дон Бастардо, а в 1235 г. среди алькальдов упоминается его сын — Педро Мартин. Также упоминаются в обеих частях алькальды из рода Ореха.

После того как выборы завершались, вновь избранные должны были произнести клятву, текст который неизвестен, но именно в силу нее свидетельства этих должностных лиц

обладали особым весом, и горожане обязаны были им верить и подчиняться как людям, действующим под присягой. Нарушения должностных обязанностей и неисполнение норм фуэро считались нарушением клятвы. Таким образом, составными частями клятвы было обещание свидетельствовать правдиво и быть верными фуэро. Все должностные лица, приносившие клятву, при вступлении в должность обозначались словом присяжные — *jurado*.

Исполнение должности требовало немало сил и средств, иногда было сопряжено с опасностью — не все безропотно подчинялись распоряжениям хурадо, приходилось иметь дело с вооруженными людьми воинственного склада или с настоящими преступниками. Конечно, положение присяжных защищалось фуэро — за неповиновение им, за сопротивление полагался штраф. Возместить свои расходы во время несения службы присяжные могли из штрафов — часть их специально выделялась на плату должностным лицам города. В фуэро также оговаривается, что алькальды и поверенные могли использовать полученные от взимания штрафов средства на покупку одежды. Причем отказ это делать считался достойным осуждения. Возможно, таким образом консехо выражал желание видеть своих должностных лиц достойно одетыми: внешний вид должен был демонстрировать значение этих людей. Очевидно, что при желании и расторопности исполнение городских должностей открывало широкие перспективы для получения дохода. Против тех, кто намеревался пользоваться этими возможностями чрезмерно, был направлен ряд статей.

Во-первых, избрание на должность должно было быть честным. Получение должности алькальда за деньги каралось разрушением дома, штрафом в 20 мараведи и лишением права занимать какую-нибудь должность в городском управлении. Взимание штрафов и конфискация имущества без решения судьи или алькальда карались штрафом и отстранением от должности. Промедление в решении дел или отказ выполнять свои обязанности также штрафовались. Наконец, как уже упоминалось, нерадивость в сборе штрафов также приводила к лишению должности. Неизвестно, носили ли эти

нормы фуэро превентивный характер, отражали ожидания и предположения составителей, может быть, опыт других консехо, или же это был результат местной практики. В любом случае, городские должности в Мадриде к концу XII—началу XIII вв. становились притягательными благодаря престижности и возможностям получения дохода — мадридская городская община существовала как деятельный, жизнеспособный социум.

Городское хозяйство и финансы

Община Мадрида могла распоряжаться не только внутригородским пространством, но и угодьями за городской стеной. Важность этих земель для жизни горожан объясняет упорство и настойчивость, с которой консехо боролся с посягательствами соседей даже на самые удаленные от города территории. Мы видели это в истории соперничества Мадрида и Сеговии за господство над округом Реал де Мансанарес.

Консехо устанавливал режим хозяйственной эксплуатации угодий, принадлежавших общине. В первую очередь речь шла о пастбищах, водопоях для скота и местах для рыбной ловли, либо находившихся внутри городских стен, либо непосредственно примыкавших к ним. Соблюдение этого режима было жизненно важно для мадридцев на протяжении всего Средневековья, поскольку большая часть горожан была занята именно сельскохозяйственным трудом — возделыванием зерновых культур и винограда, скотоводством, а также охотой и рыболовством. Большая часть общинных угодий располагалась в районе нижнего течения реки Харамы по Мансанаресу — от его истоков до Пардо и ручья Сарсуэла. Здесь земли консехо перемежались с королевскими и монастырскими владениями, участками, принадлежавшими местным жителям.

В одной из статей фуэро подробно перечислены все места, где скот мадридцев мог пастись и приходить на водопой: это луга по правобережью Харамы и по обеим сторонам Мансанареса. Здесь нельзя было вести никакие земледельче-

ские работы и даже запрещалось просто останавливаться для отдыха или на ночлег. Пожалуй, самым близким к городу общественным пастбищем был луг Аточа, тянувшийся слева от дороги, идущей в Алкалу. Еще одним объектом общегородского владения в этот период были мельницы. Несколько из них находились к югу от города, у дороги в Толедо.

В XV в. это уже были частные мельницы, но в XII—XIII вв. доход с них шел городу.

Земли, пригодные для возделывания, консехо могло сдавать в аренду, о чем свидетельствуют как нормы фуэро, так и многие грамоты. Это также была статья дохода консехо. Сбор арендной платы и других платежей, как и судебных штрафов, производили поверенные и алькальды. Если суммировать, то основными статьями дохода консехо были судебные штрафы, арендная плата за земли в городской округе и за мельницы. Нет никакой информации о том, где хранились эти средства и как осуществлялся контроль над их поступлением и расходованием. Но основные статьи расхода в фуэро упоминаются: это, в первую очередь, постройка стены, затем плата должностным лицам и строительные работы в самом городе.

Следов последних до наших дней не сохранилось, но известно, что часть собранных средств консехо намеревался потратить на устройство улиц. Опять же не совсем понятно, что имеется в виду: речь не идет о мостовых, хотя не исключено, что делалось какое-то покрытие или просто выравнивание поверхности на проезжей части основных артерий города. К таковым можно отнести улицу, шедшую от ворот Санта-Марии до Пуэрта-де-Гвадалахара (совр. Калье-Майор), улицу Дель-Арко-де-Санта-Мария — соединяла одноименные ворота с Пуэрта-Серрада (совр. ул. Сакраменто), наконец, улицу, шедшую от Пуэрта-де-Сагра к площади Сан-Сальвадор (не сохранилась). Еще одна важная улица проходила вдоль ручья Сан-Педро, по дну оврага. Все они время от времени именовались королевскими (*viae regis*). Скорее всего, в это вкладывался двойной смысл — во-первых, так подчеркивалась их важность, а во-вторых, они считались принадлежащими королю, а в реальности ими мог распоряжаться консехо. На них

было запрещено самовольное строительство, нельзя было изменить их ширину и длину — это было общее пространство, в начале XV в. их стали именовать «общественные улицы» — *calles públicas*.

Иногда консехо выделял средства на ремонт обветшавших зданий, в основном церковных. Об этой практике мы узнаем из документов XV в., но возможно, что появилась она раньше. Вполне вероятно также, что собственно строительство городских церквей в XII—XIII вв. велось с привлечением денег города. Иногда король мог приказать консехо выделить определенную сумму в качестве пожертвования церкви. Альфонсо XI сделал дар монастырю Сан-Доминго в размере 500 мараведи — 300 из них должен был предоставить консехо из своих рент.

Другой важной хозяйственной заботой городского совета был контроль над торговлей. Он включал в себя наблюдение за качеством и ценой товаров, ввозом и вывозом товаров, контроль над мерами веса и объема.

Консехо устанавливал цены на такие товары, как рыба, мясо домашних животных, кролики, хлеб. Причем в статьях фуэро подробно фиксируются виды этих продуктов и разница в цене: мясо молодых коз и овец дороже, чем старых, запрещено продавать неосвежеванные тушки кроликов, также устанавливались цены на разные виды рыбы. Нарушение этих норм каралось штрафом, который собирали поверенные. Также контролировалось качество вина — запрещалось его разбавлять, но при этом цены виноделам и хозяевам питейных заведений можно было назначать по собственной воле.

Меры веса и объема также должны были быть едиными во всем городе. Обладатель этих мер должен был по первому требованию предъявлять их для проверки, а потребовать ее могли как должностные лица, так и любой человек, кому они покажутся подозрительными. Основной мерой объема и веса в Мадриде была т. н. арроба, а также половина, треть и четверть ее. По объему арроба составляла примерно 16 л, если мерили вино, и 12.5 л — если масло. Вес одной арробы должен был составлять примерно 11.5 кг.

Все продукты питания запрещалось перепродавать. Исключение составляло вино, которое можно было купить для перепродажи, но с определенными ограничениями по цене и объему. И особенно заботились, чтобы продукты не вывозили на продажу из города. Такой запрет действовал в отношении зерна, фруктов, кур, яиц, кроликов. Судя по всему, снабжение горожан продуктами по доступным ценам было первейшей заботой городских властей. Как уже упоминалось выше, штафы собирали поверенные, они же могли осуществлять контроль, однако в городе было специальное должностное лицо — альмотасен, в обязанности которого входил контроль над торговлей.

Мадридцы и война

Мы довольно много знаем об усилиях городской общины, направленных на поддержание порядка внутри города, а вот заботы о защите Мадрида от внешних врагов оставили меньше письменных свидетельств. Однако это отнюдь не означает, что мадридцы могли позволить себе беспечность. Об этом красноречиво свидетельствует факт строительства второй линии стен, начатого в XII в.

Дело в том, что забота об обороноспособности города не входила в компетенцию консехо. За нее отвечал представитель короля, управлявший королевскими владениями в городе и округе и отвечавший за городское ополчение. В мадридском фуэро он упоминается только один раз как сеньор города. Такой правитель был во многих консехо, иногда его именовали *princeps*, *dominus terrae*, *tenente terra*, *alkaid*. Власть его могла быть более или менее обширной в зависимости от многих местных особенностей. В Мадриде полномочия этого наместника ограничивались собственно военными вопросами, а также управлением королевскими владениями. Алькасар был резиденцией сеньора Мадрида, однако он не был его постоянным обитателем — этот город и его округа не всегда были единственными подвластными ему областями. Нам известны имена некоторых сеньоров Мадрида

благодаря их свидетельским подписям в документах — Мелендо Болфин (1123 г.), Алманрик (1145 г.) — алкаид Толедо и Мадрида, Диего Лопес (1200 г.), Альфонсо Тельес (1206 г.), Родриго Родригес (1219 г.).

Сеньор города должен был собирать городское ополчение, когда король объявлял о начале военного похода, и приводить его к месту сбора войск. Мадрид и сам иногда оказывался таким местом сбора, хотя и не основным, — когда Альфонсо VIII готовился к сражению с альмохадским эмиром Аль-Насиром — знаменитой Лас-Навас-де-Толоса. Для части населения Мадрида участие в таких походах, трофеи, добытые на войне, были важнейшим источником дохода. Это прежде всего кабальеро — конные воины, хотя в ополчение входила и пехота — пеоны. Статус кабальеро до конца XII в. мог получить любой человек, который имел боевого коня и вооружение для конного боя — доспехи (кольчугу), меч, копье. Но, конечно, это предполагало определенные материальные возможности владельца. Поэтому, безусловно, люди, составлявшие ядро мадридского ополчения, одновременно занимали особое положение в городе как состоятельные жители. Как и в других городах, кабальеро со временем постарались зафиксировать этот особый статус. В фуэро Мадрида записано, что если в результате ссоры между двумя кабальеро один получил ранение, то он может получать в возмещение по фуэро кабальеро, без уплаты штрафа, который следовал по городским нормам. Кабальеро получали также различные привилегии от королевской власти, в основном связанные с освобождением от тех или иных платежей: в 1282 г. инфант Санчо освободил мадридских кабальеро от уплаты так называемой «монета форера» — налога, взимаемого дважды в семь лет. Для оперативности сбора ополчения жители Мадрида обязаны были две трети года проживать в пределах городских стен, а не в своих загородных владениях — от этого зависел их статус *vecino*.

Участие мадридского ополчения в королевских военных экспедициях, хотя и было постоянным, однако особыми подвигами не прославилось. Тем не менее во многих королев-

ских грамотах, адресованных городу, упоминается верная служба горожан Мадрида, в благодарность за которую король дарует городу те или иные привилегии.

Другая важная составляющая обороноспособности города — состояние городских стен. Хотя со времен христианской реконкисты Мадрид подвергался военной осаде только один раз — в 1109 г., поддержание укреплений в хорошем состоянии было основной заботой властей и одновременно значительной статьёй расхода. В начале XIII в. некоторые участки новой стены были еще не закончены, поэтому в грамоте Альфонсо VIII приказано большую часть штрафов тратить на завершение этих работ.

Горожане

XII в. был веком очень динамичных изменений в истории средневекового Мадрида: происходили не столько изменения архитектурного и пространственного облика, сколько перемены в жизни горожан. Менялись прежде всего сами горожане. О процессе этих изменений мы почти ничего не знаем: есть лишь свидетельства о его результатах. Когда записывали фуэро, фиксируя в нем статус горожан, картина социальной жизни города уже обрела некоторую определенность.

Численность населения Мадрида, скорее всего, радикально не изменилась, о чем говорит сохранение города в постоянных границах. Но состав жителей стал иным. В первую очередь изменилось соотношение конфессиональных групп. Численность мусульманского населения уменьшилась, а христианского — увеличилась. Кроме того, выросло число иудеев, возможно, иудейская община в Мадриде возникла только после прихода христиан. В XII в. в мусульманских землях начались гонения на иноверцев, что вызвало эмиграцию иудеев и мосарабов на север Пиренейского полуострова, и некоторые из них осели в Мадриде.

Христианская часть жителей Мадрида теперь состояла из нескольких групп — местных мосарабов, выходцев из леонско-кастильских земель и «франков» — переселенцев из заpire-

нейских стран. Какое-то время каждая из этих групп проживала в городе компактно, о чем у нас уже шла речь в истории мадридских приходов. Интересно, что судить о присутствии этих групп мы можем в основном на основании просопографии и лингвистических данных. Ни одна из них не получила особого статуса, закрепленного официально. Эта ситуация отличалась от того, что происходило в самом крупном городе этой части королевства — в Толедо. Там мосарабы, франки и кастильцы обладали отдельными фуэро. Скорее всего, сравнительная немногочисленность городского населения способствовала его единению — ни одна из групп христиан не обладала достаточными ресурсами, чтобы добиваться особого статуса или чтобы такой статус мог быть выгодным.

Представители благородного сословия — кабальеро и идальго, проживавшие в Мадриде, также не отличались активностью в получении привилегий и их фиксации. В фуэро Мадрида только однажды говорится об особом положении кабальеро и идальго. Речь идет о разрешении конфликта, приведшего к вооруженному столкновению — представителям благородного сословия разрешалось в этом случае пользоваться своим особым фуэро, а не городским. Судя по всему, здесь речь идет не об особом документе, полученном именно мадридскими кабальеро, а о тех привилегиях, которые получал любой обладатель этого статуса в королевстве. Только однажды местные кабальеро получили привилегию, связанную с податными послаблениями, — инфант Санчо в 1282 г. освободил их самих и их наследников от уплаты одной из королевских податей — монета форера. Таким образом, в XII—XIII вв. в Мадриде важную роль играла именно принадлежность к городской общине, а не обладание каким-либо другим статусом.

Члены общины обозначались словом «весино» (*vecino*) — житель или сосед. Именно «весино» являлся центральной фигурой фуэро, ради блага и мирной жизни которого был составлен этот документ. Все остальные категории местных жителей находились по положению ниже «весино». Их существовало несколько — житель округа, обладающий иму-

ществом, неимущий житель округа (оба обозначали словом *aldeano* с уточнением относительно имущества), житель города, не владеющий недвижимостью (*morador*), пришлый чужак (*forastero*, *albarran*). Была еще группа людей зависимого статуса, именовавшихся слугами и оруженосцами: они жили в доме «весино» за его счет, и он нес ответственность за их безопасность и за их действия. Эта группа не относилась к категории *moradores*, поскольку последние были людьми лично свободными и, как правило, снимали в городе дом или комнату. И, конечно, в Мадриде были рабы.

Чтобы стать полноправным жителем Мадрида — «весино» и членом консехо, нужно было владеть недвижимостью в черте города — участком и домом. Причем только участком ограничиться было невозможно, поскольку «весино» обязательно должны были проводить две трети года в городе. Прежде всего, это было необходимо для поддержания обороноспособности города и позволяло быстро собирать ополчение в случае надобности. Впрочем, в XIII в. военная опасность собственно для города значительно ослабела. А вот экономическая и финансовая причина для удержания жителей города в его стенах оставалась. Те, кто хотел воспользоваться привилегиями «весино» и не платить при этом городские подати, ссылаясь на статус жителя округа, принуждались нести двойную податную нагрузку — и как *vecino*, и как *aldeano*. Итак, полноправный житель города владел недвижимостью в городе, жил в нем большую часть года и платил городские подати. Но это было еще не все — «весино» были участниками собраний консехо, могли исполнять городские должности и быть полноценными свидетелями на судебном процессе — их клятва ценилась выше, чем клятвы остальных обитателей города. Наконец, только «весино» освобождались от уплаты въездной пошлины — портазго. Доступ к управлению городом, хотя бы и гипотетический, и налоговые привилегии были важными составляющими статуса «весино». Те, кто ими не обладал, но при этом владел участком или домом в Мадриде, именовались эредеро (*heredero*) — буквально наследниками или владетелями.

Об уровне защищенности жителей разного статуса говорят штрафы и наказания за нанесение им телесных повреждений и убийство. Максимальный штраф — в 100 мараведи — налагался за убийство «весино» или его сына. За убийство эредеро или жителя округа, обладавшего имуществом, платили 20 мараведи, а за лишение жизни горожанина-арендатора или неимущего жителя округа — 10 мараведи. Также штрафами защищались и дома горожан от насильственного проникновения.

И статус *heredero*, и статус *vecino* наследовались вместе с имуществом — т. е. до вступления в права владения городскими домами и участками, житель города не считался ни *heredero*, ни *vecino*. Существовало специальное обозначение — сын *heredero* и сын *vecino*: сыновья могли жить как в отчем доме, так и в собственном или съемном, но при этом их положение отличалось и от положения простого арендатора, и от положения «весино», и от положения зависимого, проживающего в доме господина. И наказание за телесный ущерб, нанесенный им, был такой же, как и за полноправного горожанина. Не совсем ясно, чем отличался статус последнего от статуса сына горожанина, который жил самостоятельно. У них могли быть разные возможности участвовать в управлении городом, в деятельности консехо и, что наиболее вероятно, разная податная нагрузка. А еще такая дробность статусов может свидетельствовать о стремлении ограничить число горожан, обладающих самым высоким статусом — «весино». Только проживание в городе или только владение собственностью в его пределах не обеспечивали такой статус. В тех случаях, когда от положения горожанина зависела мера его ответственности, принадлежность к *vecino* необходимо было доказывать. Доказательством служило свидетельство двух *vecino*, проживающих в том же приходе, что и провинившийся. Только после получения этих свидетельств к нему могли применяться меры фуэро.

При Альфонсо VIII часть различий между горожанами и негорожанами исчезла — за ряд преступлений (изнасилование, убийство, кражу) назначались одинаковые наказания

вне зависимости от статуса преступника. Вообще, вмешательство королевской власти приводило к значительным переменах внутри городской иерархии социальных ценностей. Принадлежность к группе, имеющей привилегии от короля, становится постепенно важнее положения внутри городской общины.

Совершенно лишались защиты фуэро две категории: инвалиды (глухие, немые, умалишенные) и приезжие. Последние могли рассчитывать хотя бы на защиту своего имущества со стороны алыгвасила. Видимо, и в случае иного ущерба они могли обращаться с жалобами к представителю королевской власти. Была ли такая возможность у людей с ограниченными возможностями — неясно.

Картина городской жизни, безусловно, останется неполной, если мы не коснемся занятий горожан. Развитие города, уровень его благополучия, специфические черты повседневности отражаются в том наборе профессий, представители которых жили в городе.

Основой экономической жизни средневекового Мадрида было сельское хозяйство, и большинство его жителей так или иначе были заняты именно сельскохозяйственным трудом — либо земледелием, включая виноградарство и садоводство, либо скотоводством. Земли, занятые под это, находились не только за пределами города, но и внутри городских стен. Значительное число земледельцев, занятых выращиванием зерновых, проживало в районе Сагры и Веги — северной и западной частей города, особенно по обеим сторонам оврага Онтанильяс. Здесь земледельцы составляли большинство жителей. На примыкающих участках, тянувшихся к приходу Сан-Мигель-де-ла-Сагра, жили садоводы и огородники.

С XIII в. можно даже говорить об экспансии сельского хозяйства в Мадриде: многие земли, прежде никогда не обрабатывавшиеся, теперь активно осваивались, прежде всего для устройства на них огородов, садов, небольших виноградников. Они разбивались на склонах оврагов, игравших роль естественных рвов для Мадрида. Ручьи, прежде также служившие для затруднения доступа к городским укреплениям,

теперь превратились в источники воды для полива. Огороды и сады тянулись вдоль стен внутри Альмудены и алькасара и даже кое-где поднимались на стены. В пределах самого города для водоснабжения и ирригации, как и при мусульманах, активно использовался ручей Сан-Педро (иначе Посачо — *Pozacho*).

Владельцы этих участков чаще всего сами их и обрабатывали вместе с наемными работниками. Сдача в аренду здесь не была распространена.

Значительно меньше мадридцы занимались скотоводством. Редкость упоминания владельцев стад в документах XII—XIV вв. особенно красноречива в сравнении со свидетельствами, происходящими из сопредельных областей, особенно из Сеговии. Однако если крупных скотовладельцев в Мадриде не было, то животноводством и птицеводством для собственного потребления или мелкой торговли горожане все же занимались. В городе и за его пределами были пастбища и водопои для общего пользования, где пасли коров, коз, овец. Были и птичьи дворы, на которых разводили в основном кур.

Очень многие мадридцы по роду своих занятий были ближе к жителям деревни, чем горожанам. И среди ремесел самыми распространенными были связанные с сельским хозяйством, в первую очередь с производством и продажей продуктов питания — мясники, мельники, булочники, виноделы, рыбаки. Именно они находились под особым наблюдением городских властей, поскольку производили и продавали важные для жизнеобеспечения продукты. Нехватка продуктов питания, голод — постоянная угроза для жителей средневековых городов, поскольку тогда объемы производства ни одного продукта не достигали того уровня, который мы сегодня называем производством в промышленных масштабах.

В конце XIII в. встречаются первые упоминания об оливковых рощах среди владений монастыря Сан-Доминго, но, видимо, они существовали и прежде, поскольку уже в начале этого столетия мы узнаем о маслодавильнях, располагавшихся у ворот Валанду, и об их хозяевах — олеро.

Соль в Мадрид привозили из солеварен Эспаратинас, располагавшихся примерно в 35 км к югу от города (совр. Сьем-посуэло), но принадлежали ли они жителям города или жителям округа — неясно.

Большая часть строений тогдашнего Мадрида была возведена из различного вида кирпича — обожженного и необожженного, из сырца, и крыта черепицей, камень был дорог и использовался до XV в. только для сооружения стен и оснований храмов. Поэтому важнейшим для города ремеслом, как и при мусульманах, оставалась обработка глины, которая вместе с деревом была основным строительным материалом. Кроме того, в Мадриде продолжали изготавливать разнообразную глиняную посуду, однако она уже не славилась так в мусульманскую эпоху. Гончары, кирпичники, черепичники проживали в арабалях Сан-Доминго и Сан-Мартин.

Ткачество и кожевенное дело, как многие другие ремесла, появились в Мадриде еще до прихода христиан, которые унаследовали местные традиции. Ткачи и шерстянщики упоминаются в фуэро, которое устанавливает цены на их продукцию. А кроме того, здесь регламентируются отношения ремесленников и заказчиков: ткачи и ремесленники должны были отдавать отходы хозяину материала — шерсти или льна, вместе с готовой тканью. Но Мадрид не был крупным центром производства тканей — все или почти все, что производилось, оставалось здесь же. Портные и старьевщики, продававшие как поношенную, так и новую одежду и ткани, играли более заметную роль в экономической жизни города. Портные жили во всех приходах, а лавки старьевщиков располагались на всех рынках и образовывали целый квартал в арабале Сан-Доминго.

Кожевники владели мастерскими и лавками, разбросанными по всему городу, но всегда поблизости от источника воды, необходимой для промывки кожи при ее обработке. В XII—XIII в. кожевники жили в альмудене, около алкантарильи — канала, сооруженного в стене, по которому в город текла вода ручья Сан-Хинес, в XIII в. сапожники появляются в приходе Сан-Андрес и у ворот Баланду. К концу XIV в.

в кожевенном деле города развивается специализация — если прежде для всех мастеров обычно использовалось наименование «скорняк» (*peletero*), иногда мелькало «сапожник» (*zapatero*) или «кожевник» (*curtidor*), то теперь появляются изготовители ножен, седел, кожаных доспехов.

Были среди мадридцев-христиан и кузнецы, столяры и плотники, однако большинство представителей этих профессий принадлежали к мусульманской общине города.

В Мадриде до конца XIV в. не было ярмарок — здесь преобладала мелкая торговля, а рынок, располагавшийся рядом с воротами Гвадалахары, имел в основном местное значение. Местного крупного купечества в городе не было, он скорее играл роль транзитного пункта, где могли останавливаться на день-два торговые караваны. Это давало городу определенную прибыль — во-первых, проезжие купцы платили въездную пошлину — портазго, которая, хотя и являлась королевским доходом, но часть ее могла отходить консехо, обычно для оплаты строительных работ. Во-вторых, гости размещались в местных тавернах, служивших постоянными дворами и получавших приличную прибыль от обслуживания проезжих.

Морерия

На протяжении всего Средневековья, до конца XV—начала XVI в., в Мадриде рядом с христианами жили иноверцы — мусульмане и иудеи. Каждая из общин занимала отдельный район: мусульманские кварталы именовались морерия, а иудейские — худерия.

Мусульманское население Мадрида, как и вообще все мусульмане, оставшиеся под властью христианских королей, именовалось мудехарами, а мусульманская община — альхамой. Численность альхамы установить даже приблизительно не рискует никто из исследователей. Но косвенные данные позволяют говорить о том, что в XIII в. ее численность выросла. Происходил естественный прирост населения, кроме того,

в Мадрид могли переселяться мусульмане из других областей. Безусловно, общее число мусульман в городе росло также и за счет пленных, но поскольку они, как правило, имели статус рабов, то не являлись членами альхамы: вся их жизнь зависела от хозяина. Только если их отпускали на свободу, они могли войти в общину единоверцев. В конце XV в. были составлены налоговые списки всех альхам королевства, которые позволяют заключить, что в последнее десятилетие XV в. численность мудехаров Мадрида не превышала 300 человек. Но много это или мало для этого города? Вопрос непростой, поскольку число всех жителей Мадрида в этот период оценивается очень по-разному: согласно одному мнению, их было примерно 4000, согласно другому — 10 000. Соответственно, и процентное соотношение мусульманского населения к общему меняется от шести с четвертью процентов до трех. Тем не менее можно уверенно говорить, что к началу XVI в. мадридская альхама была малочисленной, и есть основания предполагать, что значительные изменения в ее демографии произошли довольно быстро — в последней четверти XV в., в пределах жизни одного поколения. За этот период мадридская альхама сократилась примерно в два раза. Так происходило и в других городах Центральной Испании — в Толедо, Куэнке, Авиле. Причиной тому служила сначала эпидемия, которая унесла жизни многих горожан, как следствие, выросло налоговое бремя, что заставило многих покинуть города: за их пределами можно было поселиться на частновладельческих землях — подати их сеньору оказывались для мудехаров менее тяжкими, чем муниципальные и королевские налоги.

Мадридская морерия располагалась к югу от глубокого оврага, по дну которого тек ручей Сан-Педро, на склонах Лас-Вистильяс. Овраг отделял морерию, а также два старых христианских прихода — Сан-Андрес и Сан-Педро от крепости. Эта часть Мадрида возникла еще в мусульманскую эпоху, и, возможно, здесь уже тогда рядом жили мусульмане и христиане. Нельзя сказать, что мусульмане жили только здесь — в других районах были дома мудехаров, но центр жизни альхамы сосредоточивался именно тут. Здесь находи-

лась мечеть — в Мадриде, по всей видимости, она была только одна: она находилась рядом с небольшим мостом, который соединял два берега ручья Сан-Педро (совр. ул. Сеговия). Эти кварталы именовались Старой Морерией.

Альхама обладала внутренним самоуправлением, и через нее регулировались отношения мусульман с остальным обществом. Первое упоминание о мудехарах Мадрида в документах относится к 1329 г. — в пожаловании Альфонсо XI монастырю Санто-Доминго. Король выделил монастырю сумму в 500 мараведи, из которых альхама должна была заплатить 50 мараведи, остальное должны были предоставить консехо из городских рент и иудейская община.

Высшим должностным лицом в альхаме был алькальд, осуществлявший судебные функции внутри общины и представлявший ее перед христианскими властями. Известны имена нескольких алькальдов — дон Махомад (1348), маэстре Хамет (1402), маэстре Абрахем (1500). Во всех случаях, когда в тяжбу был втянут христианин или дело касалось административных вопросов, разбирательство велось с участием христианских властей.

Помимо алькальда в суде альхамы участвовали факихи, знатоки правовых традиций, которые могли выступать в качестве советников алькальда. Мадридские факихи: Алькахен (1404), дон Абрахам (1411).

Во внутренней структуре общины самым тесным образом переплетались светская и религиозная составляющие. Последняя постоянно подвергалась контролю и ограничению со стороны христианских властей, что приводило к упрощению и деградации сферы религиозного в социальной жизни альхамы.

Относительно того, кто именно предстоял на пятничной молитве — алькальд, обладавший функциями кади, или один из факихов — неизвестно. Видимо, мечеть также служила школой. Все имущества, принадлежавшие мечети, считались собственностью общины. Общине также принадлежала мясная лавка с бойней, которая была монополистом в снабжении мадридских мусульман мясом, свадебные па-

латы и кладбище. Последнее располагалось на современной площади Себада.

Альхама стала очень важным инструментом в руках кастильских властей: она обеспечивала контроль над иноверцами и, что весьма существенно, стабильный сбор податей.

В соответствии с законами королевства, мудехары имели право обращаться при возникновении конфликтов напрямую к королю, однако на практике такие обращения были редко — видимо, разрешение проблем происходило на местном уровне — с участием должностных лиц консехо и королевских представителей. Альхама Мадрида была частью городского сообщества. Во всяком случае, в середине XV в. ее положение было именно таково. Трудно судить, было ли оно таким всегда или сложилось в результате постепенных изменений, возможно, конфликтов.

Зримым воплощением включенности иноверцев в городской универсум стала их обязанность участвовать в процессии, организовавшейся в Мадриде в честь праздника Тела Христова. В постановлении консехо по этому поводу указано, что если кто-либо из предполагаемых участников процессии (корпорации, мавры или иудеи) проигнорирует ее, то должен будет заплатить штраф в 3000 мараведи.

Королевская власть со своей стороны старалась сохранить влияние на подданных-мусульман. Поскольку консехо не могли служить инструментом такого влияния, скорее напротив — они препятствовали ему, короли назначали особых должностных лиц для контроля над альхамами. Существовал главный алькальд альхам Кастилии. Это была высшая судебная магистратура для мудехаров. Иногда ее исполняли выходцы из Мадрида — дон Хамед, живший в приходе Сан-Педро (1348), плотник Лопе, мавр из Мадрида при Энрике IV, его тезка — при Католических королях. Другой должностью были распорядители подати, которую должны были ежегодно выплачивать альхамы. В их обязанность входило устанавливать размер выплаты для каждой общины. Их было несколько, и решения они принимали на советах. Здесь также были представители мадридских мудехаров — в 1477 г. в со-

вете из пяти распорядителей двое были из Мадрида — маэстре Лопе и маэстре Еса. Попыткам королей создать особую администрацию для мавров и вывести их таким образом из сферы власти консехо последние противодействовали активно и успешно, в чем им нередко помогали и сами альхамы.

В Мадриде уголовные процессы по делам мудехаров расследовались ординарным судом города и королевской канцелярией и советом в качестве апелляционной инстанции. Хотя подлежали они суду главного алькальда альхам Кастилии.

Распорядители подати действовали успешнее — их полномочия не были перехвачены консехо. Однако они были достаточно узкими — касались только одного вида подати, а мудехары платили и многие другие, как городские, так и внутриобщинные. И здесь они всецело находились во власти городских институтов.

Мудехары были подчинены двойной юрисдикции — если возникала тяжба между мусульманином и христианином или дело относилось к разряду уголовных, то разбирательство велось по христианским нормам и в христианском суде, во всех остальных случаях действовали мусульманские законы и судьи.

Мадридские мудехары в документах часто упоминаются как *vecinos*, т. е. жители города, обладатели особого статуса с обязанностями и привилегиями, которые определялись внутригородскими обычаями. Однако житель жителю рознь — городская община никогда не была однородной, а равноправие не являлось основой городского права. Именно в последней сфере наиболее отчетливо зафиксированы различия христиан и мусульман. Если мусульманина-вора хватали с поличным, то наказанием была смерть через повешение, для христианина — телесная экзекуция и штраф. Если мусульманин нападал на христианина, ранил его, то штраф составлял 60 солидов, а штраф христианина, агрессивно себя ведущего со своим единоверцем, составлял 2 мараведи — в 3 раза меньше. Если же христианин ранил мусульманина, он платил еще меньше — 1 мараведи. В тяжбах с христианами мудехары не могли выступать свидетелями.

Но консехо в равной мере брал под свою защиту и мадридца-мусульманина, и мадридца-христианина, если речь шла о покушении на их интересы со стороны чужаков, тех, кто не был *vecino* Мадрида.

Если же из сферы правовых норм переместиться в сферу повседневных экономических отношений и практику городского управления, то мы обнаружим, что здесь мусульмане действуют наравне с христианами: заключают сделки по покупке и продаже, сдают и берут в аренду участки и лавки и пр. Среди постановлений консехо, которые нам известны с конца XV в., немало тех, в соответствии с которыми мусульмане получают в аренду городскую землю, им поручаются общественные работы, даются лицензии на определенный вид деятельности — и все это на тех же условиях, что и христианам.

Те мусульмане, которые решили остаться в Мадриде после прихода сюда христиан, по экономическому и социальному статусу, видимо, относились к среднему и низкому слою местного населения. Первоначально мадридская альхама была достаточно однородна и состояла из крестьян и ремесленников. В XIV—XV вв. картина меняется. Мы практически не располагаем сведениями о мусульманах-земледелах, а мусульмане-ремесленники составляют основу экономически значимого населения морерии. Кроме того, внутри альхамы складывается иерархия с богатой элитой, состоящей из специалистов по строительству — каменщиков, среднего слоя — ремесленников, работавших с металлом, — кузнецов, жестянщиков и других. Наконец, на нижней ступени находились ремесленники остальных специальностей, а также наемные рабочие и прислуга. Эта последняя группа была наименее состоятельной и самой многочисленной.

В городском строительстве роль мудехаров была самой заметной. Это не означает, что здесь была занята самая большая часть населения морерии. Просто самыми квалифицированными и известными в городе каменщиками, или, точнее сказать, архитекторами, были мусульмане. Они же являлись самыми богатыми и уважаемыми людьми общины. Во второй половине XV в. в Мадриде работало восемь таких

специалистов, они именовались аларифами (*alarifes*). Из этих восьми пятеро принадлежали к двум семьям. Как и другие отрасли ремесла, строительное дело было семейным занятием — передача знаний и навыков происходила от поколения к поколению, хотя, видимо, брали также учеников и помощников-неродственников.

Каменщики-мусульмане ценились выше своих коллег-христиан. Консехо предпочитал давать заказы первым, о чем красноречиво свидетельствуют два самых старых мадридских здания — колокольни церковей Сан-Николас и Сан-Педро. Оба они были построены, соответственно, в XII и XIV вв. мастерами-мусульманами и являются характерными образцами стиля мудехар.

При городском совете существовала должность аларифа. Он занимался организацией строительных работ по заказу города, инспектировал городские постройки, а также выступал в качестве эксперта в суде, если тяжбы касались строительства, выделения земельных участков в городе и его округе, распределения общественных работ. Эту должность в Мадриде занимали чаще мудехары, чем христиане. Например, Абдалла де Сан-Сальвадор был аларифом консехо более двух десятилетий — с 1452 г. до 1478 г., затем его сменил сын — Абрахам де Сан-Сальвадор. Немного позже должность перешла к христианину Хуану Санчесу, но у него был помощник-мусульманин — маэстро Абдалла. А затем аларифами по очереди становились представители мудехарского рода де Гормас — Махомад, Абрахам, Юсуф. Аларифы консехо находились в более выгодном положении, чем остальные их коллеги: они получали как городские, так и частные заказы, а остальным каменщикам доступ к городским строительным работам был ограничен, хотя и не заказан вовсе. Например, в 1484 г. каменщик Хасан получил от консехо заказ на постройку бойни с мясной лавкой.

Со строительством были связаны не только мудехары-каменщики и строительные рабочие, но и другие специалисты, в частности плотники, но о них известно гораздо меньше: они не занимали столь высокого положения, как каменщики.

Вторая по значимости группа профессий была связана с работой с металлом. В этой сфере существовала значительная специализация — были мастера по изготовлению и починке металлических сосудов, ножовщики, изготовители сельскохозяйственного инвентаря. В некоторых специальностях мудехары были монополистами. Когда в 1482 г. мусульмане в ответ на принудительное выселение из некоторых районов города прекратили принимать заказы на починку и изготовление сельскохозяйственных орудий, земледельцы обратились с протестом в консехо, поскольку мастера-мусульмане были вне конкуренции и никто, кроме них, не мог помочь крестьянам.

О занятиях мудехаров другими ремеслами известно очень мало. В отдельных случаях это выглядит необычно. В мусульманские времена Мадрид славился своей керамикой и гончарами, а при христианах мы почти совсем ничего о них не знаем, исключая позднее упоминание (1502 г.) единственного представителя этой профессии. То же можно сказать и о ткачах, кожевенниках и сапожниках. Возможно, лидирующее положение в этих ремеслах перешло в руки христиан. Те мудехары, которые работали в них, ориентировались на альхаму, и за ее пределы информация о них почти не выходила. Совершенно определенно это можно сказать о мясниках. Ислам требует, чтобы верующие ели мясо, полученное строго определенным образом и относящееся поэтому к халяль — разрешенной пище. В морерии была своя бойня и при ней мясные лавки, где трудились свои специалисты-мусульмане.

Мудехары занимались торговлей, но это была в основном мелкая внутригородская коммерция — они продавали масло, фрукты, мед и воск. Ремесленники, по всей видимости, торговали своей продукцией сами, в своих мастерских, которые одновременно были лавками.

Большинство мудехаров, которые жили в Мадриде, занимались ремеслом и мелкой торговлей, были наемными рабочими. Занимались ли мусульмане земледелием или каким-либо другим сельским хозяйством — неясно. Некоторые из них владели земельными участками, стадами овец, но вряд ли

они занимались крестьянским трудом — скорее, они нанимали работников или сдавали имущество в аренду. Можно предполагать, что мудехары, жившие за пределами городских стен, занимались и земледелием, и разведением скота, однако никакой информации о мудехарах, сельских жителях, у нас нет. Скорее всего, мадридская альхама состояла исключительно из горожан, которые могли иметь некоторые владения в городской округе, но сельское хозяйство не было их основным занятием — отсюда их вытесняли христиане.

Мадридские мудехары наравне со всеми кастильскими мудехарами должны были платить особый сбор в пользу королевской казны в обеспечение королевской защиты этой особой группы подданных. С течением времени доля этого сбора в массе других выплат сокращалась. Мудехары участвовали также и в раскладке других королевских и городских податей, но уже вместе со всеми налогоплательщиками Мадрида.

Если подушная подать с мусульман не была слишком обременительной, то введенный в 80-х гг. XV столетия сбор на гранадскую войну лег тяжким бременем на кастильских мусульман и иудеев. Для сравнения — подушная подать с мадридской альхамы в конце XV в. составляла 1000 мараведи, а военный сбор в этот же период — 50 000 мараведи. Мусульманское население Мадрида испытывало гораздо более тяжелую налоговую нагрузку, чем их соседи-христиане, особенно это стало ощутимо в конце XV в.

Социальная стратификация альхамы отразилась на городском пространстве. В середине XV в. часть мудехаров — самые богатые из них — начинают переселяться на свободные земли в аррабалях, которые находятся рядом с нынешней Пласа Майор. Так появляется квартал, который получил название Новой Морерии. Причиной такого переселения стало стремление быть ближе к центру экономической жизни города, которым становились эти районы. Кроме того, здесь мудехарам были доступны участки лучшего качества, чем внутри городской стены, где все преимущества были у состоятельных христиан. Немного позже в Новой Морерии стали селиться мудехары среднего и низкого достатка — их дома

уже были дальше от торговой площади. Здесь они платили меньше за участок и за строения.

До второй половины XV в. между христианами и мудахарами Мадрида, в первую очередь состоятельными, отношения были очень тесными и в основном мирными. Напряженность начинает нарастать после толедских кортесов в 1480 г., на которых снова был принят ряд ограничительных постановлений о мусульманах. В отличие от более ранних подобных решений, теперь власти проявили стремление реализовать их на практике. В Мадриде мудахарам было впредь запрещено селиться где-либо за пределами Старой Морерии, но уже сложившийся квартал Новой Морерии выселять не стали. Начали ограничивать передвижения мудахаров по городу — им запрещалось покидать морерию ночью, для этого все выходы из нее перекрывались. Другие ограничения так и остались на бумаге: в частности, запрет мусульманам заниматься медициной и профессиями, связанными с продуктами питания, а также занимать какие-либо публичные должности.

Ограничения, связанные с внешним видом мудахаров, в Мадриде соблюдались плохо. Здесь мусульмане и христиане одевались одинаково, первые не носили причесок и бород определенного фасона, как то вменялось им в обязанность. Король неоднократно требовал от городских властей штрафовать нарушителей этих норм, консехо издавал постановления об этом, но нет никаких свидетельств о реализации их на практике.

Мадридские мудахары, как и в других городах Кастилии, заметно ассимилировались местными христианами. Это проявлялось в самых разных сферах. Минимально — в религиозной, хотя и здесь ощущались некоторые изменения, поскольку большинство мадридских мудахаров фактически не владели арабским. Он все больше становился языком религиозных и юридических формул, а в повседневной жизни использовался исключительно старокастильский. Активный обмен традициями в сфере ремесленных технологий сопровождался также обменом повседневными привычками и навыками в организации быта, кулинарии и т. п. Выше уже шла речь о том, что мусульмане и иудеи должны были уча-

ствовать в процессиях по случаю религиозных христианских праздников, демонстрируя свои песни и танцы. Другим поводом для таких общегородских процессий были встречи короля, где мусульмане и иудеи шли вместе с городскими корпорациями. В торжественном и одновременном пестром шествии должна была проявиться, стать наглядной целостность городского универсума.

Но к концу XV в. такая демонстрация имела под собой все меньше реальных оснований, хотя в Мадриде растущая напряженность так и не вылилась в настоящий конфликт. Немалую роль здесь сыграли усилия городских властей. То, что это была сознательная политика консехо, особенно ярко проявилось в момент, когда альхама должна была прекратить свое существование в городе. 12 февраля Католические Короли обнародовали декрет, по которому мудехары Кастильского королевства должны были либо принять христианство, либо покинуть территорию Кастилии в течение трех месяцев. Консехо Мадрида уже через две недели предложил местным мусульманам заключить договор, где им предлагалось сменить веру в обмен на ряд привилегий. Все бывшие мусульмане освобождались от налогов на десять лет, от обязанности предоставлять постой кому-либо, кроме королевской свиты, на тот же срок. Десять лет новообращенные мадридцы не были подвластны инквизиционному трибуналу. Консехо добился разрешения королевской власти самостоятельно осуществлять юрисдикцию над ними. Все имущество альхамы должно было сохраниться во владении морисков. Все эти меры были нацелены на то, чтобы важная, высококвалифицированная часть горожан не покинула город.

Хотя большинство мудехаров Мадрида выбрали смену религии, многие из них все же покинули город позже, когда стало ясно, что городские власти не могут последовательно выполнять все обещанное, так как это входило в противоречие с общекоролевской политикой в отношении новообращенных. А мадридская альхама перестала существовать как особая часть городского общества, оставив по себе память в названиях улиц и древних колокольнях города.

Мусульмане были не единственными иноверцами в христианском Мадриде — здесь существовала и иудейская община. Поскольку первые однозначные данные о существовании именно общины — худерии, относятся к концу XIV—XV вв., долгое время местоположение иудейского квартала не определялось однозначно. Предполагалось, что иудеи жили за пределами города, в районе, который известен с XVI в. под названием Лавапьес (*Lavapiés*). Однако известно, что с XV в. рядом с приходом Санта-Марии, в баррьо реаль была синагога. Сейчас это место полностью занято собором Санта-Мария-де-ла-Альмудена. Однако то, что сегодня известно о прежней планировке этого квартала, может служить подтверждением гипотезы о расположении здесь худерии. Она представляла собой замкнутое пространство с множеством небольших переулков и небольшой площадью в центре. Схожую планировку можно наблюдать в городах, где местоположение худерии хорошо известно — Толедо, Кордова.

Скорее всего, иудеи поселились в Мадриде уже после прихода христиан — в XII в. мусульманские правители — альморавиды и альмохады — стали вытеснять всех иноверцев из своих земель. Это привело к значительной эмиграции на север христиан и иудеев. В Леоно-Кастильском королевстве юридический статус иудеев был таким же, как и у мусульман, — они находились под непосредственным покровительством и защитой короля и платили ему за это особую подать. И если учесть это обстоятельство, то поселение иудеев в той части города, которая принадлежит королю и находится в непосредственной близости от алькасара, выглядит вполне оправданным.

Отсутствие информации о худерии мешает увидеть процесс ее развития. Иудеи, как и мусульмане, изначально были отделены от христианского населения в религиозном отношении. Повседневный уклад жизни, во многом связанный с религией, и особый юридический статус также способствовали закреплению обособленности, что находило непо-

средственное выражение в компактном поселении иноверцев в Мадриде. Отчасти поэтому мы так редко встречаем их в документах, связанных с городом. В фуэро иудеи упоминаются так же редко, как и мусульмане.

Одна из статей, где говорится о тех и о других, сообщает о том, что судья должен выносить приговоры по делам, где участвуют иноверцы. В этом случае судья представляет королевскую власть. Еще одна статья запрещает мясникам-христианам продавать мясо, происходящее с бойни хударии, причем как признанное кошерным, так и «трефа» — запрещенное к употреблению для иудеев.

Третье упоминание связано с порядком взвешивания муки, который вменялся торговцам — и христианам, и иудеям. В данном случае их положение одинаково, в том числе и штрафы за нарушения порядка.

В документе 1220 г. впервые упоминается горожанин-иудей, проживавший по соседству с одним из участников сделки. В том же веке некоторые иудеи жили в районе между церковью Сан-Сальвадор и воротами Гвадалахары — районе концентрации торговли.

Традиционно считается, что занятия иудеев были связаны в основном с коммерцией — торговля, финансовые операции — и они совсем не были связаны с ремеслом и сельским хозяйством. Однако в XII—XIII вв. среди иудеев Мадрида мы встречаем в основном ремесленников и мелких и средних землевладельцев. Скорее всего, они сами не занимались обработкой земли, а сдавали ее в аренду. Эти занятия стали источником капитала, который к концу XIII в. стал основой для крупной коммерческой деятельности.

Мадридские иудеи-ростовщики широко развернули свое дело, настолько, что, когда случился неурожай в середине 40-х гг. XIV в., то оказалось, что очень многие христиане являются должниками иудеев, и должниками несостоятельными. Потребовалось вмешательство короля, который приказал дать отсрочку по всем долгам христиан.

ГОРОД И КОРОЛИ

Консехо Мадрида с подвластной ему округой входили в состав очень важной части владений Леоно-Кастильских королей — в королевство Толедо. Короли регулярно бывали здесь, но, естественно, главным образом в Толедо — самом крупном и важном во всех отношениях городском центре этой области. Мадрид попадал в поле зрения королей гораздо реже. До XIII в. у нас есть всего несколько коротких свидетельств об участии королей в судьбе Мадрида.

Король Альфонсо VII (1127—1157) несколько раз останавливался в Мадриде во время своих переездов из одной резиденции в другую. Долго он здесь не задерживался — не более, чем на неделю. И нам неизвестно, в каком именно здании оставались король и его окружение. Собственно о том, что это случалось, свидетельствуют записи места составления королевских грамот различного содержания. Причем, судя по всему, король выбирал Мадрид для кратких остановок тогда, когда он ехал из Толедо на север, а не наоборот. Так в 1149 г., после Рождества, проведенного в Толедо, король, направляясь в Леон, останавливался в Мадриде, где приказал сделать запись о дарении Педро Альгвасилу, толедцу. Пять лет спустя, Альфонсо VII на пути из Толедо в Сеговию даровал в Мадриде новые привилегии монастырю Саагун. И, наконец, король дважды проезжал через Мадрид в 1155 г., о чем

свидетельствуют две грамоты дарения — первая оформлена в начале года, другая в конце.

Единственная грамота Альфонсо VII, адресованная непосредственно Мадриду, была составлена в 1152 г. в Толедо: мы уже встречались с ней, поскольку здесь речь шла о первом королевском решении в спорах консехо Мадрида и Сеговии.

В конце XII в., а особенно в XIII в., с правления Альфонсо VIII (1158—1214), Мадрид чаще мелькает на страницах хроник, повествующих о деяниях королей, появляются первые грамоты с королевской подписью, адресованные консехо Мадрида. Последнее связано, прежде всего, с обострением конфликта с Сеговией. Представители городского совета Мадрида стараются заручиться поддержкой короля, который выступает судьей в конфликте, о чем уже шла речь.

В правление Альфонсо VII было положено начало созыву совещательного совета с участием представителей городов, который получил название «кóртесы». Есть сведения, что впервые посланцы городов присутствовали на королевском совете в Бургосе в 1169 г. Однако первая документальная фиксация участия представителей консехо в утверждении постановлений такого совета относится к 1188 г. Тогда в городе Каррион было подписано соглашение о заключении брака между доньей Беренгелой, дочерью Альфонсо VIII, и графом Рутенбурга Конрадом, одним из сыновей императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы. Браку не суждено было состояться, но грамота с договором сохранилась. В свидетельских списках фигурируют представители 48 городов, среди которых были и посланцы Мадрида.

Короли той эпохи, в первую очередь, стремились получить от Мадрида, как и от всех консехо, свободных от власти сеньоров, военную поддержку, которая заключалась в сборе ополчения, состоявшего из конных воинов — кабальеро и пеших — пеонов. Именно с участием в королевских военных экспедициях увязываются все привилегии жителей, и большая их доля достается той части ополчения, которая выше ценилась в ту эпоху — кабальеро.

Иногда Мадрид служил местом встречи отрядов, собиравшихся под знамена короля при подготовке военных рейдов. Таким образом, он представлялся вполне подходящим городом, способным и принять короля со свитой, и разместить войско.

Весной 1211 г. Альфонсо VIII вместе с сыном, наследником престола Фернандо, совершил успешный поход в Андалусию в район Хативы. Это была короткая экспедиция, преследовавшая цель скорее захватить побольше трофеев, нежели отвоевать крепости и закрепиться в них. Когда король с инфантом вернулись в свои земли, им сообщили, что альмохадский правитель Мухаммад, приведя значительное войско из Африки, начал осаду крепости Сальватьерра в Эстремадуре, которую обороняли рыцари ордена Калатрава. Альфонсо VIII послал Фернандо на помощь осажденным. Однако действия принца не увенчались успехом — осаду снять не удалось. Возвращаясь домой, Фернандо внезапно заболел и умер в Мадриде в возрасте двадцати одного года. Тело принца перевезли в монастырь Уэльга-де-Бургос, где оно было предано земле в присутствии его старшей сестры доньи Беренгелы и архиепископа Толедо Родриго Хименеса де Рады. Это был серьезный удар для королевской семьи — у Альфонсо VIII, которому в тот момент уже было 55 лет, был еще один сын — Энрике, будущий король Кастилии Энрике I, но ему было всего 8 лет, что предвещало смуты регентства в первые годы правления юного короля. Однако до этого королевству Кастилии предстояло еще увидеть триумф своего короля в битве при Лас Навас де Толоса, о которой уже шла речь.

До нас не дошли сведения о какой-либо особой роли отрядов мадридцев в этой кампании, но известно, что они участвовали в сражениях. Кроме того, в период подготовки Мадрид стал одним из центров, где собирались войска. Некоторые историки предполагают, что именно здесь Альфонсо VIII начал совещаться с ближайшими советниками относительно плана кампании. Сюда же прибыли союзные армии — из Арагона и Каталонии, из Наварры, Португалии и Леона, рыцарские отряды орденов — не только пиреней-

ских Сантьяго и Калатравы, но и тамплиеры и госпитальеры, а также рыцари южнофранцузских графств Анжу, Пуату, Бретани, Лиможа, Перигора, Сентонжа, Бордо, Ломбардии, а также архиепископы Бордо и Нарбонны.

Надо, однако, заметить, что эта версия о сборе войск в Мадриде встречается только в трудах, посвященных специально истории столицы, без ссылок на источник информации. В хрониках, близких по времени создания к излагаемым событиям, в качестве места сбора войск называется Толедо, что кажется более вероятным, учитывая масштабы и значение обоих городов. Можно лишь предполагать, что армии, направлявшиеся к Альфонсо в Толедо, проходили через Мадрид, возможно, задерживались там на какое-то время, так как сбор христианской армии шел долго.

Следующие за победой при Лас Навас де Толоса полгода были очень неблагоприятны — сначала очень холодная зима, затем засушливые весна и лето. В итоге — повсеместные неурожаи и голод. В Толедских анналах говорится, что бедствие продолжалось до 1214 г.: умерло много людей — в Толедо большая часть населения. Были съедены все животные — не только домашний скот, но и прочие. В Анналах говорится даже о похищении и поедании детей. И хотя описаний бедствий именно Мадрида нет, можно вполне предполагать, что там картина была не менее печальной, чем в Толедо, отстоявшем от него, напомним, всего на 70 км.

В этих условиях король Кастилии активизирует военные действия и весь период голода проводит в постоянных походах против мусульман. Это позволяло не только привозить богатую добычу для облегчения ситуации, но и держать часть населения вдалеке от района бедствия. Видимо, в этих военных экспедициях принимали участие и отряды мадридского ополчения. К осени 1214 г. возможности христианских отрядов истощились, Альфонсо VIII был вынужден снять осаду Баэсы и вернуться в свои владения. В октябре король умер.

Последовавшее за тем непродолжительное и полное смут правление Энрике I (1214—1217) не сказалось сколько-нибудь

значительно на истории Мадрида. У нас есть лишь свидетельство того, что король продолжал останавливаться в этом городе во время переездов между резиденциями. В начале 1216 г. он подписал дарение лавки, расположенной на улице Старьевщиков (*Calle de los Traperos*) в пользу дон Балдуина, возможно, рыцаря Сантьяго, и его жены. Среди свидетелей — архиепископ Толедо, королевский майордом, альферес — командующий королевской гвардией, несколько епископов — т. е. люди, составлявшие ближайшее окружение короля.

Взошедший на престол Кастилии в 1217 г. Фернандо III приходился племянником Энрике I. В 1230 г., после смерти своего отца, короля Леона Альфонсо IX он унаследовал и эту корону, окончательно объединив два королевства. После успешного усмирения выступлений некоторых знатных семейств, возглавляемых родом де Лара, Фернандо начал активные военные действия против мусульман. Он смог развить успехи своего деда Альфонсо VIII, и именно он завоевал важнейшие центры Аль-Андалуса — Баэсу (1227), Убеду (1233), Кордову (1236), Хаэн (1245), Севилью (1248), начал военные действия против Мурсии. Череда блестящих побед христианских королей (не только Альфонсо VIII и Фернандо III, но и короля Арагона Жауме I) в первой половине XIII в. получила название Великая Реконкиста. В результате этих событий на Пиренейском полуострове под властью мусульман осталась область на крайнем юге с центром в Гранаде — знаменитый Гранадский эмират, просуществовавший до конца XV в.

Многочисленные военные кампании Фернандо III не обходились без отрядов городов. Памятуя о постоянном участии ополчения Мадрида в походах Альфонсо VIII, можно предполагать, что мадридцы служили своим оружием и его внуку. Правда, сведения об этом крайне скудны.

Есть некоторые свидетельства о роли мадридцев в завоевании Севильи. Отрядом командовал дон Гомес Руис Мансанедо — один из первых известных по имени представителей древнего (известен с начала XII в.) рода Мансанедо, принад-

лежавшего к числу самых благородных в Мадриде. Когда после взятия Севильи король приказал наградить участников военных действий выделением земельных участков на отвоеванных территориях, то в списках награжденных, т. н. репартимьенто (*repartimiento*), значился и дон Мансанедо, и воевавшие под его командованием Мартин де Мадрид, Доминго Мингес де Мадрид, Альфонсо Гарсия де Мадрид, Хуаньес де Мадрид.

Другая часть отношений консехо Мадрида с королем была связана с возобновившимся конфликтом с Сеговией по поводу округа Мансанарес, а также с утверждением ряда новых городских привилегий. Итогом первого стало, как уже рассказывалось, установление совместного пользования спорными территориями и запрета обоим консехо заселять их.

В 1222 г. Фернандо III подписал грамоту, в которой определялся порядок назначения аделантадо — должностного лица, представлявшего короля в некоторых областях, обладавшего разнообразными властными полномочиями и стоявшего над местными судьями, представляя последнюю перед королем апелляционную инстанцию. Консехо Мадрида получил право самостоятельно выбирать кандидатуру на эту должность, а король должен был только утвердить ее. Кроме того, в грамоте определялись полномочия апортильядо — представителя исполнительной власти, пристава. Это должен был быть домовладелец, но не кабальеро — у него не должно быть коня и вооружения, кроме того, он не должен занимать никакой должности в городском управлении. Сменяться апортильядо должны ежегодно.

Другой важной частью этого фуэро были пункты, связанные с уплатой податей королю и несением военной службы. Каждый, кто имел доход в тридцать мараведи, должен был ежегодно уплачивать один в королевскую казну, а с 15 мараведи — половину мараведи. Эти условия распространялись и на округ Мадрида. Король и консехо выбирали по два сборщика податей на год. Кроме того, указывалось, что в тот год, когда платились подати, можно было отказаться от военной повинности — фонсады, которая состояла в участии в похо-

де. Если же житель города участвовал в походе короля, то он мог не платить подати. Исключением из этого правила были военные экспедиции за пределы королевства, в которых ополчение должно участвовать в любом случае. Это условие оказалось очень важным, учитывая значение именно зарубежных походов Фернандо III.

Надо заметить, что подобные грамоты получили очень многие города в период XII—XIII вв. Они показывают нам особый этап в развитии управления королевством, а также в развитии городской жизни. Все большее значение приобретает договорная форма взаимодействия короля и общины, главным образом городской. Другая форма — это созыв совещательных собраний, представляющих интересы разных сословий. Здесь, в отличие от фуэро, оформляющих отношения короля с отдельным городом, речь могла идти о вынесении решений, касающихся более обширных территорий. Мы еще увидим, как участие в таких собраниях — кортесах, сказалось на истории Мадрида.

После смерти Фернандо III на престол Леоно-Кастильского королевства взошел его сын — Альфонсо X (1252—1284), получивший позже прозвище Мудрый, главным образом, благодаря своему постоянному интересу к самым разным областям человеческих знаний. Он считается автором нескольких сочинений — двух историй (Испании и всемирной), «Лапидария» — трактата о камнях и их свойствах, «Книги об играх», «Кантиг о Деве Марии» — собрания песнопений в честь Богородицы. По его указанию и при самом активном участии были составлены важнейшие в истории Испании своды права — Фуэро Кастилии и Семь Партид. Помимо своих интеллектуальных трудов, Альфонсо X остался в памяти современников как активный и очень амбициозный политик, хотя успех в меньшей степени сопутствовал его предприятиям, чем Фернандо III Святого. Он продолжил расширение границ своего королевства, в первую очередь, в южном направлении — при нем был отвоеван у мусульман Кадис, присоединена Мурсия по договору с Арагоном. Притязания Альфонсо X на Наварру, а также на корону Священной Рим-

ской империи закончились поражением, но самым тяжелым периодом его правления стали последние годы из-за конфликта по поводу престолонаследия с его сыном, инфантом Санчо, будущим королем Санчо IV Храбрым.

Мадрид получил в 1262 г. новое фуэро от Альфонсо X, причем в его преамбуле содержится несколько любопытных высказываний. «Мы нашли, — гласит текст, — что в Мадриде нет полного фуэро, по которому можно было бы вершить суд, как должно. Отсюда происходят многие неясности, столкновения и вражда, правосудие не отправляется как подобает. Желая устранить все эти изъяны, мы даруем ему [Мадриду] то фуэро, которое мы составили по совету нашего двора». Здесь речь идет о так называемом Фуэро Реаль — своде норм, составленном по воле короля в 1254 г. Это памятник королевского права, которое даровалось разным городам как местное фуэро. Среди них оказался и Мадрид. Это рассматривалось как знак особой королевской милости в награду консехо города за верную службу не только самому королю, но и его прадеду и отцу.

Казалось бы, здесь можно увидеть свидетельство о выходе из употребления старого фуэро 1202 г. Но следует иметь в виду, что речь идет о действиях короля, который предпринял целый ряд попыток унифицировать право на территории своего королевства, и дарование сборника правовых норм, составленного королем и его советниками, было одним из шагов на пути к этой цели. Местное фуэро могло казаться ущербным, непригодным для организации отправления правосудия в первую очередь потому, что сохраняло местные особенности судопроизводства.

Помимо этого, в грамоте устанавливались некоторые новые привилегии для кабальеро города. Они освобождались от выплат в королевскую казну за те владения, которые принадлежали им за пределами Мадрида и округи. Также освобождались от податей люди, находившиеся на службе у кабальеро, при этом число этих людей регламентировалось в зависимости от размеров имущества кабальеро. Речь шла в основном о величине стад различного скота, и в зависимо-

сти от этого устанавливалось количество слуг, освобождаемых от податей. Регламентировалось и число домашней прислуги — в частности, кормилиц для детей, также неподатных. Если рассматривать это фуэро на фоне подобных же грамот этого периода другим частям Леона и Кастилии, то видно, что они близки по содержанию — такие привилегии получали и жители других городов. С точки зрения локальной истории это фуэро предоставляет интересную информацию о хозяйственной деятельности местных кабальеро, о чем идет речь в главе об экономике средневекового Мадрида. Надо добавить, что тремя годами позже такую же привилегию получил клир города.

В 70-е гг. продолжалось противостояние с Сеговией из-за округа Реаль де Мансанарес и за посредничеством консехо обращались не только к королю, но и к инфанту Фернандо, и к его матери королеве Иоланте (?), о чем свидетельствуют записи их решений по этому вопросу 1271—1275 гг.

В 1272 г. Мадрид получил подтверждение всех привилегий, дарованных в правление предшественников Альфонсо X Мудрого. Таким образом, у консехо появился уже целый корпус установлений, утвержденных королевской властью, которые определяли как статус консехо в целом, так и отдельных социальных групп.

Известно, что эта грамота была составлена и подписана в Бургосе. Подтверждения такого рода всегда позволяют предположить, что им предшествовало обращение представителей города в королевскую курию. К сожалению, в этом случае, как и во многих других, у нас нет сведений о тех обстоятельствах, которые побудили консехо добиваться этого подтверждения и снаряжать для этого посланцев к королю. Но в любом случае можно говорить, что механизм взаимодействия с королевской властью уже сложился. В городе была группа людей, которая представляла интересы городской общины в целом, формулировала их, и, осознавая необходимость королевской санкции, могла добиться ее.

Когда начался конфликт между Альфонсо X и его сыном из-за престолонаследия, Мадрид оказывается на землях, где

распоряжается мятежный принц. В 1282 г. консехо заключает союз — эрмандаду с магистром Ордена Сантьяго Педро Нуньесом. В преамбуле упоминается подтверждение всех привилегий Мадрида, данное инфантом доном Санчо. Целью этого союза было оказание взаимной помощи в случае покушений на владения и вольности консехо и Ордена, от кого бы ни исходила угроза таких покушений. Поскольку в начале грамоты дается клятва верности инфанту дону Санчо, то он, по всей видимости, не рассматривается как возможный враг консехо. Речь могла идти о самом короле либо его сторонниках.

В 1293 г. в Вальядолиде собрались кортесы, последние в правление Санчо IV, которые приняли ряд постановлений, касавшихся в том числе и Мадрида. Чуть раньше уже говорилось об этом сословно-представительном собрании как об одном из способов взаимодействия короля с местными властями. Собственно, XIII в. стал периодом становления института кортесов. Только к концу этого столетия складывается некоторый устойчивый порядок созыва кортесов, определяется состав собрания и круг обсуждаемых проблем, процедура обсуждения. Однако завершается этот процесс становления в XIV в. Поэтому между историками идет давняя дискуссия относительно природы некоторых собраний, созывавшихся королями в XIII в., — могут ли они именоваться кортесами. А про некоторые из них сообщения в источниках настолько противоречивы, что возникают сомнения в их созыве. И надо заметить, что далеко не от всех подобных собраний остались документально зафиксированные постановления. Первый созыв кортесов в Кастилии датируется 1188 г., о чем уже упоминалось. Среди представителей сорока семи городов королевства в Каррионе были и посланцы Мадрида. В дальнейшем число представленных городов никогда не было таким большим, менялся и их состав. Но с самого начала появилось своеобразное ядро городских советов, представители которых постоянно приглашались на кортесы. Среди них был и Мадрид. Он относился к группе городов, представлявших области (*provincia*). Сюда же относились Самора, Торо, Сория,

Вальядолид, Саламанка, Сеговия, Авила, Гуадалахара, Куэнка. Другая группа городов — это были центры королевств (*reino*), входивших в состав кастильской короны: Бургос, Леон, Толедо, затем Севилья, Кордова, Хаэн, Мурсия.

Кортесы 1293 г. в Вальядолиде во многом уже отвечают тем характеристикам, которые относятся к сословно-представительным собраниям Леоно-Кастильского королевства в период их наивысшего расцвета в XIV в. На них присутствовали представители наиболее значимых в политическом отношении сил — знати, духовенства и консехо — т. н. прокурадоры. Последние выбирались членами городской общины, причем критерии выбора ни королем, ни кем-либо другим не регламентировались, это было только внутреннее дело консехо. Эти представители прибыли с петициями, на основе которых и были составлены постановления кортесов. В их записи впервые воспроизведены те петиции, в ответ на которые выносилось решение.

Консехо Леона и Кастилии получили отдельные постановления, хотя по содержанию они во многом совпадали. В них, в частности, речь шла о том, что ни магнаты, ни инфансоны, ни идалго не могли приобретать принадлежавшие консехо владения. Должность писца должна была замещаться жителем города. Вводился ряд уточнений в порядок сбора податей — запрещалось отдавать налоги на откуп, сборщиками не могли выступать магнаты, кабальеро, местные алькальды и мэрино, иудеи. Житель консехо мог быть подвергнут суду только на территории своей общины и в соответствии с местным фуэро. Запрещалось преследовать и устраивать разбирательство в отношении путников и прибывающих на ярмарки. И, наконец, король запрещал вооруженные конфликты между консехо, которые нередко кончались гибелью людей. Это пункт, существенный для Мадрида, учитывая незаконченный, несмотря на множество королевских распоряжений, территориальный спор с Сеговией.

В части, регламентирующей исполнение установлений, особо упоминаются представители консехо Мадрида, которые просили утвердить все перечисленное в документе для

их общины и получили в подтверждение этой милости грамоту, скрепленную королевской печатью.

Последнее королевское распоряжение, касающееся территории Мадрида, относится к 1295 г. Адресатом его является монастырь Санто-Доминго. Есть свидетельства, что в конце 1294 г. король заболел и по совету врачей отправился в Толедо, где был благоприятнее климат. По пути туда он останавливался в Мадриде, в монастыре Санто-Доминго. Здесь Санчо IV стало совсем плохо, он срочно призвал к себе одного из ближайших родственников — своего кузена дона Хуана Мануэля, прославившегося не только на политическом поприще, но и как автор многочисленных литературных произведений, написанных на романсе (т. н. «народный язык», предшественник современного испанского). Между ними, по свидетельству Хуана Мануэля, состоялся долгий разговор. Король рассказывал, насколько тяжелым оказалось для него бремя власти, и объяснял это проклятием родителей, тяготевшим над ним, и своими тяжкими грехами.

Несмотря на свое тяжелое состояние, а, возможно, и благодаря ему, Санчо IV даровал монахиням Сан-Доминго привилегию, по которой скот, принадлежавший монастырю, дозволялось свободно пасти в любой части королевства, но так, чтобы он не причинял ущерба посевам и другим угождам. Это было одно из последних деяний монарха. Вскоре короля перевезли в Толедо, где он и скончался.

В XIV в. Леоно-Кастильское королевство вступало в смутах и междоусобицах. Унаследовав престол в слишком юном возрасте, Фернандо IV (1295—1312) до самого конца своего правления был вынужден устранять последствия ослабления королевской власти в годы регентства матери Марии де Молины. Претенденты на корону — дяди и кузены короля — старались получить поддержку не только иноземных монархов и представителей знати, но и городов королевства. За два столетия участия в королевских кампаниях и небольших местных военных экспедициях городские ополчения, состоявшие в значительной степени из представителей благородного сословия — кабальеро, стали важным фактором, кото-

рый следовало принимать в расчет в борьбе за трон. Кроме того, помощь городов — это и финансовая помощь.

В правление Фернандо IV регулярно, порой ежегодно, созываются кортесы. Чаще всего они проходили в Вальядолиде, но и другие города становились местом их проведения. В 1309 г. Мадрид впервые в своей истории стал городом, в котором собрались кортесы.

До нас не дошли постановления этих кортесов, и все сведения о них происходят из «Хроники Фернандо IV» — исторического сочинения XIV в., посвященного правлению этого короля и, главным образом, роли его матери Марии де Молина в событиях тех лет.

Созыву кортесов предшествовала встреча Фернандо IV с послами короля Арагона Хайме II в Алкала де Энарес. Здесь обсуждались условия участия Арагона в военном походе против мусульман, который планировал совершить Фернандо IV. Хайме II предлагал заключить брак между сестрой кастильского короля доньей Леонор и своим сыном, наследником престола, доном Хайме. В качестве приданого невеста должна была получить шестую часть всех территорий, которые будут завоеваны в будущей войне, включая город Альмерию. Несмотря на возражения своего кузена инфанта Хуана, считавшего условия Арагона невыгодными для Кастилии, король принял их. Это была слишком важная для него возможность начать решительные действия за пределами своего королевства не только с целью расширения его территории, но и повышения своего авторитета как продолжателя традиций своих предков, прославившихся завоеваниями.

После заключения союза с Хайме II Фернандо рассылает по королевству письма, предлагая представителям городов прибыть в Мадрид для обсуждения необходимой для организации войска финансовой помощи. По всей видимости, мадридские кортесы 1309 г. были очень представительными, хотя нам доподлинно неизвестно ни число, ни состав городов, приславших своих прокураторов. В качестве представителей знати присутствовали инфанты дон Хуан, дон Педро и дон Филиппе, дон Хуан Мануэль, брат королевы-матери дон

Алонсо де Молина, магистры орденов Сантьяго и Калатрава. Клер представлял прежде всего примас Испании архиепископ Толедо, также присутствовали несколько епископов других городов. Представители консехо поддерживали намерения короля и согласились предоставить ему помощь в организации похода. Речь шла о пятикратном увеличении размеров сборов в пользу короля в первый год и в тройном — для следующих трех лет. Король принял решение здесь же выплатить часть денег тем, кто согласился участвовать в походе, и на этом кортесы завершились. К несчастью, военная экспедиция оказалась неудачной для христиан — после неудачных осад Альхесираса и Альмерии (город осаждали арагонцы, перед этим они провели удачную операцию по взятию Сеуты — морского порта на африканском побережье Гибралтара) им пришлось отступить, не добившись никаких территориальных приращений для своих королевств.

Собственно, больше об этих кортесах ничего не известно. Остается неясным, в каком здании проходили заседания. Наиболее вероятной кажется версия, что это была одна из приходских церквей, но какая именно — предполагать трудно. Можно было бы ожидать, что это была церковь Сан-Сальвадор, где обычно проходили собрания городского совета, но исследователи обращают внимание на ее небольшие размеры, которые вряд ли позволили бы разместиться здесь такому представительному собранию.

Во время пребывания в городе король приказал составить несколько грамот с привилегиями магистру ордена Калатрава, купцам Бургоса и консехо Кастроурдьалес. Скорее всего, Фернандо IV в Мадриде больше не бывал. Уже незадолго до смерти, последовавшей в 1312 г., король издал распоряжение сборщикам податей, где запрещал им взимать какие-либо платежи с кабальеро, эскудеро и других освобожденных от налогов жителей Мадрида. Трудно сказать, в какой мере это распоряжение было вызвано жалобами привилегированного населения города на злоупотребления, но интересен такой факт косвенного подтверждения полученных привилегий. Это не совсем обычно, поскольку большинство известных

грамот, фиксирующих разнообразные послабления в пода-
тах, адресованы их получателям, а не сборщикам податей.
Обладатели привилегий на практике должны были самосто-
ятельно следить за их соблюдением и оберегать от покуше-
ний. В королевских грамотах обычно упоминаются санкции
за нарушение воли монарха — кара небесная и иногда штраф
в пользу казны. Другие механизмы, гарантирующие соблю-
дение королевских распоряжений, не оговариваются. В дан-
ном же случае король обращается к должностным лицам, ко-
торые хотя и назначались городским советом в соответствии
с привилегией 1222 г., но действовали в интересах короля.
Таким образом, король, давая такое распоряжение сборщи-
кам податей, регламентирует их действия и старается обес-
печить тем самым сохранение привилегий, дарованных его
предшественниками на троне.

Сын Фернандо IV инфант Альфонсо был провозглашен
королем, когда ему не было и полутора лет. Ситуация первых
лет правления его отца повторялась: снова у власти оказал-
ся совет регентов и возродились претензии на власть дру-
гих представителей королевского рода. У кастильской знати
опять появляется возможность выбирать, кого из представи-
телей королевской семьи и ближайшего окружения поддер-
живать. В совет регентов вошли бабка короля Мария де Мо-
лина, его мать королева Констанция, дяди инфанты дон Хуан
и дон Педро. Вскоре умерла королева-мать и забота о воспи-
тании будущего короля всецело легла на его бабушку. Заботы
же об управлении королевством стремились возложить на се-
бя другие члены совета регентов, и не только они. Одним из
самых влиятельных магнатов в это время оставался дон Хуан
Мануэль, тот самый, с кем в Мадриде в последние дни своей
жизни пожелал увидеться Санчо IV. Он стал самым опасным
и самым упорным недругом Альфонсо XI: их вражда то зати-
хала, то разгоралась с новой силой. В периоды примирения,
когда Хуан Мануэль поддерживал начинания своего сюзере-
на, король добивался крупных побед в экспедициях против
мусульман (битва при Саладо 1340 г., взятие Альхесираса
1344 г.). Когда дон Хуан Мануэль выступал противником ко-

роля, то появлялась угроза нападения соседей — Арагона и Португалии, разгорались раздоры внутри королевства.

До совершеннолетия короля регенты старались подчинить себе отдельные области королевства, добиваясь признания своего статуса покровителей — *tutor*. «Хроника Альфонсо XI» повествует о том, как Хуан Мануэль переезжал из города в город и договаривался с жителями о том, что они переходят под его покровительство. Среди этих городов оказался и Мадрид, куда инфант приехал из Сеговии. Следствием признания такого покровительства было участие отрядов консехо в военных столкновениях, которые начались в это время между инфантами. Ситуация в Кастилии стала настолько сложной, что донья Мария де Молина решила прибегнуть к помощи Святого престола: папа Иоанн XXII прислал своего легата (Гильом Пьер Годи — *Godin*), который должен был присутствовать на кортесах в Паленсии, где предполагалось собрать всех участников конфликтов. Мария де Молина и кардинал отправили письма с приглашением прибыть в Паленсию Хуану Мануэлю, который находился в это время в Мадриде. Прежде чем ответить, он собирает в городе представителей консехо со всех территорий, признавших его своим покровителем, — тогда это была вся Эстремадура и королевство Толедо, чтобы заручиться их поддержкой, прежде всего финансовой. Хуан Мануэль хотел ежегодно получать от консехо сумму, в семь с половиной раз превышающую установленные годовые выплаты. Напомню, что несколькими годами ранее король Фернандо IV, начиная военный поход, добивался от городов единовременного увеличения годичной подати в пять раз. Взамен консехо обычно с легкостью добивались от регентов оформления разнообразных привилегий, как сословных, так и общегородских. До нас не дошло ни одной грамоты, дарованной Хуаном Мануэлем Мадриду, но, вероятно, какой-то выгоды город ожидал, наравне с другими.

Хуан Мануэль получил согласие представителей на такие выплаты и теперь готов был вести переговоры с Марией де Молина и папским легатом. Однако примирения так и не со-

стоялось — королева-бабка скончалась в Вальядолиде, поручив влиятельным людям города заботиться о десятилетнем короле. Последовавшие за тем четыре года — вплоть до совершеннолетия Альфонсо XI (1321—1325) — стали временем господства аристократии, когда территория королевства делилась по зонам покровительства. И когда по достижении королем четырнадцати лет регенты сложили свои полномочия, они отнюдь не отказались от той системы властвования, которая сложилась за это время. Переломить ситуацию можно было только жесткими мерами, которые и предпринял молодой король, предварительно заручившись поддержкой представителей консехо. Они на кортесах в Вальядолиде, где произошло провозглашение Альфонсо XI полноправным правителем, поспешили принести ему присягу верности, потеснив, таким образом, своих покровителей.

Мадриду не сразу удалось избавиться от последствий покровительства регента. Один из дядьев короля — дон Фелипе — выбрал Мадрид своей резиденцией и собирался завладеть крепостью, чтобы защититься от гнева короля, но его планам помешала внезапная смерть в 1327 г. Так у Мадрида появилась возможность вернуть себе статус консехо, подчиненного только королю. Мадридцы постарались реализовать ее при первом представившемся случае. Весной 1327 г. Альфонсо XI, направляясь в Толедо, ненадолго остановился в Мадриде, где уважаемые жители города обратились к нему с прошением. У короля не нашлось времени разобрать его на месте, и он покинул город, не дав своего решения. Горожане снарядили еще одно посольство — не совсем ясно, последовало ли оно за королем в Толедо или посланцы были приняты, когда правитель снова остановился в Мадриде в апреле того же года. На сей раз канцлер оформил грамоту и приложил к ней королевскую печать, и таким образом общение консехо с королем напрямую было восстановлено — город снова мог рассчитывать на разрешение своих проблем королевской волей.

В грамоте от 20 апреля 1327 г. содержались решения по нескольким вопросам. Во-первых, отныне все судебные про-

цессы между местными жителями (включая округу Мадрида) могли вести городские алькальды, не ставя в известность представителей короля. Последние могли участвовать в разбирательстве только в случае апелляции одной из сторон, не удовлетворенной решением местных судей.

Следующие две части касались решения вопросов о границах владений города. Король возобновлял запрещение основывать поселения на территории спорного округа Реальде-Мансанарес, которое нарушалось и Мадридом, и Сеговией, но первым гораздо активнее из-за поддержки дона Хуана Мануэля, враждебно настроенного по отношению к не признавшей его власти Сеговии.

Кроме того, король восстанавливал юрисдикцию Мадрида над землями поселения Торрехон. Доходы с этого поселения были дарованы королем Санчо — дедом Альфонсо, Гонсало Руису, жителю Толедо, а тот передал их своему зятю — Лопе де Веласко, представителю одного из самых знатных кастильских родов. Он стал не только получать доходы с Торрехона, но и отправлять там правосудие, назначая алькальдов по своей воле. Это было серьезным нарушением фуэро и наносило ущерб доходам консехо. Альфонсо восстанавливает власть города над Торрехоном. Хотя часть доходов по-прежнему принадлежит дону Веласко, но получать он ее должен из рук сборщиков, назначенных городскими властями. Кроме того, роду Веласко запрещается уклоняться от вызова в мадридский суд под предлогом того, что они — жители Толедо.

Король отменяет все предыдущие королевские привилегии в пользу отдельных лиц, которые привели к территориальным потерям консехо Мадрида: его округа и доходы восстанавливаются, а отчуждения впредь запрещаются.

Надо сказать, что реализация на практике этих королевских распоряжений потребовала особых усилий со стороны в первую очередь консехо. Об этом свидетельствуют более поздние королевские грамоты. В том же 1327 г. Мадрид заручился поддержкой короля против притязаний архиепископа Толедо и консехо Алкала де Энарес на один остров на

реке Харамы. Пятью годами позже Альфонсо XI пришлось издать подтверждение всех упомянутых привилегий и особо распорядиться об отмене собственной грамоты дарения деревни Пинто Мартину Фернандесу. И, наконец, в 1348 г. на королевский суд были вызваны Хуан Санчес, Санчо и Лопе Веласко за то, что они соорудили в Торрехоне виселицу, что было серьезным ущербом судебным полномочиям Мадрида. Очевидно, что факт постройки виселицы рассматривался как неопровержимое доказательство претензий упомянутых ответчиков на часть судебной власти, а это было недопустимо.

В 1329 г. после заключения брака с португальской принцессой Марией и нового примирения с доном Хуаном Мануэлем король собирает кортесы в Мадриде. Об их деятельности мы знаем главным образом из королевской хроники. Судя по ней, это было очень представительное собрание. Первым вопросом, который здесь обсуждался, было финансирование похода против Гранады. Король традиционно обращается к представителям городов с просьбой об увеличении суммы ежегодных выплат, но помимо этого он сообщает о своем намерении обратиться к римскому папе, чтобы тот позволил использовать на военные нужды треть доходов церкви королевств и десятую часть доходов клира земель, составляющих королевский домен. По решению кортесов, намерения короля были одобрены, и он получил искомую сумму на снаряжение армии.

Второй задачей мадридских кортесов стала выработка законов для всего королевства. Здесь речь не шла еще о масштабной унификации, но это были усилия в том же направлении, что и создание таких обширных сводов норм, как Фуэро Реаль, Семь Партид, которые применялись очень ограниченно или не применялись вовсе. В новых законах делалась ставка на необходимость их практической реализации, поэтому они немногочисленны, но важны для всех частей королевства, что делает их универсальными. Речь шла о порядке организации сбора подати в королевскую казну, о запрете Канцелярии выдавать грамоты, оформленные не до конца, т. е. где присутствовали элементы формуляра, но отсутство-

вал основной текст. Не разрешалось совмещать должности на королевской службе. Декларировалось, что ни одна подать — обычная или экстраординарная — не может быть введена без обсуждения на кортесах.

С этого времени Мадрид и его округа очень часто оказываются в центре внимания короля. Иногда это связано с событиями, имеющими значение для всего королевства. В 1332 г. после четырех лет брака у королевской четы родился наконец наследник — инфант дон Фернандо. Король особым известием консехо Мадрида об этом радостном событии и пригласил кабальеро города приехать, чтобы принести принцу клятву верности как будущему королю.

В 1339 г. Мадрид получил сразу две королевские грамоты. Одна из них касалась кабальеро, которые примут участие в планируемом военном походе против мавров (этот канун победы при Саладо), а также их вдов и сирот — речь шла об освобождении от целого ряда платежей.

Второй документ касался отправления правосудия в городе. Речь идет о повторном провозглашении Фуэро Реаль основным сводом норм, на который должен был опираться весь строй городской жизни и которому должны следовать городские судьи. Как мы знаем, первую попытку утвердить Фуэро Реаль в Мадриде сделал Альфонсо X, но эпоха смут свела на нет все его усилия по законодательной унификации: в Мадриде, как и во многих других городах, о Фуэро Реаль быстро забыли и пользовались местным фуэро и королевскими привилегиями. Теперь ситуация сложилась иначе.

Король, как и его прадед, сетует в грамоте на плачевное состояние правосудия в городе из-за сохранения устаревших норм — *fuero uieio*, и объявляет о своем намерении исправить ситуацию, поскольку это его основная обязанность — вершить справедливый суд. Все это происходит в Мадриде в присутствии кабальеро и «добрых людей» города. Они выражают покорность королю, но просят внести некоторые изменения в Фуэро Реаль. Тот факт, что король согласился на просьбу мадридцев, возможно, и обеспечил на сей раз успех начинания. Речь шла о порядке назначения алькальдов

и альгвасилов, т. е. основных должностных лиц в городском управлении. По Фуэро Реаль их должен назначать король, но Альфонсо XI согласился выбирать из тех кандидатур, которых ему представят жители города. Они должны были выбрать двух кандидатов на должность алькальда и трех или четырех — на должность альгвасилов, а король обязался утверждать их в должности.

Второй спорный пункт касался судебных штрафов. Фуэро Реаль гласило, что все штрафы, назначенные в судебном порядке, и часть штрафов за убийство идут в королевскую казну. Альфонсо XI согласился оставить их в распоряжении городского суда — половину должны были получать алькальды, а другую — альгвасилы.

Так готовность идти на компромисс помогла королю утвердить в Мадриде королевское право, а мадридцы получили новый свод норм, более универсального характера, чем их прежнее фуэро.

В этом же, 1339 г., король снова собирает кортесы в Мадриде. Королю снова нужны были деньги на военные расходы — на сей раз речь шла о конфликте с Португалией. Альфонсо IV, португальский король, тесть Альфонсо XI, уже сосредоточил на пограничных территориях войска.

Альфонсо XI, по уже сложившемуся обычаю, сначала выслушал прошения прокураторов. Они, во-первых, хотели получить экземпляры записи установлений, принятых на предыдущих мадридских кортесах десять лет назад. Это рассматривалось как подтверждение их силы и должно было облегчить их применение на практике. Другие просьбы касались податей. Представители консехо просили, чтобы собирались налоги только должностными лицами короля, а откуп их частными лицами должен быть запрещен. Также испрашивали запрет представителям королевского двора пользоваться для собственных нужд скотом местного населения — такое право должно было остаться только у короля.

Несмотря на то что король удовлетворил просьбы прокураторов, они не согласились санкционировать новые экстраординарные сборы. Жители городов еще не оправились

после предшествующих усилий по удовлетворению запросов короля. Надо сказать, что Альфонсо XI не остался вовсе без денежных средств — на сей раз ему на помощь пришли клирики, отдав часть своих доходов на оплату армии. И в итоге ситуация разрешилась благоприятным для короля образом.

Итак, король все чаще проводит в Мадриде много времени. Однако в городе, видимо, еще не появилось королевской резиденции — у нас нет никаких сведений о том, где именно останавливался монарх с приближенными. Если бы мы попытались найти внутренние изменения в городской жизни, которые свидетельствовали бы о расцвете Мадрида и объясняли бы интерес короля к городу, то обнаружили бы, что таких изменений нет. Все, что мы узнаем о разных сторонах хозяйственной жизни города из документов XIV в., свидетельствует о плавном развитии, постепенном расширении территории с уплотнением городской застройки. Достаточно напомнить, что до конца XIV в. городская застройка так и не распространилась на всю территорию внутри стены, а сооружение новой стены, охватывавшей разросшиеся пригороды, потребовалось только после 1463 г. Таким образом, причина частых визитов короля крылась не здесь.

Альфонсо XI отличался необычайным пристрастием к охоте — большую часть времени, не занятого войной и решением насущных проблем управления королевством, он проводил в горных лесах, охотясь на самую разнообразную дичь, в основном на крупного зверя — медведей, кабанов. Он даже написал трактат под названием «Книга об охоте (на крупного зверя)». В ней описываются породы охотничьих собак и их выучка, приемы охоты, рассказываются занимательные истории, происходившие на охоте, — о долгом преследовании медведей с ночевками зимой в горах, о необычном и даже героическом поведении собак и т. п. Кроме того, подробно описываются области, где лучше всего охотиться, указываются их границы, особенности рельефа и рассказывается, в какой сезон и на кого здесь следует ходить. Почетное место среди любимых угодий короля-охотника занимала округа Мадрида. Здесь была лучшая охота на медведя — не-

даром почти во всех вариантах гербов города фигурирует этот зверь!

Грамоты Альфонсо XI, адресованные консехо Мадрида, касаются не только проблем управления городом и статуса разных групп населения, но и частных вопросов, связанных с организацией снабжения короля во время его охотничьих забав.

В 1346 г. Альфонсо XI посылает распоряжение властям Мадрида отправить в округ Мансанарес всех плотников, какие найдутся в городе, чтобы они соорудили там для него дом, где бы он мог остановиться. Оплатить работы должен был консехо. В этом же году алькальд короля в Мадриде Хуан Фернандес выносит приговор против нескольких жителей, которые взяли муку, чтобы испечь хлеб и отправить королю в горы, и не заплатили за нее. Дважды в 1347 г. мадридцы должны были оплатить расходы короля на организацию охоты.

В конечном итоге такая близость короля, его достижимость привели к тому, что он вникал и участвовал в сугубо внутригородских делах, чего не случалось при его предшественниках. В 1346 г. он дает разрешение на открытие в Мадриде школы грамматики и назначает плату наставнику. В 1347 г. король распоряжается о продлении срока долгов христиан иудеям из-за неурожаев.

Итак, близость к королю была не только чревата лишними расходами, но и давала возможность добиваться привилегий. Итогом же стало увеличение зависимости городского совета от короля. В начале 1346 г. Альфонсо XI издал распоряжение о назначении 12 рехидоров, которые вместе с королевским судьей, алькальдами, альгвасилами и писцом входили в состав консехо, или, как его теперь стали именовать, — аюнтамьенто. Так в Испании и по сей день называют мэрию.

В преамбуле грамоты указывалось, что король хочет, чтобы городской совет исполнял свои обязанности по управлению городом, а не был местом ссор и раздоров. Для этого он ставит под свой контроль состав совета. Королевский судья, председательствующий на заседаниях, — должностное ли-

цо короля, назначение алькальда и альгвасилов производится после утверждения монархом предложенных горожанами кандидатур, и, наконец, теперь 12 рехидоров назначает сам король.

Король регламентировал как порядок работы консехо, так и сферу его компетенции. В нее входили все вопросы управления имуществом города и распоряжение доходами с него. Консехо должен был организовывать ремонт городских укреплений и поддерживать в надлежащем состоянии дороги в пределах округа. В его же ведении было распределение обязательных платежей среди жителей, организация посольств к королю и в другие города. Рехидоры не могли исполнять никаких других должностей, а срок их полномочий зависел исключительно от короля. Характер этих полномочий был таков, что каждый из них в отдельности не обладал никакой властью — они могли принимать решения только в составе совета. Таким образом, в отличие от алькальдов и альгвасилов, они не обладали исполнительной властью.

Отныне в городе нельзя было создать какой-либо орган управления без согласия короля, а если кто-нибудь осмелится создать какой-либо иной совет, то его следует схватить и отправить к королю на суд. Думается, в этом можно видеть опасения короля, что новый облик консехо может быть не воспринят горожанами и они захотят сохранить старые порядки формирования консехо и его работы. Это следовало пресекать.

Все нужды аюнтамьенто должны были оплачиваться из доходов городской казны и не могли превышать трех тысяч мараведи в год. Совет не мог по собственному почину вводить новые платежи без разрешения короля. Для принятия решений на заседании должны были присутствовать не менее восьми рехидоров. Заседал совет дважды в неделю — по вторникам и пятницам, а оправданием неявки могли служить либо тяжелая болезнь, либо пребывание на далеком расстоянии от города в связи со служебным поручением. Неявка без уважительной причины каралась крупным штрафом — 700 мараведи.

Так Мадрид, оказавшись в поле постоянного внимания короля, становится одним из городов, где формируется новая модель управления страной. Консехо из органа городского самоуправления постепенно становится органом, представляющим королевскую власть на местном уровне. В правление Альфонсо XI закладывались основы этой модели, а ее становление оказалось длинным, трудным и драматичным для всего королевства.

* * *

Жизнь Мадрида с конца XI в. постепенно принимает новые формы — территория города растет, меняется состав населения, складывается новый порядок внутреннего управления, формируется городская община.

Мы очень мало знаем о жизни мадридцев в XII в., хотя, видимо, именно тогда сформировалось то городское пространство, о котором появляются отдельные сообщения в более поздних документах. Тогда же оформляются те институты городской власти, деятельность которых отразилась в факте создания фуэро Мадрида и, конечно, в самом тексте документа, о чем шла речь выше. Наконец, именно на первую половину XII столетия приходятся события жизни человека, который стал почитаться как святой патрон города. Важно подчеркнуть, что почитания удостоился не воин-защитник крепости и участник походов против мусульман, а благочестивый труженик, пахарь. Кажется, в этом вполне можно усмотреть идеал жизни большей части населения города. Действительно, история большинства районов средневекового Мадрида, вернее, приходов, свидетельствует о преобладании сельскохозяйственных занятий среди его жителей: владельцы земельных участков, причем не только за городской чертой, как сами занимались возделыванием земли, так и нанимали работников, сдавали участки в аренду. Занятие ремеслом и торговая деятельность хотя и не господствовали здесь, но сохраняли свое постоянное значение. В конечном итоге именно в тех районах, где они развивались активно и

преобладали, складывался городской тип застройки. Названия улиц и площадей, сохранившиеся со времен Средневековья, чаще связаны именно с видами ремесла и рыночной торговли, чем с видами сельского труда.

С XIII столетия постепенно растет число документов, связанных с Мадридом. Теперь это не только указание места, где составлена королевская грамота, — появляются документы, адресованные именно жителям Мадрида — иногда всем, иногда отдельной группе.

Городское ополчение Мадрида — постоянный участник всех крупнейших военных походов королей против мусульман, что часто служит основанием для получения упомянутых королевских пожалований и привилегий. Община города настолько хорошо организована, что может выступать если не равным, то достойным противником такому значительному городу, центру епископства, каким была в то время Сеговия. А кроме того, представители Мадрида участвуют в кортесах королевства, роль которых в управлении страной растет в этот период. Таким образом, Мадрид XIII—первой половины XIV в. — город, уже очень активно участвующий в самых значительных событиях жизни королевства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НА ПОРОГЕ РАСЦВЕТА: МАДРИД В СЕРЕДИНЕ XIV—СЕРЕДИНЕ XV в.

XIV столетие в исторической литературе о Средневековье имеет противоречивую репутацию — с одной стороны, это эпоха бедствий, смут и эпидемий, с другой — наивысших достижений культуры средневековой и первых открытий культуры Возрождения. Однако историю городов центра Пиренейского полуострова этого столетия мы сможем вписать в такой контекст лишь частично. С одной стороны политические смуты и смена королевской династии продемонстрировали возросшее значение консехо, от позиции которых зависело многое в исходе конфликтов между враждующими аристократическими кланами и королями. А с другой стороны, именно в это столетие корона прикладывает систематические усилия по установлению постоянного контроля над городскими общинами. Можно говорить, что ко второй половине следующего, пятнадцатого, века эти усилия принесли плоды — власть короля в тех консехо, что не вошли в состав крупных сеньориальных владений, складывавшихся в XIV в., могла быстро и, главное, действенно влиять на принимаемые в городе решения, в первую очередь, касавшиеся финансов и налогообложения, но не только.

Для Мадрида эти два столетия стали временем серьезных потрясений: он превращается в один из центров политической жизни королевства — здесь восемь раз собирались кор-

тесы,¹ короли подолгу оставались в городе, некоторые определенно предпочитали Мадрид древнему и могущественному Толедо. И одновременно близость к власти подвергает опасности статус консехо как прямого вассала короны — короли стали относиться к городу и его землям как к части своего домена, которой можно распоряжаться без ограничений, например передать в качестве дара кому-либо из приближенных.

Драматическое правление Педро I Жестокого (1350—1369), завершившееся его свержением и гибелью от рук единокровного брата Энрике Трастамара, который вззошел на престол Леона-Кастильского королевства как Энрике II, поразительным образом не оставило заметных следов в истории Мадрида. Известно лишь, что консехо оставался на стороне Педро I почти до конца. Даже после того, как Энрике, коронованный в Калаорре (1366 г.), в 1367—1368 гг. подчинил себе значительную часть Леона и Кастилии, включая многие земли королевства Толедо, жители Мадрида отказывались нарушить присягу Педро I. В труде Херонимо де ла Кинтана по истории Мадрида описывается осада города войсками Энрике II. Жители города мужественно обороняли крепостные стены, которые беспрестанно атаковали осаждавшие. Осада продлилась бы и дольше, если бы один из жителей округа Мадрида — называется даже его имя — Доминго Муньос — не помог армии нового короля овладеть двумя башнями у ворот Пуэрта-де-Морос. Этот эпизод не упоминается ни в одном из источников, более близких по времени создания к середине XIV в., а Херонимо де ла Кинтана писал свое сочинение в начале XVII в., когда история Мадрида, как мы помним, значительно преобразилась из-за перемен в положении города. Археологических свидетельств интенсивных военных действий XIV в. в городе также пока не было обнаружено. Поэтому нельзя утверждать однозначно, что между консехо и первым правителем новой династии Трастамара произошел вооруженный конфликт, однако Мадрид действительно сохранял верность Педро I и проявил нелояльное отношение к Энрике II, за что и расплатился в первые

годы его правления. Когда король начал раздавать в награду своим сторонникам земли, то консехо лишился части территории округа — в 1369 г. поселения Алькобендас, Барахас и Кобенья были переданы дону Педро Гонсалесу де Мендоса, ввиду того что «означенный город не служил нам».² Это были не первые территориальные потери Мадрида — в 1294 г. Санчо IV передал в награду за службу Гонсало Руису де Толедо селение Торрехон де Веласко, прежде находившееся под властью консехо. Такая же судьба постигла в 1331 г. местечко Пинто, отошедшее главному нотарию Альфонсо XI Мартину Фернандесу де Толедо. Однако именно правители новой династии стали регулярно передавать земли из округа Мадрида в частные руки — здесь появились сеньориальные владения знатных родов Давила, Гусман, Мендоса. Череду этих актов короны венчает, хотя и не завершает, эпизод передачи в качестве сеньориального владения самого Мадрида со всей его территорией. В 1383 г. по воле Хуана I (1379—1390) сеньором Мадрида стал последний царь Армении Левон V (VI).³ Надо сразу сказать, что это была уникальная ситуация в истории города, которая продлилась недолго — до 1392 г., когда сеньор города скончался в Париже, и после этого больше ничего сопоставимого не происходило, Мадрид снова стал прямым королевским вассалом. Однако она довольно отчетливо обозначила границы возможного в действиях короля по отношению к консехо, обладавшему статусом, закрепленным давней традицией. Маловероятно, что Левон V имел намерение становиться фактическим правителем выделенных ему земель: помимо Мадрида, он получил также города Андухар, Гвадалахару, Вильярреаль (совр. Сьюдад Реаль) и ежегодную ренту в 150 000 мараведи. Во всяком случае, никаких следов прямых контактов между ним и консехо не сохранилось, более того, даже неизвестно, был ли он в Мадриде.

Левон V принадлежал к роду Лузиньянов, правителей Кипра. Он стал царем Киликийской Армении, унаследовав трон от своего дальнего родственника Костандина III, и правил меньше года: коронация прошла в городе Сис осенью 1374 г., а уже в следующем, 1375 г., мамлюки захватили Армению и

отправили попавшего в плен Левона в Каир. Из плена его согласился выкупить король Кастилии Хуан I, благодаря усилиям францисканского монаха Жана Дардела. Отбыв из Каира в Европу в 1382 г., Левон V высадился в Венеции, побывал на аудиенции у римского папы Климента VII в Авиньоне и, наконец, прибыл ко двору своего спасителя Хуана I, где оставался до своего отъезда во Францию в 1384 г.

Как видим, обстоятельства жизни этого человека были столь необычны и переменчивы, что он, скорее всего, не смог до конца оценить, насколько важным событием в истории одного из трех доставшихся ему городов стал оммаж, который представители консехо принесли ему от имени всех жителей в октябре 1382 г. Грамота, сохранившаяся в городском архиве, содержит описание этого события. Из нее также следует, что консехо, хотя и покорился воле короля, все же счел необходимым продемонстрировать свое понимание происходящего. Жители Мадрида — королевский алькальд Апарисио Санчес, Диего Фернандес де Мадрид, королевский писец Диего Фернандес де Кастро — доставили в Сеговию послание консехо и вручили его Левону V в королевской резиденции в монастыре Св. Франциска. В этом послании, содержание которого в грамоте передано, говорилось, что должностные лица города, собравшись, как заведено, по звону колокола в церкви Сан-Сальвадор, постановили отправить своих представителей для принесения оммажа новому сеньору. Консехо Мадрида оговаривал, что поскольку король Хуан передал город царю Армении, то клятва верности ему означала одновременный разрыв вассальных отношений с королем и его старшим сыном доном Энрике, которые были прежде скреплены оммажем.⁴ В следующей части грамоты, описывающей саму церемонию оммажа, указывается, однако, что консехо Мадрида должен выполнять все обязательства вассала по отношению к Левону V до конца его жизни, оставаясь при этом на службе (*servigio*) короля и его наследника. Собственно, за официальными формулировками документа мы вполне можем увидеть диалог между городской властью и властью королевской. Консехо стремится уточнить буквальное зна-

чение и последствия появления нового сеньора: отношения с прежним прекращены? Мадрид больше не вассал короны? И получает ответ, что ситуация временная и подчинение королевской власти сохраняется. Формальное восстановление статуса Мадрида произошло в 1392 г. уже при преемнике Хуана I — Энрике III, который упоминается в грамоте как сын и наследник. Но события, которыми ознаменовалась коронация юного Энрике (ему было одиннадцать лет), заставляют задуматься, имела ли смена сеньора какое-либо значение на практике или осталась символическим жестом, хотя и взбудоражившим высшие слои городского сообщества Мадрида.

Чтобы избежать смуты, которая всякий раз грозила королевству при восшествии на престол несовершеннолетнего короля, было решено созвать кортесы, на которых следовало сформировать совет регентов и принять клятву верности Энрике III от представителей консехо и аристократии. Местом созыва кортесов был избран Мадрид, где они начали собираться 20 января 1391 г. Первое самое представительное заседание прошло 31 января в церкви Сан-Сальвадор, где обычно заседал консехо Мадрида. На нем присутствовали посланники из 49 городов королевства. Было решено создать регентский совет из представителей аристократии и городов. Выбор регентов поручили особой комиссии, которая тогда же предложила установление, очерчивающее круг полномочий будущего регентского совета. Надо сказать, впервые в истории Кастилии решение о регентстве принималось при участии столь представительного органа и с таким уровнем регламентации. Весь февраль шли заседания, посвященные обсуждению состава совета, а также, после его утверждения, принимали присягу у его членов. В марте и начале апреля присягу новому королю приносили представители городов, и тогда же были подтверждены прежние привилегии консехо и дарованы новые. С 10 апреля на кортесах оглашается королевское решение по тем прошениям, которые были поданы участниками заседаний, а также некоторые положения по вопросам денежной политики и финансов. 25 апреля, на последнем заседании кортесов, Энрике III подтвердил все фуэро и при-

вилегии Мадрида, а также удовлетворил ходатайство консехо об уменьшении числа рехидоров с двенадцати до шести. И оба решения были приняты без какого-либо участия Левона V, сеньора Мадрида, жившего в это время в Париже при дворе Карла VI.

Спустя год, в 1392 г., мы узнаем о новых усилиях, принятых консехо для сохранения своего статуса: из-за появления сеньорий на землях, прежде подвластных Мадриду, терпит ущерб и юрисдикция города. В июле 1392 г. в Сеговию прибыл посланец из Мадрида и передал обращение консехо регентскому совету. В нем рассказывалось, что в городе произошел погром в худерии, городские власти предприняли расследование и задержали виновных, препроводив их в городскую тюрьму. Некоторые из участников смогли бежать из города и скрылись в селениях неподалеку от Мадрида, принадлежащих дону Диего Уртадо де Мендоса. Эти беглецы время от времени покидали свое убежище, приходили в поселения, подвластные консехо, и угрожали убить алькальдов и альгвасила города, если смогут схватить их за пределами стен. Сообщники этих преступников, скрывающиеся в другом сеньориальном владении, принадлежащем одному из королевских рехидоров, хвастаются, что не боятся королевского правосудия и терроризируют окрестное население, которое может отказаться выходить в поля на работу, из-за чего может быть утрачена значительная доля урожая зерна. Консехо просит дать письменное распоряжение относительно совершения правосудия над теми, кто посажен в тюрьму, а также санкцию на то, чтобы схватить бежавших преступников в пределах сеньориальных владений. Любопытно, что просьба сопровождалась условием, что если такое распоряжение не поступит, то консехо снимает с себя всякую ответственность за последствия. Любые запросы, которые в будущем король может отправить относительно этого дела, рассматриваться не будут. Консехо Мадрида получил то, о чем просил, — и письменное распоряжение относительно суда, и санкцию на вторжение в сеньориальные владения. И это несмотря на то, что в заседании регентского совета, рассма-

тривавшего обращение консехо, участвовал Хуан Уртадо де Мендоса, двоюродный брат одного из сеньоров.

Итак, во второй половине XIV столетия, столкнувшись с новыми реалиями королевской политики, Мадрид небезуспешно доказывает свою состоятельность в качестве социального целого, достаточно хорошо организованного, чтобы сохранять и отстаивать свой особый статус.

В первой половине XV в. становятся заметны изменения во внутренней жизни города, связанные с близостью королевской власти — двор все чаще бывает в это время в Мадриде. Значительно возросло число королевских грамот, адресованных Мадриду, — за первую половину столетия их было почти в два раза больше, чем за все предшествовавшее столетие. В это же время начинаются активные работы по переустройству Алькасара в качестве королевской резиденции. Мы можем судить об этом только на основании косвенных данных, так как здание полностью сгорело в 1734 г., а Королевский дворец, находящийся сейчас на его месте, — постройка, главным образом, XVIII в. Первое обновление — строительство нескольких новых башен — произошло в 1405 г., при Энрике III. Одна из них предназначалась для хранения королевской казны. При Хуане II и Энрике IV мадридский Алькасар в результате перестроек стал одной из самых значительных королевских резиденций. Хуан II пожелал, чтобы средневековый замок стал роскошным дворцом, обустроенным на новый манер, с залами, пригодными для проведения придворных церемоний. В это время впервые появляется должность главного строителя дворца, который планирует работы и наблюдает за их проведением. Уже в 1419 г. в перестроенном Алькасаре прошло заседание кортесов. Затем была сооружена Золотая башня с несколькими парадными покоем, а в 1434 г. освящена дворцовая капелла, которая строилась по проекту и под надзором Хуана Гарсии де Паредеса. В северной части дворца находилось еще несколько богато украшенных залов: в одном из них, так называемом «Роскошном зале», Хуан II принимал в 1434 г. послов из Франции. В восточной части располагались личные покои короля, которые

отделялись от покоев королевы на юго-восточной стороне каминным залом. Сохранялось открытое пространство перед дворцом — Кампо Реаль — для проведения турниров, состязаний и других церемоний.

Присутствие двора, строительство дворца меняло облик города, занятия и образ жизни горожан. В последней четверти XIV в. среди жителей Мадрида, судя по упоминаниям в документах, стремительно растет число служащих — клерков, секретарей, нотариусов — и появляются ремесленники, специальности которых востребованы главным образом в среде придворных: ювелиры, часовщики, краснодеревщики, кондитеры. Растущие и усложняющиеся потребности горожан приводят к активизации местной торговли. Прибыль от торговли позволяет многим местным купцам повысить свой социальный статус — они становятся кабальеро, получают доступ к должностям в городской администрации.

Строительные работы ведутся не только в Алькасаре, но и во многих районах города, специфическая городская застройка появляется там, где прежде велось сельское хозяйство. В город приезжают строители и каменщики, плотники, стеклодувы.

В Мадриде приобретают землю и строят дома представители знатных фамилий из разных частей Кастилии и из других королевств. При Хуане I здесь обосновывается арагонское семейство Сапата, тогда же приезжают Оканья; при Энрике III — семьи Эррера, Мармоль; при Хуане II — фамилии Лусон и Кордова.

Еще одной характерной особенностью жизни города в этот период стал рост роли скотоводческого хозяйства в экономике. Скотоводство было традиционным занятием в мадридских землях, и уже в XIII в. фиксируются местные организации скотоводов — *месты*; в Мадриде, Алькарасе и Уклесе они появились одними из первых в Кастилии. С конца XIV в. начинается рост как стационарных скотоводческих хозяйств, так и тех, что специализировались на отгонном скотоводстве, причем в первую очередь местном. На мадридских землях направление движения скота по специально от-

веденным для этого маршрутам происходило с севера на юг и обратно. Небольшие стада от 15 до 100 овец в конце октября — начале ноября начинали свое движение к северным границам Андалусии, откуда возвращались весной. Система путей следования стад объединяла все округа, образовывавшие альфос (округу) Мадрида. В XV в. увеличилось число средних стад, поголовьем от 100 до 400 овец. Владельцами скота были представители самых разнообразных слоев — богатые купцы, кабальеро города, ремесленники, жители поселений округа. Представители клира и монастыри также занимались этим доходным видом хозяйства, в частности монастырь Сан-Доминго-эль-Реаль владел очень крупным стадом в тысячу голов.

В Мадриде трижды в год происходили собрания месты: собственники стад и их пастухи собирались неподалеку от монастыря Сан-Мильян рядом с толедской дорогой. Первое собрание было в феврале на праздник Санта-Мария Канделария, после возвращения стад с южных пастбищ, затем летом на праздник Рождества Иоанна Предтечи, и третий раз — осенью, в Михайлов день, перед началом отгона на юг. Во время последнего собрания происходил сбор пошлин — по дорожной и на поддержание дорог и мостов, которые начислялись в зависимости от поголовья и длины пройденного пути. На этих же собраниях заключались сделки по продаже и покупке скота, происходил найм пастухов, решались конфликты между хозяевами скота и землевладельцами.

На землях Мадрида, кроме местных мелких и средних стад, дважды в год можно было увидеть и огромные стада, принадлежавшие могущественной Месте — организации крупных скотовладельцев, перегонявших свои стада с севера на юг через весь Пиренейский полуостров. А поскольку вред, причиняемый земледелию округа Мадрида стадами Месты, мог быть огромен, урегулированием отношений с ней занимался консехо города. С XIV в. власти Мадрида, во-первых, стремятся добиться изменения маршрутов следования скота Месты, чтобы они не проходили по территории, подвластной консехо. И во-вторых, чтобы алькальды Месты не вме-

шивались в конфликты между владельцами стад, не принадлежащими к жителям Мадрида, и консехо. В 1303 г. Мадрид получил от Фернандо IV привилегии, закреплявшие эти два положения. Впоследствии они несколько раз подтверждались. Однако появление в округе Мадрида крупных сеньорий, владельцы которых зачастую занимались скотоводством и были членами Месты, привело к постоянным нарушениям королевских решений. Поэтому консехо в 1418 г. заключает соглашение уже напрямую с Местой. По нему каждое стадо должно было пройти по отведенным для этого участкам на землях Мадрида в течение четырех дней и не более.

* * *

За сто лет — с середины XIV по середину XV века — облик средневекового Мадрида изменился очень сильно. По динамике роста он, видимо, обгонял в это время старые крупные и влиятельные консехо. Все свидетельствовало о приближении нового этапа в истории города, символическим прологом для которого стала королевская привилегия Энрике IV, дарованная 30 ноября 1465 г.⁵ В знак своей особой милости и благорасположения, а также в благодарность за верную службу король повелел отныне и впредь именовать Мадрид «благородным и верным городом» (*noble e leal Villa de Madrid*). Это стало особым титулом города, подобно тому как Толедо было принято именовать «имперским городом» (*Ciudad Imperial*). Кроме того, король повышал статус юрисдикции консехо: теперь вышестоящей апелляционной инстанцией для Мадрида становился не суд консехо Толедо, а королевская курия.

Почетный титул и новая юрисдикция свидетельствовали, что город Мадрид из небольшой приграничной крепости превратился в крупный политический центр королевства Кастилия, значение которого вполне осознавалось современниками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фуэро Мадрида 1202 г.¹

[Да пребудет с нами благословение Святого Духа. Начинается книга фуэро Мадрида, чтобы богатые и бедные жили в мире.]²

Это грамота, которую составил консехо³ Мадрида ради почести господина нашего короля Альфонсо и самого совета, чтобы богатые и бедные жили мирно и в здравии.

1. О том, кто нападет на горожанина⁴ или потомка горожанина⁵ с оружием.

Любой человек, который ударит горожанина или сына горожанина копьем, или мечом, или кинжалом, или дубинкой, или палкой, или камнем и нанесет ему рану, пусть будет изобличен двумя свидетелями и заплатит 12 мараведи⁶ доверенным лицам (судебным исполнителям).

2. О том, кто нападет с оружием и не нанесет ран.

Любой человек, который нападет на горожанина или сына горожанина с оружием и не ранит его, и при свидетелях, пусть выплатит 6 мараведи. Если же нет [свидетелей], пусть принесет клятву.⁷

3. О том, кто нападет с дубинкой или с камнем.

Любой человек, который нападет с дубинкой или камнем, и не будет ранений, пусть выплатит 6 мараведи, если будут свидетели, а если нет, то пусть клянется.

4. О том, кто оттаскает другого за волосы или бороду, или ударит кулаком, или лягнет ногой.

Любой человек, который оттаскает за волосы или за бороду горожанина или сына горожанина, или ударит кулаком, или лягнет ногой в таверне, на рынке, или на улице, или в любом другом месте, а тот не сделал и не сказал ему ничего плохого, и это будет доказано, то пусть выплатит 4 мараведи присяжным.⁸

[маргиналия: 1240 год эры⁹ (1202 г.)]

5. О том, кто оттаскает за бороду или ударит.

Если кто кого оттаскает за волосы¹⁰ и ударит кулаком по щеке или в грудь, и это будет подтверждено двумя свидетелями, пусть заплатит 2 мараведи присяжным, а если не будет свидетелей, то пусть принесет клятву.

6. О том, кто ударит горожанина в лицо.

Если кто ударит горожанина или сына горожанина кулаком в лицо и нанесет раны, пусть выплатит 10 мараведи присяжным, это при наличии свидетельств. Если же будут нанесены удары в лицо, но без ран, то пусть выплатит 5 мараведи.

[маргиналия]

7. О том, кто ранит горожанина или сына горожанина.

Если кто-либо ранит горожанина или сына горожанина в городе или за его пределами, среди бела дня, при свидетелях и останутся раны, то пусть подтвердят это два человека, и он заплатит штраф. Но прежде пусть алькальд решит, кем были нанесены раны. И если алькальд не сможет подтвердить, исполняя данную присягу, что раны нанесены тем человеком, против кого выдвинуто обвинение, пусть пострадавший клянется, демонстрируя свои увечья. И тогда ответчик заплатит половину штрафа. А если не будет подтверждения, то пусть [ответчик] клянется своей головой и будет освобожден от наказания.

Если же не будет свидетелей происшествия, случится ли оно ночью или днем, внутри города или вне его, пусть [истец] клянется, показывая свои раны, а ответчик платит. Если

же тот, кто себя защищает, скажет, что там были свидетели, пусть назовет их, а они пусть клянутся, что были в том месте в то время, когда произошла ссора. И если они не захотят выступить на судебном разбирательстве, пусть клянется истец своими ранами, а ответчик уплатит штраф присяжным.

8. О подозреваемом в совершении убийства.

Если кто-либо подозревает, что причиной смерти человека стали раны, которые нанес ему подозреваемый, пусть подтвердит это двумя надежными свидетельствами, и тогда ответчик пусть платит возмещение за убийство и будет изгнан как преступник. Если же свидетельств не будет, пусть ответчик клянется вместе с 12 добрыми горожанами и пребывает в мире.

9. О том, кто убьет горожанина.

Тот, кто убьет горожанина или сына горожанина, платит 100 золотых мараведи и возмещение за убийство. И эти 100 мараведи [fol. 2] надо разделить на три части и выплатить за три пятницы. В первую пятницу пусть выплатит родным убитого, во вторую — присяжным, а в третью пусть платит ту часть, что пойдет на сооружение стены,¹¹ и возмещение за убийство. И если не найдет 100 мараведи, то пусть ту сумму, что найдет, разделит на три части, и затем отсекут ему руку и выгонят из города как преступника. И когда его будут изгонять, пусть назначат двух поручителей, что он не совершит преступления в Мадриде и его округе. Если чужак¹² убьет горожанина или сына горожанина и не будет иметь средств уплатить штраф, то пусть его повесят. Если горожанин укроет изгнанного преступника в своем доме в Мадриде или в округе, то пусть платит 10 мараведи. И если при изгнании преступник не представит поручителей, то пусть его родственник платит штраф за любое преступление, какое бы он ни совершил. Две трети штрафа пойдут присяжным, одна треть — пострадавшему. И если будет истец, пусть отвечает в суде, если нет, то не отвечает.

[fol. 3] Если алькальды или аделантадо¹³ или четверо [присяжных] застанут драку, то пусть разнимут драку и за-

держат участников, если же, несмотря на это, люди продолжат драться, пусть уплатят штраф тем, кто их будет унимать. Если [вместо указанных должностных лиц] будет только один присяжный¹⁴ и горожанин, а дерущиеся будут им противиться, то пусть присяжный свидетельствует на основании принесенной им присяги, а горожанин принесет клятву на кресте. Тот, кого будут останавливать, должен заплатить 1 мараведи. И если горожанин, находящийся рядом с привратником, который производит задержание, не захочет подтвердить факт, пусть поклянется, что не услышал, что это задержание производится в его присутствии. А если не сможет поклясться, пусть уплатит один мараведи. Те, кого задерживают, пусть принесут очистительную клятву, если нельзя будет подтвердить их действия.

10. О камне.

Если кто-либо будет угрожать горожанину или сыну горожанина камнем, или башмаком, или черепицей, или пастушьим посохом, или костью, и это будет доказано, пусть уплатит 1 мараведи. Если бросит это, но не попадет, уплатит 2 мараведи, если попадет, но не ранит, уплатит 6 мараведи, а если будут ранения, то 12 мараведи. Если не будет (подтверждений), пусть принесет очистительную клятву.

[fol. 3 v]

11. Если кто-либо в городе или за его пределами ранит горожанина или сына горожанина булавой, или копьем, или дротиком, или мечом, или кинжалом, или дубинкой, или камнем, или каким-либо железным орудием, и потерпевший обратится к присяжным, пусть будет заперт до ближайшей пятницы и делает, как прикажут алькальды. И если так не поступит, а будет ходить по городу, и это будет подтверждено двумя свидетельствами, заплатит 5 мараведи. И за каждый день, сколько, по свидетельству, будет находиться вне дома, заплатит 5 мараведи присяжным.

12. О том, кто убьет горожанина.

Если кто-либо, дав гарантию безопасности или находясь на поруках, убьет горожанина или сына горожанина, пусть

заплатит 150 мараведи и будет изгнан из пределов Мадрида и округи как предатель и изменник, а его дома на земле кон-сехо будут разрушены. Его поручители пусть сами приведут убийцу в суд. А если [fol. 4] не смогут схватить убийцу, то пусть выплатят штраф, указанный выше в этой грамоте. Если убийца не сможет дать 150 мараведи, пусть заберут у него все, что найдут, и отсекут ему руку и изгонят как предателя и изменника из Мадрида и округи.

13. О том, кто нанесет ранения, находясь на поруках.

Если кто-либо, находясь на поруках, ранит горожанина или сына горожанина, но не убьет его, пусть выплатит 30 мараведи и больше не дает свидетельств и не занимает исполнительные должности в суде.

14. О том, кто насильно вторгнется [в жилище].

Если кто-либо вторгнется насильно с оружием в дом горожанина днем или ночью и убьет хозяина или хозяйку, или их потомка, или кого-либо из домочадцев, пусть выплатит 100 мараведи. Его дома на земле Мадрида должны быть разрушены, он сам уплатит возмещение за убийство и будет изгнан, если все произошло днем и есть свидетельства. Если все произошло ночью, то пусть свидетельствуют живущие [fol. 4 v] в доме и еще два достойных свидетеля из тех, кто прибежал в момент [преступления] на крики. И пусть клянется хозяин или хозяйка, что [ответчик] — тот самый человек, который убил или нанес раны, а [свидетели] — те люди, которые первыми прибежали на крики. И пусть скрепят клятву присяжные, и выслушает их совет. Если же свидетелей не будет, то пусть невиновность [ответчика] подтвердят 12 добрых горожан, и да пребудет он в мире. Из штрафа пусть третью часть получают родственники убитого, еще треть пойдет в уплату *azor* (на укрепление стен), и треть получают присяжные. И если убитый был оруженосец (*escudero*), или слуга горожанина Мадрида, или иной человек, живущий на его счет и его благодеянием (*a suo pan et a suo ben fer*), и, если [горожанин] придет на большой совет¹⁵ и скажет про этого человека: «Это мой слуга такой-то, и если бы он совер-

шил злодеяние, то я бы передал его суду или платил за него штраф», в таком случае, этому человеку уплачивают как за [убийство] горожанина. И если будет еще один убитый слуга, то за него платят 20 мараведи. Если же будет совершенно вторжение и нанесены раны, но без убийства [fol. 5], и будут свидетели, то пусть [ответчик] выплатит 50 мараведи, и исполнит все, что указано выше в этой грамоте. Если же свидетелей не будет, то пусть его невиновность засвидетельствуют 6 горожан, и он сам будет седьмым. Если же будет еще один слуга убит, то за него выплатит 10 мараведи при наличии свидетельств, а без них пусть трое горожан и сам ответчик подтвердят невиновность. Из суммы этого штрафа половину получают истцы, половину — присяжные.

15. О том, кто должен уплатить штраф.

Если кто-либо должен уплатить присяжным штраф и не имеет для этого средств, то, если штраф выше двух мараведи, ему следует отрезать уши, если же меньше, то его надо держать в яме до тех пор, пока не уплатит свой штраф или не оправдается. И тот, кто совершит такое, пусть будет изгнан из Мадрида и его округи.

16. О том, кто убежит, не уплатив штраф.

Если какой-либо человек сбежит, не уплатив штраф, наложенный на него судом, пусть присяжные, которые будут в это время судебными исполнителями, в соответствии с принесенной ими клятвой, сами соберут все штрафы, которые будут наложены на беглеца, если же не смогут собрать нужную сумму, пусть вершат правосудие, как описано выше.

[fol. 5 v]

Если житель округи убьет горожанина или сына горожанина, то заплатит полный штраф, который будет составлять 20 мараведи. Если же у него не будет достаточно средств, то путь его повесят. И горожанином является тот, у кого есть в Мадриде дом, и виноградник, и земельные владения. Если такой горожанин убьет жителя округи, у которого есть дома, виноградник и земельный участок, пусть платит 20 мараведи. Если же горожанин убьет жителя,¹⁶ который арендует

дом, или того, кто не является владельцем имущества, пусть уплатит 10 мараведи.

17. О том, кто убьет жителя округа.

Если горожанин нападет на жителя округа¹⁷ с оружием и нанесет ему ранения, пусть уплатит 5 мараведи. Если нападет на жителя округа, у которого нет наследуемого имущества, пусть уплатит 1 мараведи присяжным.

18. О том, кто ранит апортельядо.¹⁸

Если горожанин или другой человек ранит исполняющего судебную должность или человека, живущего в доме горожанина и за его счет, пусть уплатит 2 мараведи его господину. И это в случае, если ранение будет нанесено рукой или ногой, или за вырывание волос. [fol. 6] Если рана будет нанесена оружием, то пусть выплатит господину 6 мараведи. Если дело будут разбирать присяжные, то пусть половину штрафа получают они, а половину — господин, если преступление будет доказано. Если не будет свидетелей, то пусть приносит клятву. Если будет совершено убийство, то пусть выплатит возмещение за убийство.

19. О заговоре.

Если кто вступит в шайку, действующую в ущерб городу, и это будет доказано двумя свидетельствами, пусть уплатит 20 мараведи присяжным. Если же будет это отрицать, то пусть клянется вместе с двумя родственниками.

20. О том, кто вступит в шайку.

Если кто-либо соберет шайку и будет нападать на людей, подстрекать и устраивать вооруженные столкновения, что будет доказано двумя свидетелями, пусть уплатит 3 мараведи присяжным. Если свидетелей не будет, то пусть принесет клятву, что он не участвовал в банде, не злоумышлял и не подстрекал, и пусть пребывает в мире.

21. О том, кто оскорбит гостя.

Если человек оскорбит гостя горожанина, не предупредив предварительно так: «Поскольку этот человек — мой враг,

выгони его из своего дома», — а тот должен отправить его из дома до третьего часа следующего дня, и если оскорбит его до этого, то пусть выплатит 3 мараведи. И это за того гостя, который проживает не за свой счет. Половину пусть уплатит присяжным, половину — гостю. Если же он предупредит, как было указано выше, поскольку был оскорблен, то ничего не платит.

22. О том, кто оскорбит, оттащав за волосы.

Если горожанин оттащав за волосы, или ранит, или убьет пастуха или скотовода на своем пастбище, или на поле, или винограднике, или в саду и не захочет давать залог,¹⁹ а в его пользу будут надежные свидетельства, пусть ничего не платит, за исключением королевского штрафа, если же свидетелей не будет, пусть платит полное возмещение.

23. О том, кто сопротивляется алькальдам при взимании залога.

Если кто-либо окажет сопротивление алькальдам, или присяжным, или аделантадо, пришедшим ради блага консехо и во исполнение данной клятвы, чтобы получить залог, пусть заплатит один мараведи, а должностные лица пусть говорят правду во исполнение своей клятвы. И если кто толкнет или ударит в грудь [исполняющего должность], пусть заплатит ему 4 мараведи, если будут свидетели. Если исполнителем будет аделантадо, пусть его спутники возьмут штраф, а если будет алькальд или присяжный, то пусть присяжные получат штраф, если смогут доказать свидетельствами, если нет, то пусть очистит себя клятвой. Если же алькальд, или аделантадо, или присяжный, исполняя службу консехо, будет убит, либо ранен, либо оскорблен у горожанина или сына горожанина, то пусть будет уплачен двойной штраф.

24. О тех, у кого взят залог.

Если те, у кого присяжные взяли залог, в первую же пятницу не придут за ним, и присяжный объявит: «Приходи и выступи, чтобы оспорить залог», — а ответчик не придет вернуть [залог], пусть он будет аннулирован и взят новый. И все это [осуществляется] при свидетелях.

25. О том, у кого в доме живет сын.

Если живущий в доме у горожанина Мадрида под его покровительством сын, либо племянник, либо кузен, либо другой родственник совершит злодеяние, пусть сам передаст его в суд, если этого не сделает, то будет платить штраф в случае, если будут свидетели.

26. О поручителях.

Если присяжные, достаточно двоих присяжных или одного присяжного и алькальда, сказали кому-либо: «Гарантируй [безопасность] такому-то по фуэро Мадрида или найди поручителей», — а он не дал гарантий сразу же или не нашел поручителей в тот же день, пусть заплатит два мараведи присяжным и даст гарантии. И если, несмотря на это, ранит или убьет, то пусть подвергнется наказанию, как тот, кто давал гарантии. И если не найдет родственников, которые могли бы выступить поручителями, пусть назовет родственников, а присяжные сделают их поручителями. И кого бы ни сделали поручителями, пусть назначают их в присутствии двух присяжных либо одного присяжного и одного алькальда. И если не будет давать гарантий и не найдет поручителей — добрых горожан с домами и виноградниками и наделом в Мадриде, то пусть заплатит по два мараведи за каждый день из того срока, сколько это продлится. И если не даст поручителей, то пусть клянется, что не мог их найти, и будет изгнан из Мадрида. Если же не сделает так, то пусть платит 2 мараведи. И пусть даст эту клятву на следующий день после того, как у него потребуют поручителей. Если же нет, то пусть платит, как описано в этой грамоте.

27. О тех, кто вызывает на поединок.

Если кто-либо вызовет на поединок, выплатит присяжным 1 мараведи. И если вооружится и выйдет за пределы города и тому будут два свидетеля, пусть платит 50 мараведи присяжным. Тот, кто заставит выйти на поединок своего слугу, в шутку или всерьез, пусть платит 4 мараведи, если будут свидетели. Если нет, то пусть клянется в своей невиновности.

28. О запрещенных словах.

Если кто-либо обзовет горожанку или дочь горожанина «шлюхой», или «сукиной дочерью», или «прокаженной», а горожанина или его потомка назовет бранными словами «педераст», или «сын педераста», или «рогоносец», или «лжец», или «клятвопреступник», или «прокаженный», либо другим словом, запрещенным в этой грамоте, пусть заплатит полмараведи истцу и полмараведи присяжным, если будет иск. Если нет, то пусть клятвой опровергнет слова, которые произнес. Если же оскорбленный в ответ тоже произнесет такие слова, то пусть [зачинщик] не платит штраф, и они останутся квиты, и все должны подтвердить свидетели. Если не будет свидетелей, то [ответчик] пусть клянется на кресте, что ничего об этом не знает, и пребудет в мире.

29. О тяжбе.

Если кто-либо вступил в тяжбу [ответчиком] [fol. 8 v], пусть приведет с собой представителя или человека, с которым советуется, либо свидетеля, которого представит на суде. А если приведет больше, и при этом все равно будет признан виновным, пусть заплатит 2 мараведи: один — истцу, другой — присяжным, если же его вина не будет доказана, пусть клянется, что приводил не больше, [чем было необходимо], и тогда не платит штраф.

30. О том, кто придет на тяжбу по злому умыслу горожанина.

Если какой-либо человек придет на тяжбу по злому умыслу горожанина, не будучи при этом настоящим свидетелем, и это будет доказано, пусть уплатит 2 мараведи, один — истцу, другой — присяжным, но если будет иск, если нет, то пусть очистит себя клятвой. Без истца пусть не отвечает по суду.

31. О том, кто находился в месте совершения убийства.

Если человек находился в месте, где убили человека, пусть расскажет, что видел. Если ему не поверят, то пусть клянется, что видел именно это. Если не пожелает клясться,

пусть заплатит 3 мараведи присяжным, а присяжные возьмут с него залог до тех пор, пока не поклянется, а если все равно не сделает этого, пусть объявят его клятвопреступником.

32. О том, что никто не отвечает без иска.

Какова бы ни была ссора, пусть [никто] не отвечает, пока не будет иска.

33. О том, кто подаст иск.

[ЛАКУНА (утерянная тетрадь)]

[fol. 9]

...как указано в этой грамоте. Если же нет, пусть клянется вместе с двумя горожанами, что не нападал и не наносил этих ран, и пусть идет с миром. Если такие ранения нанесены одним кабальеро другому и если имеет привилегию, пусть не платит штраф.

34. О том, кто дал гарантию [безопасности].

Что касается обещания не убивать и не ранить, которое кому-либо приказали дать алькальды, то пусть два его ближайших родственника выступят гарантами. Если один скажет, что не решается дать ручательство, то пусть присяжные пойдут и обяжут его сделать это.

35. О возобновлении [тяжбы].

Если кто-либо, проиграв тяжбу по приговору алькальдов, откажется признать это, возобновит разбирательство и приговор будет подтвержден, пусть заплатит два мараведи: один — присяжным, другой — противной стороне.

36. Об обоюдной клятве.

Если кто-либо потребует у другого что-либо стоимостью выше половины мараведи, [fol. 9 v] пусть первым приносит обоюдную клятву. Если не станет, то можно ему не отвечать. Если поклянется, а затем выиграет, то пусть выплатит четверть за принесение клятвы, к которой принудил, и может потребовать то, что выиграл.

37. О том, в чем алькальды не смогут достичь согласия.

Если алькальды в отношении приговора не могут достичь согласия, пусть решат то, с чем согласно большинство. Если половина предлагает одно, а половина — другое, тогда пусть к ним присоединятся четыре присяжных короля, чтобы совершить верный выбор, и что большинство предложит, то и будет.

38. О том, кто обвинит алькальда во лжи.

Если кто-либо обвинит алькальда во лжи или скажет: «Вы вынесли ложное решение», — пусть заплатит 5 мара-веди.

39. О присяжных, которые будут брать залог.

Присяжные, которые возьмут залог, пусть поместят [его] в доме присяжного, откуда бы не был залогодатель. Когда залогодатель сообщит о решении суда по своему делу присяжным, а они не вернут залог, пусть присяжный удвоит его из своего прихода. Если за свою вину ответчик уже дал залог, и, несмотря на это, присяжные придут взять с него залог, пусть оставят судебную должность, поскольку нельзя им доверять.

40. О выгонах и подходах [к воде].

Пусть судебные власти Мадрида объявят, где находятся общие выгоны, куда скот может свободно приходить и пить воду.

Там, где Мангранильо выходит Хараме, где Беба выходит к Хараме. Другой подход к воде находится в деревне Беле-него и Хуана Муньоса, другой — между ручьем Рехас и деревней Иоанна Муньоса и Атарафаль. Другой подход к воде находится в Кебрада, еще один у брода Сиды Фортеса, ведущий к реке Энарес. Другой — от Беруезко до межевой тропы, еще у брода Каррос, и вниз от брода Салсе, от Калабасас до Конгосто, там, где Нобилес подходит к Гуадарраме, и дальше вниз по течению, пусть скот пьет воду. Еще водопой у брода Ареносо от Торре Абен Криспин до пещеры Олмеда; от пещеры Мораль-дель-Альмуна до Кодо [fol. 10 v], ниже домов, еще один, где Рабоду подходит к Гуадарраме. От ручья Фонте Фо-

роса до рощи Педро Глюдио, от того места, где расположено водяное колесо, пусть скот подходит к воде где угодно. И там, где Аточа протекает по Балнегар и ниже. И от виноградника Санчо Косо вверх, если кто будет обрабатывать землю там, потеряет обработанный участок и выплатит 60 солидов. На лугу Караке пусть свободно пасутся быки и другой скот, за исключением тех участков, что распаханы. И также от виноградника Локрабоно до поля Мофадаля, где сеют лен, и около верхних источников, куда приходит скот на водопой.

41. О том, кто поймает свинью в винограднике.

Если кто-либо поймает свиней в своем винограднике, пусть получит с марта до сбора винограда по два динара и меaxe за голову. И может получить штраф деньгами либо долей урожая, как пожелает. Если же урожая не будет, свой [fol. 11] штраф не теряет. Если же свиней будет больше 10 и одну убьет, пусть [туша] остается на месте, за исключением свиньи, находящейся на откорме. И пусть поклянется хозяин виноградника, что застал свиней в винограднике и поэтому убил одну и оставил там.

42. О пасхальной неделе.

Во время пасхальной недели пусть ведут себя, как полагается по фуэро. Пусть ни с кого не берут залога, и, если кто-либо должен что-то дать (в залог) и не сделал этого до дня Лазаря, пусть принесет клятву и удвоит залог ради Пасхи, если только дело не касается наследуемого имущества.

43. О страде.

Любой, кто занят сбором урожая зерна, пусть не отвечает своему противнику в суде, а этот не отвечает ему. Те, кто не занят сбором урожая, пусть продолжают разбирательство. Время сбора урожая длится с первого июня до первого августа.

44. О том, кто приносит ложную клятву или лжесвидетельствует.

Если будет доказано двумя надежными свидетелями, что кто-либо принес ложную клятву или лжесвидетельствовал, и

алькальды это увидят, что это правда, то пусть обреют его и не допускают больше свидетельствовать. Если это будет женщина, пусть прогонят ее палками по всему городу и пусть больше не свидетельствует.

45. О том, кто нанесет рану или оттаскает за волосы в консехо.

Если кто-либо нанесет ранение или оттаскает за волосы горожанина в суде или на большом совете, то те, кто будет помогать пострадавшему, не платят штраф, а те, кто будет помогать нападавшему, пусть выплатят 20 мараведи присяжным.

46. О доме горожанина.

Если кто-либо войдет в дом горожанина ночью с умыслом сотворить злодеяние и обесчестит хозяина дома или хозяйку, и это будет подтверждено двумя свидетелями, пусть заплатит 50 мараведи. Если свидетелей не будет, пусть клянется вместе с 6 горожанами. Из штрафа пусть две трети возьмут присяжные, а третья — истцу.

47. О глухом и немом.

Если кто-либо нанесет оскорбления или раны и окажется, что он глухой, или немой, или не в своем уме, то пусть не платит штраф, и ему никто ни за что не платит.

48. О том, кто убьет чужака.

Любой горожанин, который оскорбит или убьет чужака, пусть ничего не платит. Если чужак оскорбит или убьет горожанина или жителя округа, пусть платит полный штраф.

49. О том, кто застанет своего родственника.

Если горожанин Мадрида увидит, что его брат или родственник намеревается убить кого-нибудь, или убил уже, или оскорбил, и если это произошло без умысла, пусть ничего не платит. Если будет подозрение, что он нанес оскорбление по злему умыслу, то пусть очистит себя клятвой вместе с двумя добрыми горожанами или родственниками и не платит штраф. Если же не сможет поклясться, пусть платит штраф.

50. О том, кто убьет домовладельца.

Если кто убьет домовладельца или потомка домовладельца города, пусть уплатит городской штраф. И если не сделает этого, да свершится над ним правосудие. Домовладельцем является тот, кто имеет собственный дом в Мадриде и виноградник либо земельный участок. И если такой домовладелец убьет жителя, который арендует дом, пусть уплатит 20 мараведи.

51. О тех, кто играет в чито.

Если кто-либо, играя в чито, бросит камень, ранит кого-то, но не убьет, пусть поклянется вместе с 6 горожанами, что не хотел ранить, и пусть выплатит сумму, достаточную для лечения раны, а другого штрафа пусть не платит. Если не сможет принести клятву, пусть платит штраф.

52. О каменщиках.

Каменотес, который вытесывает камень не в 7 ладоней, пусть платит 1 мараведи присяжным.

53. О входе в суд.

Если кто-либо войдет в суд без позволения присяжного, отвечающего за вход, пусть заплатит восьмую мараведи,²⁰ исключая апортельядо.

54. О вынесении приговора.

Тот, кто должен идти на судебное заседание, пусть входит только с разрешения со своим представителем, после того как будет вынесен приговор, пусть выходят вон. И если после этого они там еще останутся, пусть платят каждый по четверти мараведи.

55. О посыльных.

Посыльные пусть стоят у дверей суда снаружи. Если кто-то из них войдет, когда алькальды ведут разбирательство, без позволения присяжных, пусть уплатит восьмую мараведи. И тот, кто будет городским посыльным, но не будет являться к суду каждую пятницу, заплатит восьмую мараведи.

56. О рыбаках.

Пусть рыбаки всегда продают рыбу на рынке. Карпа за 1 мараведи арробу с половиной, усача — арробу с четвертью за мараведи, если 2 усача весят фунт. Это пусть продают арробу с четвертью за мараведи, а прочую мелкую рыбу две арробы за мараведи, за исключением харамуги, из садков и сетей. В отношении кого будет доказано, что он продает рыбу людям из округи, тот пусть заплатит 10 мараведи присяжным. Пусть всю рыбу продают на вес, за исключением харамуги, и тот, кто продает не на вес, заплатит 2 мараведи присяжным. И тот, кто будет ловить рыбу в Гуадарраме в период от Пятидесятницы до дня св. Мартина [fol. 13 v] сетями, и будет доказано, заплатит 2 мараведи. И если кто соорудит на Гуадарраме запруду, или плотину, или канал или бросит траву туда, и это будет доказано двумя свидетелями, пусть заплатит 10 мараведи. А кто в Хараму бросит траву, заплатит 10 мараведи. Если будет отрицать, пусть клянется с двумя добрыми горожанами и идет с миром.

57. О мясниках, которые продают мясо.

Пусть майордом присяжных проверяет цены мясников, которые продают мясо домашних животных, каждый месяц. Мясо молодой козы или молодая баранина стоит 3 динара. Мясо старой козы или овцы стоит два динара и меаху. Мясник, который будет продавать мясо с иудейской бойни, кошерное и некошерное, заплатит 12 мараведи, если у него не будет этих денег, тогда пусть будет повешен. И кто не захочет за такую цену рубить мясо, пусть заплатит 2 мараведи присяжным, а судье — его штраф, и пусть не рубит мясо в этот год. И все, что про это записано, исполнять, если будет доказано [fol. 14] свидетельствами, и тогда платит штраф. Если не будет свидетельств, то пусть очистит себя клятвой вместе с двумя добрыми горожанами, которые не являются мясниками.

58. О том, кто займет выгоны.

Тот, кто займет выгоны или подходы к водопою, пусть заплатит 2 мараведи присяжным.

59. О ткачах и шерстянщиках.

Все шерстянщики и ткачи пусть валяют шерсть и ткут, используя кану. У шерстянщиков 50 кан грубого сукна стоят четверть [серебряного мараведи]. Ткач изготавливает 50 кан грубого сукна за четверть. Чесальщик зовет хозяина или хозяйку, закончив чесать, если не вызовет, заплатит 2 мараведи. Чесальщик отдает отходы хозяину шерсти. Если не захотят за ними прийти, шерсть и отходы получает тот, кто обнаружит их бесхозными. Ткачи пусть изготавливают 22 каны льняной ткани за четверть, ткани из льна, смешанного с шелком, 16 кан за четверть. Дерюги и грубых тканей — 25 кан за четверть. И тот, кто не будет работать в соответствии с этим фуэро, пусть платит два мараведи присяжным. Тот, кто нарушит расценки, и это будет подтверждено двумя свидетелями, пусть заплатит два мараведи присяжным; если нет, то пусть приносит клятву.

60. О тех, кто покупает зерно.

Тот, кто купит зерно, чтобы продавать с повозки, пусть заплатит 2 мараведи присяжным. Горожанин, который вывезет зерно из города, чтобы продавать его с повозки, пусть заплатит 2 мараведи, если будет доказано. Если нет, пусть очистит себя клятвой вместе с двумя горожанами.

61. О мяснике и виноделе.

Если будет подозрение, что мясник, или винодел, или торговец нарушают установленные расценки, пусть это подтвердят два добрых горожанина, и тогда заплатят 2 мараведи. Если не будет свидетельств, то пусть очистят себя клятвой вместе с двумя горожанами. И то же в отношении ткачей, если будет доказано, а если нет, то пусть приносят клятву.

62. О булочнице

Всякая булочница, которая будет выпекать хлеб неправильного веса, заплатит полмараведи, если таких хлебов будет больше трех.

63. О том, кто купит бочку вина.

Если кто-либо купит бочку вина, то пусть продает его по установленной цене [fol. 15], как делают трактирщики. И если будут продавать дороже, пусть заплатят два мараведи и продают по установленным ценам. Хозяин бочки может продавать, как захочет. Если винодел или трактирщик будет продавать вино не за ту цену, за которую купили, и это будет доказано двумя свидетельствами, пусть заплатят два мараведи присяжным, если не будет, то пусть клянутся вместе с двумя горожанами.

64. Пусть не забирают в залог вещи у тех, кто придет с товаром.

Пусть не берут залога у тех, кто придет в Мадрид с караваном и привезет что-либо на продажу, а если кто-либо возьмет залог, то заплатит 2 мараведи присяжным короля и вернет взятое.

65. О том, кто возьмет залог силой.

Если человек придет за залогом, а его не пустят в дом, но он все равно войдет, и его там оттаскают за волосы или ранят, то пусть [пострадавший] не платит штраф. Если же войдет, [несмотря на запрет] и применив силу, но не будет ранен в доме, пусть заплатит 60 мараведи.¹

[fol. 15 v]

66. О том, кто разбил виноградник.

Если кто-либо разбил виноградник и через год не смог возместить залог, пусть с него не требуют. Если кто-либо построил мельницу или что другое и через год не выплатил залог, пусть с него требуют.

67. О том, как потребовать виноградник или дом.

Если кто-либо из горожан потребует у другого виноградник, или дом, или что-либо другое из имения и представит два свидетельства о том, что еще при жизни его родителей были выдвинуты эти требования, и истец поклянется, что не смог получить свое право. Тогда пусть отвечает тот, кому

на момент иска принадлежит владение. Если у него не будет свидетелей, пусть поклянется, что не знал, что у его родителей не было прав на это владение и что они не выплатили обязательства по нему, и пусть не отвечает по иску и не прибегает к защите по фуэро. И так было угодно господину нашему императору во времена Родриго Фернандеса в год эры 1183 (1145) и это было установлено и подтверждено [fol. 16 r] императором в присутствии графов и правителей на выгоне у брода Умера.

68. О мавре с украденным.

Если мавр будет схвачен с украденной вещью и будет свободным, то его надо повесить, если пленным, то отрубить ногу. Мавр, который ранит или оттаскает за волосы христианина, и будут свидетели мавр и христианин, что он первым напал, то пусть выплатит 60 солидов, если обратится к присяжным. Если кто оттаскает за волосы или ранит мавра, пусть уплатит 1 мараведи его господину. Если один мавр ранит другого, и оба будут пленниками, пусть заплатит 1 мараведи господину. Если мавр станет христианином и умрет без наследников, то его имущество получают его господа. И тот, кто захочет пренебречь этим ограничением, с Божьей помощью пусть не получит долю, аминь. Если какого-либо мавра освободили после истечения срока [рабства], а его потребовал другой сеньор (кому он принадлежал раньше), то пусть он вернется к старому сеньору без уплаты штрафа. Мавры, которые ушли, заплатив выкуп, или уехали в другое место [fol. 16 v], пусть будут захвачены теми, кто пожелает. В пользу свободного мавра могут свидетельствовать один мавр и один горожанин-христианин. По делу пленника-мавра могут клясться два христианина, а штрафы платит господин. По делу мавра, который находится в рабстве до уплаты денег либо до определенного срока, пусть свидетельствуют христианин и мавр. Если мавра обвинят в воровстве, то пусть дадут два надежных свидетельства, и тогда ему отрежут ногу. Если свидетелей не будет, то пусть освободит себя при помощи клятвы, которую принесет вместе с господином. Ес-

ли же сеньор не захочет клясться с ним, пусть ему отрежут ногу. Если мавр, у которого договор с господами, сбежит, то пусть они отрежут ему ногу, а если этого не сделают, заплатят 10 мараведи присяжным.

69. О том, кто достанет оружие.

Если кто-либо достанет оружие против горожанина и будет преследовать его, пусть заплатит 5 мараведи присяжным. Если человек достанет нож и будет угрожать горожанину или потомку горожанина, пусть заплатит два мараведи. Если у него не будет чем заплатить, то пусть ему отрежут руку. Без иска пусть не отвечает.

[fol. 17]

70. О луге Аточа.

Луг Аточа пусть остается пастбищем от Фуэнте-дель-Мансано, где сходятся ручьи из долины и ниже, до места, где начинаются огороды, размеченные знающими людьми из консехо, и пусть всегда остается свободной землей для строительства оборонительных сооружений. И кто выпустит туда скот, пусть выплатит четверть мараведи с каждой головы. И если откажется дать залог за скот, пусть заплатит 1 мараведи присяжным. И тот, кто застанет там [скот], пусть возьмет половину, в присутствии свидетелей. Если свидетелей нет, пусть клянется, и ему дадут его скот.

71. Лес.

Лес Вальекас, в той мере, в какой принадлежит консехо, мельницы и канал из ренты Рибас, которые там принадлежат консехо, пусть остаются свободными для оборонительных сооружений Мадрида по фуэро. И пусть сборы от продажи мер зерна, соли или других плодов, которые сделает консехо, идут на сооружение укреплений по фуэро.

72. О посыльных.

Если посыльный придет в селение арестовывать имущество без приказа алькальдов, или присяжных, или аделантадо, или консехо, пусть заплатит 1 мараведи.

73. О майордомах присяжных.

Если майордомы присяжных прикажут продавать рыбу дороже, чем указано в фуэро, или если что-то из товара получат, пусть считаются клятвопреступниками и выплатят 1 мараведи своим сотоварищам.

74. О том, кто заберет скот.

Если житель Мадрида заберет чужой скот без разрешения хозяина, и будут тому свидетели, пусть заплатит вдвое и 1 мараведи присяжным, если будет иск.

75. О том, у кого назначен поединок.

Если кто-либо должен участвовать в поединке на большом совете, пусть сражается в воскресенье. Если устроит поединок в другом месте, и тому будут два свидетеля, пусть заплатит 1 мараведи присяжным.

76. О том, кто найдет скот.

Если кто-либо найдет скот или мавров и не сообщит об этом в первое же воскресенье на консехо, пусть заплатит 1 мараведи присяжным, если будут свидетели.

77. О том, кто должен взять залог.

[fol. 18]

Если кто-либо придет взять залог, пусть в первый день ему дадут на одну восьмую мараведи стоимостью. Если [ответчик] залог не даст, а объявит: «Ты не войдешь в мой дом, поскольку я тебя не пущу и не дам тебе залог», — то пусть тот пожалуется судье, а тот отправит с ним сайона. Пусть они отправятся и возьмут залог — часть его для судьи, часть для горожанина [истца. — *Г. II*], а сайону пусть уплатит одну восьмую мараведи. И через восемь дней пусть дает залог истцу стоимостью в 1 мараведи ежедневно до тех пор, пока не будет решено дело.

78. О кузнецах, которые изготавливают лопаты.

Все кузнецы, которые делают лопаты, пусть берут по 1 мараведи за 12 штук. Если будут брать дороже, заплатят 1 мараведи присяжным. Те, кто изготавливает подковы для

мулов или для лошадей, пусть продают их по цене 31 пару за 1 мараведи, а ослиные подковы 60 пар за мараведи. И те, кто не будет соблюдать эти цены, пусть заплатят присяжным по 1 мараведи за каждый день нарушения.

79. О том, кто не является горожанином Мадрида.

Все, кто не является горожанином Мадрида, пусть платят [fol. 18 v] портазго. Если кто-либо скажет, что является горожанином и две трети года проживает в Мадриде, пусть клянется вместе с двумя горожанами и не платит портазго.

80. О весах.

Пусть на всех весах города взвесят золото, и тот, у кого обнаружат обман, пусть заплатит 10 мараведи присяжным.

81. О том, кто высечет потомка слуги.

Если кто-либо высечет потомка слуги или его жену, или человека, который живет в его доме за его счет и по благодению, пусть выплатит возмещение как за жителя Мадрида.

82. О жителях.

Если кто оттаскает жителя за волосы или ударит кулаком или ногой, то пусть заплатит 1 мараведи. Если нападет с копьем, или мечом, или кинжалом, или дубиной, или с камнем, или с железным орудием, или с палкой, пусть заплатит 3 мараведи присяжным. Это в случае смерти пострадавшего. За нанесение ран пусть платит тому жителю, у кого есть съемный дом.

83. О требухе.

Кто будет мыть требуху выше моста Сан-Педро, пусть заплатит одну восьмую мараведи присяжным. А кто найдет сокола и [fol. 19] в первое воскресенье не принесет и не заявит о нем в консехо, пусть заплатит 1 мараведи присяжным.

84. О свидетельских показаниях.

Если кто-либо должен будет представить свидетельства в суде, а противная сторона не поверит, что они правдивые, пусть тот, кто их представит, клянется, что они подлинны, и

затем подтвердит это. Если не захочет клясться, тогда теряет [свидетельские показания].

85. О навозе.

Тот, кто будет выбрасывать навоз в городе на улицу или в другом месте, у ворот Гвадалахары или у других ворот, где стоят верстовые вехи, заплатит одну восьмую мараведи присяжным, если будут свидетели. Если не будет, пусть принесут клятву. За это посыльные пусть берут залог. Если не будут давать залог, заплатят четверть мараведи.

86. О том, кто даст скот альгвасилу.

Если какой-либо человек даст самому альгвасилу или через другого для него овцу или ягненка, пусть заплатит 5 мараведи, половину — аделантадо, половину — присяжным. И пусть возьмут во исполнение принесенной ими клятвы.

[fol. 19 v]

87. О штрафах альгвасилу.

Если альгвасил взял залог у кого-либо, а он не пришел уплатить штрафы, как положено по праву, то в период [между получением залога и уплатой штрафа] пусть альгвасил в консехо объявляет требование уплаты в течение 9 дней, и если за это время их не сможет вытребовать, то после этого альгвасил не будет ему (отштрафованному) отвечать.

88. Об отказе платить штраф.

Тот, кто откажет в плате посыльному, который придет за залогом по приказу аделантадо или присяжных, пусть даст четверть мараведи, если будут свидетели.

89. О том, у кого есть дом в городе.

Если кто-либо, у кого есть дом в городе, не живет в нем две трети года, пусть платит 2 подати: одну как житель округи, другую вместе с горожанами.

90. О взимании штрафов.

Те штрафы, что наложены по приговору или по фуэро, не могут быть отменены. Но если присяжных просили раньше, то могут отменить, не становясь при этом клятвопреступниками.

[fol. 20]

91. О том, кто вырубит виноградник.

Если кто-либо вырубит чужой виноградник или сад в Мадриде или округе, то выносить ему приговор как вору. Равно, если сожжет дом или убьет по злему умыслу быка или корову, жеребца или кобылу, мула или осла, и будет доказано двумя свидетелями, судить его как вора. Если свидетелей не будет, пусть очистит себя клятвой вместе с 6 горожанами.

92. О том, кто повредит виноградник.

Если слуга повредит чужой виноградник или возьмет плоды из чужого сада или виноградника, и будет подтверждено двумя свидетелями, пусть заплатит 5 мараведи. Если не будет свидетелей, пусть принесет клятву вместе с еще одним человеком. Если не будет такого человека, что станет клясться с ним, пусть заплатит 1 мараведи присяжным, если будет иск.

93. О том, у кого есть меры.

Всякий, у кого есть меры, если будет следить за тем, чтобы они были правильными, то ничего не заплатит. Если же они будут изменены [fol. 20 v], пусть заплатит 2 мараведи присяжным, а альгвасилу — его штраф. Если присяжный, или альмотасаф, или другой захочет какие-либо из этих мер проверить на месте, где они были взяты, пусть сделает это. Если же меры унесут до этого, пусть заплатит 2 мараведи присяжным. И если хозяин мер не захочет дать их для измерения или взвешивания, пусть заплатит как обманщик, если будут свидетели.

94. О гитаристе.

Если в Мадрид приедет музыкант на лошади и станет исполнять песни в консехо, а консехо он так понравится, что пожелают отблагодарить его даянием, пусть не дают ему больше 3 с половиной мараведи. И если присяжные дадут больше, то пусть считаются клятвопреступниками. И если кто-либо из консехо скажет: «Дадим ему больше», — пусть заплатит 2 мараведи присяжным.

95. О тех, кто носит оружие.

Если кто-либо, кто носит оружие с разрешения алькальдов и присяжных, ранит им горожанина Мадрида или его потомка, пусть заплатит 12 мараведи и будет изгнан как враг. Если будет угрожать этим оружием [fol. 21], заплатит 6 мараведи. И если передаст оружие другому, а тот нападет с ним или будет угрожать, также пусть заплатит. Если же просто передаст, а нападения не будет, пусть заплатит 6 мараведи присяжным. Если отдаст оружие и сам нанесет им раны, и пострадавший умрет, то пусть будет изгнан и заплатит все штрафы, которые записаны в этом фуэро, если будут свидетели. Если свидетелей не будет, пусть очистит себя клятвой вместе с 12 горожанами, если будет убийство. За передачу оружия пусть клянется с 2 горожанами.

96. О приговоре судьи.

Если приговор судьи не касается людей из его собственного дома, или королевских слуг, или мавров, или иудеев, которые принадлежат королю, и если это не приговор большого совета, то пусть не судья оглашает его. Ему [судье. — Г. П.] следует остаться в суде, а глашатаи пусть объявляют приговор, алькальды будут следить за его исполнением, и они же соберут те штрафы, которые надо уплатить.

97. О жителе округа, который не пришел по вызову.

Если житель округа не явится по вызову альгвасила по истечении трех дней, после того как ему сообщат о вызове, пусть уплатит полмараведи судье.

98. О том, кто отказывается уплатить штраф.

Если кто-либо откажется дать штраф майордомам по сбору подати на укрепления, пусть заплатит два мараведи: один — присяжным и один — майордомам, если будут свидетели. Если нет, то пусть приносит клятву.

99. О кроликах.

Пусть тушки кроликов продают по цене ливр за пару, если будут продавать дороже, пусть заплатят 2 мараведи присяжным. Если кто-либо будет продавать кролика цели-

ком, вместе со шкурой, пусть заплатит 2 мараведи, если горожанин Мадрида. Если горожанин купит неосвежеванного кролика, пусть уплатит 2 мараведи, а кролика заберут. Если неместный купит неосвежеванного кролика, тот, кто это обнаружит, пусть заберет его, ничего не уплачивая. Кто будет продавать кроликов, или зайцев, или куропаток с телеги, пусть уплатит 2 мараведи присяжным.

100. О шкурах.

Если кто-либо продаст шкуру жителю округи, пусть заплатит 10 мараведи. И если [fol. 22] вывезет шкуру из города, заплатит 10 мараведи и потеряет шкуру.

101. О взвешивании муки.

Если иудей или христианин взвешивают муку, пусть делают это там, где стоят общие весы. Если этого не сделают, пусть платят присяжным 10 мараведи на выходе оттуда. И пусть будут одинаковые меры веса — арроба, половина арробы, четвертая часть, пятая и треть, чтобы не было никакого перевеса. А если у кого-либо будет спрятан дополнительный вес или помещен в мешок, пусть заплатит 10 мараведи.

102. О собаках.

Если у кого-либо есть виноградник за пределами города, и он скажет хозяину собаки: «Привяжи свою собаку, поскольку она портит виноградники», — а тот этого не сделает, и собака будет поймана в винограднике, и будет подтверждено это двумя свидетелями, пусть будет уплачено 5 солидов. Половина тому, кто поймает собаку в винограднике, а половина — присяжным. В отношении этого клятвы не принимаются.

103. О садовнике.

Если садовник отберет плоды, которые посадил и вырастил, до того, как произведет раздел с хозяином сада, и это будет подтверждено, пусть заплатит 2 мараведи. Если не будет свидетелей, пусть клянется вместе с одним горожанином [fol. 22 v], который не является садовником, и идет

с миром. Если же будет доказано [нарушение], то уплатит 2 мараведи: один — присяжным, другой — хозяину сада.

104. О поединке.

Если кто-либо скажет другому: «Я вызываю тебя на поединок, докажу в поединке свою правоту» или «Я одолею тебя в поединке», — пусть заплатит 10 мараведи.

105. О тяжбе.

Пусть тяжба идет в том приходе, откуда алькальд, который разбирал дело. Если оно происходило там, то пусть решит на месте. Если происходило не там, то пусть оба алькальда назначат доверенное лицо, у которого узнают.

106. О птичниках.

Если птичник или птичница купит куриные яйца или курицу, чтоб перепродать, пусть заплатит 2 мараведи. И если птичник или птичница купит у жителя Мадрида или округа плоды, чтобы перепродать, и будет доказано, пусть заплатит 2 мараведи. Если нет, то пусть очистит себя клятвой вместе двумя горожанами.

107. Одеяния присяжных.

Четверо присяжных короля, алькальды и присяжные ради пользы [fol. 23] города и всего консехо постановили следующее: никто из алькальдов или присяжных пусть не делает себе облачение за счет судебных штрафов. Если нарушит, пусть считается клятвопреступником.

108. О ранах, нанесенных железным оружием.

Если кто-либо нападет на горожанина или потомка горожанина с копьем, или с мечом, или с кинжалом, или с дубиной, или с палкой, или с камнем и нанесет раны, и это будет подтверждено двумя свидетелями, пусть заплатит 12 мараведи присяжным и будет изгнан как враг на год. Если его встретят, пусть не убивают его и не ранят, а высекут и схватят. Если его не высекут, через год может просить консехо за себя, и консехо пусть примет его. Если не будет подтверждено, пусть очистит себя клятвой вместе с двумя горожанами.

109. О кинжале.

Если кто-либо принесет заостренный кинжал, или копье, или меч, или дубину, или железное оружие, или дротик на ристалище, или в предместье, или в город, или на рынок, или на заседание консехо, пусть заплатит 4 мараведи присяжным, если будет подтверждено двумя присяжными или одним присяжным вместе с одним [fol. 23 v] горожанином. Свидетельство присяжного действительно в силу принесенной им клятвы, а горожанин пусть поклянется на кресте. Пусть подтвердят, что ходил с оружием по городу или был в местах, огражденных от всякой опасности, и тогда заплатит 4 мараведи присяжным. И если присяжные скажут: «Разреши тебя обыскать», — и будут при этом два присяжных или один присяжный и один горожанин, и не разрешит себя обыскать, пусть платит 4 мараведи. Если присяжные не смогут подтвердить, пусть принесет клятву вместе с одним горожанином, что ходил [с оружием] за пределами мест, где это запрещено. Если не сможет поклясться, пусть заплатит 4 мараведи присяжным. Ночью или днем будет в этих местах с оружием, все равно пусть платит. Если мясник будет не за прилавком или не рядом с корзиной с мясом с ножом или топором, пусть заплатит 4 мараведи присяжным. Горожанин Мадрида пусть ни за чужака, ни за того, кто на поруках, если не будет ранений.

[fol. 24]

110. Во имя Господа милостивого. Это суть пожалованная грамота, которую составили консехо Мадрида и его господин, король Альфонсо:

1. Кто изнасилует женщину, умрет за это.
2. Кто убьет человека после того, как поприветствует его, умрет за это.
3. Кто убьет человека, дав гарантии его безопасности, умрет за это.
4. Кто убьет человека в консехо или напав исподтишка на находящегося где-либо или едущего куда-либо, умрет за это.

5. Если кто-либо повредит чужой дом или обрушит его, при этом не имея своего дома, пусть заплатит двойную цену дома пострадавшего. И если ему будет нечем платить штраф, пусть его схватят и держат взаперти в доме альгвасила, пока не заплатит. И если не выплатит в течение 27 дней, пусть ему не дают ни еды, ни питья, пока не умрет.
6. Кто будет признан вором или схвачен с украденным, умрет за это.
7. Если кто возьмет что-либо чужое силой, пусть отдаст вдвое против взятого, кроме того, заплатит 60 солидов штрафа и пойдет на работы по строительству укреплений.
8. Если кто убьет человека и не сможет заплатить штраф и возмещение за убийство, умрет за это.
9. Все штрафы, полагающиеся консехо, пусть идут на сооружение стены до тех пор, пока она не будет закончена.
10. Кто будет лживо клясться или свидетельствовать, пусть заплатит вдвое против того, о чем клялся или свидетельствовал.
11. Кто составит заговор или поддержит его, пусть заплатит 100 золотых и отправится на работы по сооружению стены.
12. Если кто умышленно [fol. 24 v] не вызовет на поединок того, кто убил его родственника, а вызовет другого, из-за подкупа, или по чьей-то просьбе, или по злому умыслу против него, тогда теряет право на месть врагу. И пусть платит возмещение за убийство, которое заплатил бы ему тот, как враг, если бы вызвал его как положено по праву.
13. Если кто принесет меч в город или поселение, если только не является расследователем, которому полагается [оружие] по праву, пусть заплатит 4 мараведи на сооружение стены.
14. Если кто-либо потребует у жителя Мадрида поручителя, а тот не представит такового, пусть будет изгнан

- как преступник. И если представит поручителя, пусть им будет тот, у кого есть сумма в 100 мараведи. Если поручитель захочет отказаться от поручительства, пусть его посадят под замок в доме альгвасила до тех пор, пока не даст другого поручителя. Те, кого должны повесить или убить за совершенное преступление, пусть платят полное возмещение по фуэро, которое обычно получал там сеньор, и пусть все получит город.
15. Если кто заплатит за получение должности алькальда, пусть его дома будут разрушены, он заплатит 20 мараведи и никогда не получит судебной должности.
 16. Если в Мадриде произойдет какое-либо возмущение и кто-либо из судей или тех пяти, которым предписано осуществлять правосудие, присоединятся с оружием к такому возмущению, пусть заплатят 20 мараведи, будут смещены с должности как клятвопреступники.
 17. Если кто-либо нарушит то, что написано в этой грамоте, я, король Альфонсо, предписываю, чтобы искали его по всему моему королевству, пока не повесят.
 18. В отношении описанных выше дел пусть должностные лица ведут расследование, и, когда дознаются о ком-либо, что совершил, что ему вменяют в вину, пусть вершат правосудие в соответствии с тем, как написано в грамоте.
 19. Если же судьи заявят [fol. 25], что не подтвердилось то, в чем его обвиняют, пусть оставят его.
 20. Так же, если судьи заявят, что в таком-то месте было совершено то, о чем говорят, против такого-то, но расследование не подтвердило и не опровергло совершенное, тогда пусть решают по местному фуэро. И тот, кто будет признан по местному фуэро виновным, пусть отвечает в соответствии с ним.
 21. И то, что записано в этой грамоте, пусть соблюдается до тех пор, пока это угодно королю и консехо. А когда королю и консехо не угодно, пусть живут по своему фуэро.

22. Вот судьи, которые должны следить за всем, что записано в этой грамоте: Johannes Petri, Garcia Nunnez, Martin de Logronio. И, сверх того, приказываю, чтобы еще четверо занимались расследованием того, о чем сказано в грамоте, вместе с другими пятью: Johs. Martini, Lop. Peidrez, Moriel Iohs, Johs. el Mozo.

Вот те, кто должен осуществлять правосудие, как описано в грамоте.

Из прихода Санта-Мария: Johs. Dominguez filius de Domingo Gastajo, Rodrigo el Grand, Ferrando carnicero, Don Iulian de Picos, Don Bastardo.

Из прихода Сан-Андрес: Johs. Gozaluez, Dnico. Uincen..... D.º Iohs. filio de Iohan Roman, Martin Perez, Munno Iohs, Garcia Garciez.

Приход Сан-Педро: D. Garcia filius. Petrus Rubio. D.º Dnici. Don Diago filio de Garcia Padierno. Don Marciel. D.º Iohanes de Alboheta.

Из прихода Сан-Хусто: Don Rodrigo, Johs. Stephani, Garcia el Grand, D.º Esteuan.

Из прихода Сан-Сальвадор: Petrus Michael, filius de Oreia, Bartholomeus Roman, Johan Garciez, Don Sancho.

Из прихода Сан-Мигель: Gil Garcia, Dnico. Blanco, Diag. Munnoz, Gomez Dnico, Esteuan d.º

Из прихода Сантьяго: Paschal Martin, Steuan Garcia, Johs. Sancho, Garci Paschal, Don Blasco el palledero, Gomez Iohs, Petrus Iohs, filio de Iohan Diaz, Pasqual Gozalu.

Из прихода Сан-Хуан: Garci Esteuan, Johs. Blasco, Don Lazaro, Manno Iohs, Dominico Ciprian.

Из прихода Сан-Николас: D.º Esteuan, Garci Fazen, Gozalu Diaz, Don Romero.

Из прихода Сан-Мигель де Капра: Don Garcia, Dnico. Peidrez el longo, Don Florent, Johan Cebrian.

23. Если что-либо будет препятствовать осуществлению правосудия присяжными, я обращусь против этого. Если препятствовать будут те, кто должен осуществлять правосудие, я обращусь против них. Если препятствовать будет консехо, я обращусь против него.

111. Ради чести нашего господина короля Альфонсо и пользы консехо было решено так: пусть бывшие присяжные называют новых. И если некоторые из тех, кого назовут, не захотят исполнять должность, пусть за каждый день [отсутствия] платят 10 мараведи, половину на укрепления, половину своим сотоварищам. И пусть это будет включено в фуэро навечно.

112. Присяжные, алькальды и консехо Мадрида решили так: если кто-либо будет гнать корову по городу, пусть заплатит 3 мараведи присяжным. Когда корову или быка ведут по городу, пусть ведут с двумя веревками — одна будет привязана к ноге, другая — к рогам. Тот, кто швырнет в корову или быка камень или заостренную палку, и тот, кто будет бегать по арене для боя быков с копьем или острой палкой, пусть заплатит 2 мараведи присяжным за деяния, запрещенные в этой грамоте.

[fol. 26]

113. Во имя Господа и его благодати. Консехо Мадрида относительно устранения... В грамоте консехо: тот, кто силой возьмет много или мало, пусть платит 60 солидов. Относительно этого [установления] консехо решил, что считает это дурным обычаем, и постановил, что, кто бы ни подавал иск по нему, пусть не имеет оно силы. Тот, кто будет истцом, пусть получит отнятое в двойном размере, а другого штрафа не будет. Если алькальд, или присяжный, или майордом консехо, или альгвасил, или кто другой будет судить по этому постановлению или требовать суда по нему, пусть считаются клятвопреступниками и впредь не имеют полномочий. Этот дурной обычай был [введен], когда Иоанн Гонсалес взял ренты, которые принадлежали замку... и при Паскуале и до не Аснаре, и Висенте Иоаннесе, и Педро Иоаннесе. Грамота составлена в ноябре в год эры 1257 (1219), в правление короля Кастилии и Толедо Фернандо.

114. Консехо Мадрида, присяжные и алькальды решили так: пусть тот, кто заявляет перед присяжными, что должен быть уплачен штраф, сначала с двумя горожанами из своего

прихода подтвердит, что [ответчик] является горожанином по фуэро или сыном горожанина. И пусть присяжные выносят решения о заключении под стражу только ответчика, а не другого человека.

115. Консехо Мадрида, присяжные и алькальды решили так: тот, кто женится в Мадриде на девице, пусть даст 50 мараведи на одеяния и чулки, на хлеб, вино, мясо, на обувь и не более того. Это все будет дано на свадьбу. Тот, кто женится на вдове, даст на свадьбу 25 мараведи. А невеста, девица ли, вдова ли, пусть даст жениху на свадьбу 25 мараведи на одеяние и не более. Любой житель округи, кто женится на девице, пусть даст на свадьбу 25 мараведи. А кто женится на вдове, даст 15 мараведи. И так, как предписано. А от невесты, девицы или вдовы, жениху — 15 мараведи и не больше, на одеяния и на свадьбу. В день помолвки пусть жених не устраивает пира. И всякий, кто нарушит это, пусть считается обманщиком и предателем консехо Мадрида, и не дает свидетельств и не исполняет судебных должностей, пусть заплатит 100 мараведи штрафа. Кто возьмет [на свадьбу] больше, пусть платит 100 мараведи, и кто даст больше, платит 100 мараведи. Пусть этот штраф возьмут присяжный [короля], алькальд и присяжный [города]. И если не будет этих сборщиков и консехо потеряет штраф, то они теряют должности как обманщики и платят... И кто бы ни попросил помощи для свадьбы, клирик... пусть платит 10 мараведи тот, кто просил, и 10 мараведи, кто дал...

[fol. 26 v]

...Улицы, которые должен сделать консехо. И это было установлено, когда были присяжными дон Диего Гарсиес, дон Педро Мартин де Ореха, дон Муньо Иоаннес, дон Санчо, сын Санчо Гарсия, Гарси Эстебан, дон Яге [Don garci garciez. Don pedro martin deoreia. Don Munno yuannes. Don S.º fide S.º garcia. Garci esteuan. Don Jaque]. Алькальдами были Garci perez, et Garcia yuannes, et Ferrand Gonçaluez. Don R.º jno. [jerno ó yerno] de Martin facen. Dngo. fierro. P.º dnguez. Diago munnoz. Juannes Aparicio. Don Florent fideltaco. Pedro martin fide don bastardo. Don Rodrigo fide pascal martin. Garci bicent.

Juannes martin. Eran fiadores D.^o dz. Don esteuan fide don fa-
gunt. Don simon. Don florent. Don bartotome jno. [jerno ó yerno]
de d.^o bicent. Esteuan d.^o S.^o romo. Martin bidal. Don martin dn-
guez. Ferrant perez. Don ferrando fide pascal martin. Don sancho
fide martin esteuan...

Было установлено в день св. Марка, в год эры 1273 (1235).
Гарсия Иоаннес меня сделал.

116. Консехо Мадрида, присяжные и алькальды решили так ради Господа и ради чести во имя службы королю дону Фернандо и с его помощью. Если в определенный период года кто-либо станет убивать рыбу, то он будет обманщиком и предателем совета и заплатит 20 мараведи. И пусть эти мараведи возьмут один присяжный [короля], алькальд и присяжный [города]. И если по упущению этих сборщиков консехо потеряет 20 мараведи, пусть будут обманщиками и предателями совета, лишатся должности и сами заплатят этот штраф. Эти 20 мараведи пусть пойдут на устройство проезжих улиц, которые должен делать консехо.

117. Жители Мадрида и округа пусть не продают ягнят на убой в период между днем св. Михаила и Великой Пасхой. Если кто продаст, пусть заплатит 20 мараведи. Пусть эти мараведи возьмут один присяжный [короля], алькальд и присяжный [города]. И если по упущению этих сборщиков консехо потеряет 20 мараведи, пусть будут обманщиками и предателями совета, лишатся должности и сами заплатят этот штраф. Эти 20 мараведи пусть пойдут на устройство проезжих улиц, которые должен делать консехо.

Перевод со староиспанского Г. А. Поповой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- El Madrid Medieval. Sus tierras y sus hombres / Ed. J. C. de Miguel Rodríguez. Madrid, 1990
- Gibert y Sánchez de la Vega R.* El Concejo de Madrid. Su organización en los siglos XIII al XV. Madrid, 1949.
- Las villas Romanas de Madrid. Madrid en Epoca Romana / Eds. E. de Carrera, A. Martín, A. Pérez. Madrid, 1995.
- Madrid. Atlas histórico de la ciudad siglos IX—XIX / Ed. V. Pinto Crispo. Madrid, 2001.
- Mazzoli-Guintard Ch.* Madrid, pequeña ciudad de Al-Andalus. Madrid, 2011.
- Montero Vallejo M.* El Madrid medieval. Madrid, 1987.
- Orígenes históricos de la actual Comunidad Autónoma de Madrid. La organización social del espacio / Ed. C. Segura. Madrid, 1995.
- Testimonios del Madrid medieval. El Madrid musulmán. Madrid, 2004.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Автономная область, или автономное сообщество (*исп.* *comunidad autónoma*), — основная территориальная единица административного деления королевства Испания.

² Под таким названием была издана часть труда «География», составленного Птолемеем во II в., где содержался перечень населенных пунктов и географических объектов с указанием координат.

Глава 1

¹ Месета — плоскогорье в Испании и Португалии, занимающее большую часть центра Пиренейского полуострова. Высота над уровнем моря колеблется от 600 до 1200 м.

² Тартесс — первое известное по письменным источникам государственное образование на Пиренейском полуострове, существовавшее на юге Испании в XII—VI вв. до н. э.

³ Наиболее известные подобные памятники расположены в окрестностях Алькала де Энарес, Алькоркона, Кадарсо де лос Видириос.

⁴ После административной реформы 27 г. до н. э., проведенной Октавианом Августом, Карпетания стала частью Тарраконской провинции. Позже в результате реформ императора Диоклетиана (284—305 гг.) эта область была включена в провинцию Картагена в составе диоцеза Испания.

Глава 2

¹ Ибн Хайян — полное имя — Абу Марван Хайян ибн Халаф аль-Куртуби, известный как Ибн Хайян (987 или 988—30 октября 1076) — арабский историк, живший в Аль-Андалусе, автор нескольких исторических трудов.

¹ Кордова перешла в руки севильского эмира Аль-Мутамина. Валенсия стала независимой тайфой в 1075 г. в результате восстания. Власть там захватил бывший приближенный Аль-Кадира — судья города Абу-Бакр.

² Фуэро — (*исп.* fuero) — запись норм местного права в средневековых королевствах Пиренейского п-ова.

³ Это традиционная транскрипция имени работодателя Исидро Пахаря. Можно предполагать, что она закрепила одну из устаревших форм написания имени Хуан: Ivan — Juan.

⁴ Архитектурный стиль, именуемый по названию группы населения средневековых христианских королевств Пиренейского полуострова, состоявшей из мусульман. Считается, что большинство средневековых построек в этом стиле возвели именно мусульмане.

⁵ В русской традиции имена этих святых передаются как Иуст и Пастор, однако для названия прихода мы будем использовать ту транскрипцию, которая передает его современный вариант.

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10393).

² В Приложении читатель найдет перевод «Фуэро Мадрида 1202 г.» на русский язык.

Заключение

¹ Даты кортесов, собиравшихся в Мадриде в XIV—XV вв.: 1309, 1329, 1339, 1390—91, 1393, 1419, 1435, 1462.

² Documentos del Archivo General de la Villa de Madrid. Madrid, 1888. Т. I. P. 387—390.

³ В европейской, в частности, испанской историографии принята нумерация правителей Киликии с 1198 г., когда впервые киликийский монарх был коронован согласно западноевропейским традициям, и поэтому этого правителя именуют Левон V, хотя он был шестым королем Киликийской Армении, носившим такое имя.

⁴ Documentos del Archivo General de la Villa de Madrid. 2ª serie. Madrid, 1932. Т. I. P. 183—186.

⁵ Millares Carlo A. Índice y extractos de los Libros de Cédulas y Provisiones del Archivo Municipal de Madrid (Siglos XV—XVI) // Revista de la Biblioteca, Archivo y Museo. Año VI, núm. 23. Madrid, 1929. P. 295—296.

Приложение

¹ Перевод выполнен по изданию: *Fuero de Madrid*. Coord. E. L. Huertas Vázquez / Ed. A. Millares Carlo, R. Lapesa, A. Gómez Iglesias. Madrid, 2002.

² Магриналия: Sancti Spiritus adsit nobis gratia. Incipi liber de foris de Magerit, vnde dives hac pauperes vivant in pace.

³ Hec est carta quem facit concilium de Madrid.

⁴ Vecino — житель, сосед, горожанин. Полноправный член городской общины, обладающий имуществом в городе, которое может передать по наследству, наиболее привилегированный статус в городе и его округе, в соответствии с фуэро.

⁵ Fijo de vecino — сын горожанина. Статус, практически равный «vecino» — горожанину. Наиболее вероятно, что так называли потомков горожан, не вступивших пока во владение имуществом (это давало право на статус горожанина), но имеющих права на такое наследство.

⁶ Morabeti — прил. «альморавидский», название монеты, которая появилась в 1172 г., когда Альфонсо VIII начал чеканку золотого динара альморавидов. Христианские динары довольно точно воспроизводили мусульманские деньги, включая арабоязычную легенду. Весили золотые мараведи христиан 4.05 г и благодаря качеству получили широкое хождение. В правление Фернандо III стали чеканить мараведи с легендой на латинице, затем происходит порча мараведи, а в правление Альфонсо X чеканили серебряный мараведи. Авторы комментария к изданию фуэро Мадрида полагают, что везде, где упоминается мараведи, речь идет о серебряной монете, за исключением тех случаев, где специально оговорено «morabetinos in auro» (ст. 9, 12, 14). Однако к моменту записи фуэро серебряных мараведи еще не чеканили. Есть предположение, что словом «morabiti» обозначали альморавидские дирхемы — серебряную монету. 10 альморавидских дирхемов составляли 1 альморавидский динар. (*Mateu Llopis F.* *Glosario hispánico de numismática*. Barcelona, 1946).

⁷ Здесь имеется в виду очистительная клятва (обозначена как juramento). Здесь и в других статьях решение о такой клятве принималось, когда виновность ответчика не могла быть доказана надежными свидетельствами. Ответчик мог клясться один или вместе с соприсяжниками, число которых зависело от тяжести обвинения (от 1 до 12). Для обозначения принесения такой клятвы используются также слова — *salvare, iurare*.

⁸ Fiadores — административно-судебная должность в консехо с довольно широким кругом полномочий: сбор штрафов, контроль за ценами, взимание залога (судебного), организация процедуры судеб-

ного заседания, исполнение судебного приговора. При вступлении в должность приносили клятву (присягу) (*per la iúira quod habet facta*). Именно этот факт определил выбор термина на русском, поскольку буквальный перевод этого слова — *поверенный*, а в современном кастильском языке оно используется почти исключительно для обозначения *поручителей*, однако описанный круг обязанностей *fiadores* не позволяет использовать ни одно из этих слов, так как они могут исказить смысл текста. Исключения составляют те статьи, где речь идет собственно о поручительстве за кого-либо — ст. 12, 13, 26, 34, сн. 25, 31, 52, 53. Насколько можно судить, использование слова *fiador* для обозначения должностного лица консехо было особенностью Мадрида, в фуэро других городов это слово используется в значении *поручитель*, а схожие должностные обязанности исполняли те, кого именуют *jurados* — присяжные, либо *alcaldes* — алькальды.

⁹ Эра, иногда также именуется «испанская эра» — особая система летосчисления, использовавшаяся в античных и средневековых текстах на Пиренейском полуострове. Ее началом считается 38 г. до н. э., когда был издан один из указов императора Октавиана Августа, касавшийся испанской провинции. Эта система постепенно вышла из употребления к XV в.

¹⁰ *Messare* — вырывать волосы или бороду руками (совр. форма *mesar*). В большинстве статей, связанных с нанесением побоев и ран, этот вид повреждений всегда упоминается как отдельное действие, особо оскорбительное, наносящее не только физический, но и моральный ущерб. Об оскорблении в целом и в частности действием *messare* в средневековых юридических текстах, происходящих с Пиренейского полуострова, см.: *Pérez Martín A. La protección del honor y de la fama en el derecho histórico español // Anales de derecho. Universidad de Murcia. N. 11. 1991. P. 117—139.*

¹¹ *Azor* — от араб. *al-sūr* — стена. Обозначает крепостное сооружение, платеж, работы по строительству укреплений.

¹² *Aluagan* — от араб. *al-barrāni* — посторонний, происходящий извне. Преступления и проступки, совершенные на территории консехо Мадрида человеком, не являющимся членом общины и не пользующимся защитой его фуэро, карались более высокими штрафами и более суровыми наказаниями.

¹³ *Adelantado* — по фуэро Мадрида, одно из должностных лиц, действовавших в судопроизводстве (обеспечивали присутствие сторон на суде вместе с другими судейскими, могли участвовать в получении судебного залога; ст. 9, 13, 88). В более поздний период (в частности, во второй половине XIII в.) *аделантадо* именуются правители областей, назначаемые королем, с широким кругом административных, военных и судебных полномочий.

¹⁴ *Iurado* — административно-судебная должность. Круг полномочий по фуэро Мадрида не совсем ясен. Исходя из контекста статей, где упоминаются *iurados* (присяжные) — ст. 9, 23, 37, 107, 112, 114—117 — это чаще *iurados del rey* или *quatuor del rey* — должностные лица, назначаемые королем и приносящие ему присягу. Они вместе с алькальдами участвуют в судебных заседаниях консехо (ст. 9, 37).

¹⁵ *Conzeio maior* — в данном случае имеется в виду собрание должностных лиц, причем, скорее всего, не всех, а именно облеченных правом вынесения судебных решений.

¹⁶ *Morador* — особый статус обитателя города, находящегося под защитой фуэро, но более низкий, чем статус *vecino*.

¹⁷ *Aldeano* — житель селения, находящегося в округе Мадрида (*alfoz*), на которую также распространяется действие норм фуэро.

¹⁸ *Апортельядо* (*aportellado*) — общее название для всех должностных лиц, занятых в судопроизводстве.

¹⁹ *Dare pignos* — в данном случае подразумевается досудебный залог, взимавшийся для обеспечения явки ответчика в суд. Получение таких залогов было одной из основных обязанностей поверенных. Также в этом принимали участие алькальды.

²⁰ *Ochava* — имеется в виду восьмая часть серебряного мараведи. Мелкая монета.

²¹ Данная статья регулирует порядок получения залога: заимодавцы не могли забирать его у должника самостоятельно, только по решению суда и при участии должностных лиц.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. История Мадрида: в поисках начала	3
Глава 1. Мадрид и сопредельные земли в древности	9
Глава 2. Основание города. Мусульманский Мадрид	27
Глава 3. Большие перемены. Мадрид и округа в XII—XIII вв.	46
Реконкиста	46
Новая жизнь Мадрида	56
Сан-Исидро	58
Средневековые приходы	66
Аррабали	79
Монастыри	80
Город и его округа	81
Глава 4. «Чтобы богатые и бедные жили мирно и в здравии». Городская жизнь в Мадриде XII—XIII вв.	89
Городская община	89
Суд в Мадриде	94
Городская администрация	102
Городское хозяйство и финансы	106
Мадридцы и война	109
Горожане	111
Морерия	118
Худерия	129
Глава 5. Город и короли	131
Заключение. На пороге расцвета: Мадрид в середине XIV— середине XV в.	157
Приложение	167
Фуэро Мадрида 1202 г.	167
Библиография	201
Примечания	202

Галина Александровна Попова

МАДРИД В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Очерк истории

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Компьютерная верстка *О. В. Новикова*

Подписано к печати 07.08.2018.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.1. Уч.-изд. л. 10.5.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 438

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039686-9

9 785020 396869

Г. А. ПОПОВА

МАДРИД В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ОЧЕРК ИСТОРИИ

Книга «Мадрид в Древности и Средневековье» посвящена истории города и окрестных областей (современное автономное сообщество Мадрид) с древности до середины XV века. В центре внимания автора – эпоха Средневековья, когда начинается собственно городская история испанской столицы: в IX веке на пограничных землях Аль-Андалуса была основана крепость Маджит.

В монографии создана широкая панорама городской истории: рассказывается об основании города, о мусульманском Мадриде, его отвоевании христианами и связанных с этим переменах во всех аспектах городской жизни. Речь идет о судопроизводстве и управлении, организации церковной жизни, о хозяйстве и финансах, взаимоотношениях города и округа, городской общине и ее отношениях с королевской властью. Этот последний аспект не только важен для истории Мадрида, но и позволяет расширить наши знания о внутренней политике кастильских королей. И в целом книга представляет интерес не только как очерк в жанре локальной истории, но и в качестве комплексного исторического исследования небольшого кастильского города в эпоху Средневековья. В виде приложения в работу включен комментированный перевод на русский язык «Фуэро Мадрида 1202», самый известный текст, созданный в средневековом Мадриде.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»